Кр 47
544
экслибрис

ПЕРВЫЙ ВѢКЪ СЕНАТА.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.

ДБ
200
Гбд
КР47
544
т

КН. ПЕТРЪ ГОЛИЦЫНЪ.

ПЕРВЫЙ ВѢКЪ СЕНАТА.

Т3 (32)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910.

03 0.3
12969

БИБЛИОТЕКА Г. И. Н. И.
№ 782
16 - II 1931 г.

Предисловіе.

Авторъ долженъ оговориться.

„Первый Вѣкъ Сената“ облеченъ не въ совсѣмъ обыкновенную форму. Какъ сочиненіе по исторіи права, „Первый Вѣкъ Сената“ долженъ бы казаться сухимъ перечисленіемъ фактовъ, доступнымъ лишь изученію и справкамъ по немъ спеціалистовъ. А между тѣмъ это не совсѣмъ такъ.

Авторъ имѣлъ въ виду дать не справочную книжку фактическихъ знаній (можетъ быть книжку энциклопедически полную, но однопредметную), онъ хотѣлъ составить не лабиринтъ перечисленій, не послужной списокъ, а описать жизнь учрежденія, котораго судьба такъ тѣсно связана съ судьбою государства.

„Учрежденія, какъ и люди, имѣютъ свою судьбу. Они проходятъ въ своей жизни и черезъ времена славы и черезъ періоды униженія“, говоритъ проф. Филипповъ, одинъ изъ немногихъ изслѣдователей Исторіи Сената. И дальше: „Подобно тому, какъ изученіе характера отдѣльныхъ людей требуетъ предварительнаго изслѣдованія различныхъ эпохъ ихъ жизни,—такъ и

существо учрежденія становится яснымъ лишь послѣ того, какъ мы себѣ вполнѣ отчетливо представимъ картину его образованія, роста и упадка. Этимъ путемъ мы легче можемъ открыть тѣ, на первый взглядъ невидимыя черты, которыя являются характерными для даннаго учрежденія не только въ разсматриваемое время, но которыя составляютъ и его общее начало. Это начало есть основа общая для всего времени существованія учрежденія, основа, которая сопровождаетъ его въ теченіе всей послѣдующей исторической жизни".

Но для того, чтобы прослѣдить картину образованія учрежденія, картину его роста и упадка,—недостаточно разбирать одну фактическую сторону его жизни, хотя бы это былъ лучшій способъ въ чисто справочномъ отношеніи.

И въ біографіи знаменитаго дѣятеля насъ интересуетъ не только чисто фактическая сторона,—но и зависимость фактовъ отъ стороны другой, непримѣтной сразу. Мы всегда стараемся разобрать саму жизнь. Подавно, какъ могли бы мы лишь фактически отнестись къ такому учрежденію, какъ Сенатъ, младенчество котораго—младенчество административной и юридической Россіи, развитіе котораго въ такой большой зависимости отъ общаго уровня культуры въ государствѣ, отъ ея развитія.

Во время твердой власти, во время Петра, какъ твердо Сенатъ стоитъ при своихъ правахъ, блестящій не столько своимъ внѣшнимъ видомъ, сколько продуктивностью своего дѣла. Во время власти слабой или невнимательной—онъ сборище недѣловитыхъ вельможъ и честолюбцевъ; при власти иноземной и чужой—

онъ лишь самостоятельный исполнитель въ оставленныхъ ему границахъ. Наконецъ, въ исходѣ XVIII-го столѣтія, при власти прежде всего умной, онъ находитъ себѣ поприще плодотворной работы, не захватывая ничьихъ правъ и никѣмъ не унижаемый напрасно...

Какъ много здѣсь образующихъ причинъ...

Ихъ въ одномъ фактическомъ изложеніи не охватить. Ясно, что Исторія Сената, кромѣ фактическихъ данныхъ, должна заключать въ себѣ достаточно яркую нить національной исторіи Россіи, ибо эти двѣ нити идутъ неразрывно, между собою причудливо сплетаясь. Безъ изложенія той и другой совмѣстно, нельзя понять, какъ изъ Управительнаго-Правительствующаго Сенатъ сдѣлался просто „Высокимъ“, какъ, будучи вначалѣ почти самодержавнымъ и притомъ законно, онъ потерялъ затѣмъ при верховникахъ свои права, но снова пріобрѣлъ ихъ въ выродившейся формѣ при Елисаветѣ;—какъ, наконецъ, Сенатъ изъ „любимаго дѣтища“ Великаго Государя, изъ помощника Преобразователя, обратился, по выраженію гр. Панина, въ съѣздъ недѣловыхъ людей, которые должность своего званія почитали достаточно исполненною, когда пріѣзжали въ Сенатъ, какъ гости на обѣдъ.

Исторія Сената съ національной исторіей Россіи находится въ сплетеніи неразрывномъ, причинномъ.

Теперь съ благодарностью обращусь къ моимъ учителямъ.

Работа моя ширилась по мѣрѣ того, какъ съ помощью ихъ трудовъ я знакомился съ исторіей, ко-

торой они отдали столько силъ. Моимъ учителямъ я обязанъ тѣмъ, что увлекательное ихъ изложеніе заставило меня далеко раздвинуть предполагавшіяся границы „Перваго Вѣка Сената“. Да не посѣтуютъ они теперь на то, что по вопросамъ фактическихъ перечисленій я, въ ходу изложенія, часто пользовался подлинными ихъ словами. Но вѣдь все вниманіе свое я сосредоточивалъ не на фактическомъ перечисленіи. На первомъ планѣ стояла связь фактовъ въ исторіи Сената съ національной исторіей, положеніемъ и системой управленія Россіи.

Необходимо, наконецъ, сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое авторъ придалъ эпиграфамъ, поставленнымъ въ началѣ отдѣльныхъ малыхъ главъ. Возражая на послѣдовавшія уже замѣчанія, должно указать, что эпиграфами авторъ не старался, по общему правилу, предварительно резюмировать главу. Ими онъ идетъ лишь въ помощь самому содержанію.

Учрежденіе Сената.

„Еще-жъ объявляю, уже вы извѣстны, что мы опредѣлили Сенатъ Правительствующій, которому всю полную мочь дали, того ради извольте о всѣхъ требованіяхъ писать къ нимъ, а къ намъ только о томъ вѣдѣнія давать, дабы время не терять“.

Изъ письма Петра Великаго къ Меншикову, 11-го Марта 1711 года [1]).

I.

(22 Февраля 1711 года — 28 Января 1725 года).

Время Петра Великаго.

Петръ оставилъ судьбу Россіи
въ русскихъ рукахъ.

Соловьевъ.

Дума Княжеская и Царская. Почему Петръ Великій не преобразовалъ Царскую Думу. „Коллегіи". Консилія бояръ въ Ближней Канцеляріи. Прутскій походъ. Сенатъ. Инструкція Сенату. Кругъ дѣятельности Сената. Указъ 5-го Марта. Фискалы. Коммисары. Власть Сената. Его недостатки. Канцелярія. Реформы. 1722 годъ. Сенатскій судъ. Генералъ-рекетмейстеръ. Герольдмейстеръ. Недостатки фискальнаго надзора. Надзоръ прокурорскій и фискальный. Генералъ-прокуроръ. Петровскій Сенатъ.

Развиваясь и развѣтвляясь въ силу своего примѣненія къ жизни, трудъ спеціализируется не только въ области экономической, но и въ чисто государственной сферѣ. Это доказывается исторіей государственнаго устройства и управленія каждой страны, въ томъ числѣ и нашей.

Уже въ дружинѣ князей лежитъ зерно развитія органовъ государственной власти. Изъ старшихъ дру-

жинниковъ, людей близкихъ къ князю, составлялась Княжеская Дума или Совѣтъ,—зародышъ позднѣйшей Царской Думы.

Царская Дума, учрежденіе которой приписываютъ Іоанну Грозному, есть новое учрежденіе, развившееся изъ Княжеской Думы, но отъ нея отличное. Княжеская Дума была совершенно частнымъ Совѣтомъ Князя и не имѣла соотношенія съ другими органами управленія, — Царская же Дума является учрежденіемъ постояннымъ, съ опредѣленной организаціей и составомъ, учрежденіемъ, находящимся въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ верховной власти и къ прочимъ органамъ управленія.

Царская Дума походила къ понятіямъ московскихъ Царей, къ посѣдливо-домовитому ихъ образу жизни, къ ихъ неповоротливой дѣятельности. Въ царствованіе же Петра медленный ходъ нашей жизни превратился въ изумительно быстрый и Думѣ оставалось или переустроиться соотвѣтственно новымъ потребностямъ или уничтожиться, замѣнившись новымъ учрежденіемъ. Въ прежнемъ своемъ видѣ она во всякомъ случаѣ не могла оставаться, ибо время Петра Великаго требовало постоянной, быстрой, энергической дѣятельности. Кромѣ того, самъ Петръ, часто уѣзжая изъ столицы, могъ дѣлать только главныя распоряженія, давать направленіе, а остальное долженъ былъ предоставить какому-либо лицу или учрежденію, которое бы пользовалось полнымъ его довѣріемъ, представляло бы во время его отсутствія его особу и его власть, съ отчетомъ ему одному, по его возвращеніи. Преобразователь, слѣдовательно, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ

нуждался въ помощникѣ, который бы снялъ съ него часть заботъ и раздѣлилъ съ нимъ его труды. Такого помощника онъ не могъ найти въ Думѣ, въ тогдашнемъ ея видѣ. Этому препятствовали два характерныхъ ея признака: она страдала отсутствіемъ самостоятельности и отсутствіемъ всякой иниціативы, тогда какъ по современному положенію требовалось обратное,— именно, починъ и много разумной рѣшительности. Къ нимъ, съ самаго начала своей преобразовательной дѣятельности, Петръ старался пріучить своихъ подданныхъ, развивая въ нихъ охоту къ самодѣятельности.

Естественнымъ является вопросъ: почему Преобразователь предпочелъ въ такомъ случаѣ уничтожить Думу и замѣнить ее учрежденіемъ иностраннымъ, а не попытался надѣлить ее большими правами и сдѣлать самостоятельною?—На это трудно отвѣтить сколько нибудь точно, но съ нѣкоторой вѣроятностью допустимо то предположеніе, что, можетъ быть, онъ этого не сдѣлалъ потому, что старое учрежденіе носило бы въ себѣ старыя преданія и убѣжденія, шедшія въ разрѣзъ съ народившимися новыми. Преобразовать Думу значило для Петра въ старые мѣхи влить новое вино, то новое, которое онъ съ такимъ трудомъ насаждалъ. Въ Думѣ, только обновленной, жили бы воспоминанія о прошломъ и проглядывали бы старыя привычки и понятія.

Кромѣ того, можно предположить, что, борясь со старымъ духомъ и желая какъ можно скорѣе вытѣснить его, Петръ не хотѣлъ давать новымъ учрежденіямъ старыя названія потому, что всякое историческое имя есть живое представленіе идеи, которая упорно

носитъ въ себѣ воплощеніе связанной съ нею старины, напоминаетъ, поддерживаетъ старый духъ.

Итакъ, имѣвшееся учрежденіе не могло пригодиться. Не могли пригодиться и отдѣльные люди. Петръ имъ также не довѣрялъ, всюду стараясь ихъ замѣнить „коллегіями".

„Когда явилась у Петра первая мысль о коллегіяхъ, рѣшить еще труднѣе, чѣмъ то, когда явилась первая мысль о губерніяхъ", — говоритъ въ своемъ изслѣдованіи петровской эпохи П. Милюковъ [2]). Можно только утверждать съ достовѣрностью, что оба термина сдѣлались привычными и обще-знакомыми задолго до того, когда съ ними стали связывать представленіе о соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ. Петру въ особенности они не были чужды, въ чемъ мы можемъ убѣдиться изъ того, что первое извѣстное намъ употребленіе слова „коллегіи" должно быть отнесено ко времени пребыванія его въ Англіи, слѣдовательно, къ первымъ мѣсяцамъ 1698 года, когда Френсисъ Ли подалъ Царю „предложенія о правильной организаціи" его правительства, именно объ учрежденіи семи „комитетовъ или коллегій" [3]). Объ этихъ послѣднихъ упоминается и въ манифестѣ 1702 года о вызовѣ въ Россію иностранцевъ и, наконецъ, третій разъ по времени встрѣчаемъ мы слово „коллегіи" въ одномъ меморіалѣ, поданномъ Государю въ 1711-мъ году.

Превосходство коллегій надъ единоличностью, какъ это превосходство понималъ Петръ, кратко изложено въ 1718 году при сравненіи старыхъ приказовъ съ вновь учреждавшимся коллегіями: „коллегіи, т. е. собранія многихъ персонъ, въ которыхъ президенты или

предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли; въ коллегіи же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ ничего учинить".

Такими путями событія наталкивали на установленіе новаго правительственнаго мѣста, которое, не будучи переустроенною Думою и не нося доселѣ примѣнявшагося имени, должно было на дѣлѣ осуществить принципъ коллегіальности. Такимъ учрежденіемъ для Петра являлся Сенатъ, образованіе котораго нельзя приписать одной личной волѣ Преобразователя и, какъ бы, его капризу или непреодолимой страсти къ подражанію чужеземнымъ образцамъ.—Нѣтъ, многія изъ его преобразованій требовались самою жизнью, были потребностью тогдашней Россіи и за нихъ мы должны быть благодарны ему.

Осудивъ справедливо Думу на уничтоженіе [4]), Петръ не сразу рѣшился замѣнить ее другимъ учрежденіемъ. Однако, потребность поставить во главѣ управленія что-нибудь или кого-нибудь была столь настоятельна, что Петръ приказалъ завѣдывавшимъ различными приказами съѣзжаться въ Ближнюю Е. В. Канцелярію и заниматься тамъ дѣлами, касающимися всего государства, сообща.

Въ 1700-мъ году Дума еще существуетъ, а въ началѣ 1704-го года Ближняя Канцелярія дѣйствуетъ съ характеромъ высшаго центральнаго установленія. Она есть тѣсный совѣтъ министровъ,—начальниковъ приказовъ, высшій административный органъ власти неограниченнаго Монарха, исполнительница его воли, которая выражается въ именныхъ указахъ.

Но и съѣзжавшимися министрами Петръ не былъ доволенъ. Дѣла шли скверно. Члены консиліи всѣ были работой завалены, часто уѣзжали то въ Петербургъ, то въ Воронежъ на верфь, то были вызываемы Государемъ для разсужденія по своимъ дѣламъ; они по прежнему за всѣмъ обращались къ Петру. Очевидно, надо было скорѣе создать себѣ дѣятельнаго и могущественнаго помощника, надо было прекратить неопредѣленное, явно временное положеніе, давъ государству дѣйствительно высшее центральное учрежденіе; время же наступало такое, которое наиболѣе должно было къ тому побудить Государя.

Потерпѣвъ пораженіе, послѣ Полтавской битвы, Карлъ XII бѣжалъ въ Турцію и тамъ всѣми средствами добивался ея войны съ Россіей. Усилія его увѣнчались успѣхомъ. Въ 1711-мъ году загорѣлась война. Долженъ былъ начаться Прутскій походъ, на время котораго государство могло бы вдругъ остаться неуправляемымъ, такъ какъ Царю и Полководцу въ военное время некогда было заниматься внутренними дѣлами. Поэтому 22-го Февраля, въ одно время съ объявленіемъ войны, Петръ учреждаетъ Сенатъ, обладающій обширной властью, организованный, энергичный, способный замѣнять Царя [5]).

Первыми сенаторами Царь пожаловалъ: гр. Мусина-Пушкина, Тихона Стрѣшнева, кн. Петра Голицына, кн. Мих. Долгорукаго, Григ. Племянникова, кн. Григ. Волконскаго, генералъ-кригсъ-цалмейстера Михаила Самарина, Вас. Опухтина и Мельницкаго. Второго Марта въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи Царя митрополитъ Рязанскій Стефанъ привелъ сенаторовъ къ при-

сягѣ. Клятвенное обѣщаніе „честно, не лѣностно, но паки ревностно исполнять званіе свое“ было сочинено Петромъ. Приносившіе присягу обѣщаніе подписали.

Первоначальный характеръ установленія Сената показывалъ, что значеніе новаго учрежденія могло быть только временнымъ; необходимо оно должно было быть лишь постольку, поскольку Царь отлучался. Такого мнѣнія держался и Петръ; онъ ясно его высказываетъ въ своихъ указахъ. Къ тому же, обычай приказывать государство боярамъ на время отлучекъ или болѣзни Царя не былъ новъ и вполнѣ соотвѣтствовалъ духу русскаго управленія. Петръ прибѣгалъ ранѣе къ нему не разъ и такъ поступилъ онъ, напримѣръ, при первой поѣздкѣ своей за-границу. Только тогда, конечно, онъ не давалъ избраннымъ имъ боярамъ организаціи, не уничтожалъ для нихъ приказовъ, не давалъ имъ особаго имени. Теперь онъ дѣйствуетъ иначе. Новое „учрежденіе“, наименованное Сенатомъ, является прочно организованнымъ и, конечно, несравненно болѣе высокимъ, чѣмъ прежняя Дума или консилія бояръ въ Ближней Канцеляріи. Оно начинаетъ поглощать многіе приказы, входившіе въ него въ качествѣ особыхъ столовъ и, въ дѣйствительности, ему пришлось собою восполнять отсутствіе центральныхъ учрежденій.

2-го Марта повелѣно было „всѣмъ кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія высшимъ и нижнимъ Чинамъ“, чтобы „всякъ ихъ (Сената) указамъ“ былъ послушенъ такъ, какъ „Намъ самому подъ жестокимъ наказаніемъ и смертію, по винѣ смотря“ [6]). На неправильныя дѣйствія Сената разрѣшается жаловаться, но

лишь Государю, передъ которымъ Сенатъ является отвѣтственнымъ. До возвращенія Государя даже незаконное дѣйствіе Сената не могло быть обжаловано.

Въ тотъ же день Сенатъ получилъ и свою первую инструкцію, изъ которой видно, какъ обширна была его компетенція и какія нужды считались по тому времени особенно важными [7]). Въ первомъ пунктѣ этой инструкціи говорится о „судѣ нелицемѣрномъ“ и о „наказаніи неправедныхъ судей“. Здѣсь то вниманіе, которое Петръ удѣлилъ суду, станетъ понятнымъ, если вспомнить, какъ много онъ вообще прикладывалъ труда къ упорядоченію судебной части; будучи послѣдовательнымъ, онъ именно судъ и надзоръ за правосудіемъ долженъ былъ ставить Сенату, какъ главный предметъ дѣятельности.

Постоянные походы Петра, а, въ данномъ случаѣ, присоединеніе къ войнѣ со Швеціей еще и Прутскаго похода противъ Турціи,—все это сильно повышало расходы и вызывало необходимость пересмотра расходовъ и доходовъ вообще,—поэтому второй пунктъ сенатской инструкціи регулировалъ „собираніе денегъ“, чему было дано и характерное объясненіе: „понеже деньги суть артеріею войны“.

Инструкція говорила еще о собираніи дворянъ въ войско,—война требовала много людей.—Прежній Разрядный Приказъ [8]) былъ въ самомъ началѣ установленія Сената уничтоженъ, а вмѣсто него учрежденъ разрядный столъ при Сенатѣ, которому тѣмъ самымъ передавалось въ вѣдѣніе все служилое сословіе, главная сила тогдашняго войска [9]).

Таковы три наиболѣе центральные пункта, кото-

рые Петръ ставилъ вновь учрежденному Сенату на разрѣшеніе. Однако, тому же учрежденію предоставлялось множество другихъ заботъ, какъ напримѣръ—о векселяхъ на казенные товары, о прибыли отъ продажи соли, о казенныхъ товарахъ вообще, объ умноженіи персидскаго торга [10]) и торга съ Китаемъ, о поставкахъ въ войска, о постройкѣ каналовъ, о чисткѣ улицъ Петербурга... Кромѣ того, до учрежденія Синода Сенатъ имѣетъ большую власть въ дѣлахъ духовныхъ. Впрочемъ, часто и потомъ мы видимъ, что члены Синода призываются въ Сенатъ для общихъ совѣщаній, какъ „секретныхъ, такъ и несекретныхъ".

Столь обширно опредѣлялась задача и кругъ дѣятельности Сената, причемъ, всетаки, перечисленіе это надо считать далеко не исчерпывающимъ. Мы ничего не сказали напр. о мѣрахъ противъ пожаровъ, разбоевъ, голода, а между тѣмъ все это входило въ предѣлы задачъ новаго учрежденія [11]).

5-го Марта указъ постановилъ:

1) чтобы всѣмъ „въ Сенатѣ пребывающимъ мѣста имѣть по списку, кто послѣ кого написанъ въ опредѣлительномъ указѣ" и

2) чтобы дѣла рѣшались единогласно.

Какъ то было установлено для протоколовъ Ближней Канцеляріи,—„дабы дурость всякаго явлена была",—сенаторы должны были собственноручно подписывать приговоры. Несогласный обязанъ былъ давать „протестацію за своею рукою на письмѣ", чтобы не было несогласій исключительно изъ за упрямства.

Далѣе, желая облегчить задачу Сената въ надзорѣ за дѣйствіями правительственныхъ органовъ,—въ част-

ности за необкрадываніемъ казны, что было явленіемъ не рѣдкимъ,—Петръ рѣшилъ установить и органъ контроля. Тотъ же указъ предписывалъ Сенату:

3) „Выбрать оберъ фискала, человѣка умнаго и добраго (изъ какого чина ни есть)“ [12]).

— Еще 2-го Марта, въ указѣ объ обязанностяхъ Сената въ отсутствіе Царя, ему (Сенату) было предписано „учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, а какъ быть имъ пришлется извѣстіе“ [13]). Такое извѣстіе и не замедлило явиться въ указѣ 5-го Марта. Въ немъ дается краткое, но довольно ясное и точное опредѣленіе новой должности, которая заключается въ томъ, чтобы „надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго“, и состоитъ изъ трехъ іерархическихъ степеней съ оберъ-фискаломъ во главѣ [14]).

Фискалы—это глаза и уши Сената.

Такъ началось существованіе фискалата, обнимающее собою, до 1730-го года, 20-ти лѣтній періодъ, въ теченіе котораго новое учрежденіе, повидимому, все еще находится въ фазисѣ образованія. Въ организаціи фискальнаго института за все это время предоставляется большой просторъ созидательной практикѣ.

Фискалы, по мѣрѣ ихъ окончательнаго устройства, вводились при всѣхъ вѣдомствахъ и установленіяхъ: при войскахъ, при флотѣ, при духовномъ правленіи, при государственныхъ коллегіяхъ.

Большинство отдѣльныхъ распоряженій о нихъ имѣютъ характеръ ретроспективный, съ прямою ссылкой на вызвавшіе ихъ случаи. Изъ общихъ же узаконеній времени Петра, кромѣ упомянутаго указа 5-го

Марта 1711 года, наиболѣе важными представляются: 1) указъ 17 Марта 1714-го года „о должности фискаловъ“, содержащій въ одиннадцати статьяхъ обстоятельное опредѣленіе задачи и обязанностей этихъ должностныхъ лицъ [15]) и сдѣлавшій наказуемыми, по крайней мѣрѣ, преднамѣренныя ошибки ихъ, чего раньше не было вовсе, и 2) инструкція или наказъ земскимъ фискаламъ, 1719 года [16]), „въ большей своей степени переведенный со шведскаго“ [17]). Присоединивъ къ сему указъ вышедшій уже при Екатеринѣ I,—25 Апрѣля 1725 года[18]), „о должности генералъ-фискала и его помощника, государственнаго оберъ-фискала“, повторявшій черты петровскаго учрежденія, мы на основаніи всѣхъ этихъ источниковъ, изъ различныхъ перипетій, постигшихъ фискалатъ, можемъ извлечь понятіе объ его устройствѣ и дѣятельности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, бросивъ бѣглый взглядъ на внутреннюю исторію фискальныхъ учрежденій, намъ легче будетъ сдѣлать общій о нихъ выводъ, который объяснитъ и ихъ судьбу.

Фискалы распредѣлялись по рангамъ и нѣсколькимъ степенямъ. Въ лицѣ оберъ-фискала сосредоточивался повсемѣстный надзоръ за дѣлами и дѣятельностью правительственныхъ установленій на всемъ пространствѣ Имперіи, почему оберъ-фискалъ и называется иногда въ законахъ „государственнымъ“. При немъ состояли четыре товарища. При центральныхъ учрежденіяхъ, приказахъ, а затѣмъ коллегіяхъ, были особые фискалы „у каждаго дѣла по одному“. Въ провинціяхъ при каждомъ губернаторскомъ правленіи состоялъ провинціалъ-фискалъ съ товарищами и съ фискалами изъ купечества. Въ городахъ были городовые

фискалы, по одному или по два, „смотря по препорціи“. Наконецъ, при фискалахъ каждой изъ перечисленныхъ категорій состояли для порученій въ неопредѣленномъ числѣ нижніе или рядовые фискалы.

Первоначально оберъ-фискалъ дѣйствовалъ при Сенатѣ, имѣя здѣсь особую канцелярію, потомъ, въ 1719 году, онъ перешелъ въ Юстицъ-Коллегію. Съ перемѣщеніемъ его туда явилась надобность въ замѣщеніи вакантнаго фискальнаго поста при Сенатѣ и въ объединеніи государственнымъ значеніемъ этой должности всего учрежденія фискаловъ. Это совершилось не сразу, — только въ 1723 году гвардіи полковникъ Мякининъ былъ назначенъ генералъ-фискаломъ, а въ 1725-мъ году оберъ-фискалъ формально сдѣлался его помощникомъ.

Всѣ фискалы Имперіи составляли особое вѣдомство, центромъ котораго служила находившаяся въ Петербургѣ, сначала при оберъ-, а потомъ при генералъ-фискалѣ, особая „фискальная канцелярія“.

Въ своемъ служебномъ положеніи фискалы были включены въ іерархію табели о рангахъ. Ихъ ранги были повышены указомъ 1723 года, по которому генералъ-фискалъ приравнивался къ генералъ-маіору, государственный оберъ-фискалъ къ бригадиру, фискалы въ коллегіяхъ—отъ полковника до маіора, провинціалъ-фискалы къ капитану.

Таковъ былъ фискальскій надзоръ и его система.

Теперь вернемся къ разсмотрѣнію дальнѣйшаго устроенія Сената.

Для удобнѣйшихъ и быстрѣйшихъ сношеній высшаго правительственнаго мѣста съ губерніями, должны

были находиться въ Москвѣ коммиссары [19]) изъ каждой и безотлучно быть въ канцеляріи Сената для принимания указовъ и для отвѣта на вопросы по дѣламъ, касающимся ихъ губерній; коммиссары принимали изъ Сената грамоты Государя и вѣдѣнія о всякихъ губернаторскихъ дѣлахъ и отсылали ихъ въ свою губернію, и, получа вѣдѣнія отъ губернаторовъ, подавали оныя за своими руками въ канцелярію Сената.

Относительно послѣдней, сенатскій указъ 27-го Марта [20]) слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ ея устройство. Вся масса дѣлъ, поступавшихъ въ вѣдомство Сената, была раздѣлена между столами секретнымъ, приказнымъ, губернскимъ и ранѣе упомянутымъ разряднымъ. Дѣлопроизводство по высшимъ государственнымъ вопросамъ сосредоточивалось въ столѣ секретномъ. Въ приказномъ были дѣла текущаго управленія, требующія особаго разсмотрѣнія и разрѣшенія. Губернскій столъ долженъ былъ поставить губернскую администрацію въ непосредственныя сношенія съ Сенатомъ.

Такъ организовался Сенатъ въ продолженіе Марта 1711 года. — Сенатъ — высшее судебное и высшее надзирающее учрежденіе и, наконецъ, Сенатъ—высшее административное учрежденіе.

Формѣ соотвѣтствовало содержаніе. „Управительному Сенату“ Петръ далъ большую самостоятельность въ дѣйствіяхъ и снабдилъ его обширными полномочіями.

Административная власть Сената была такъ велика и такъ неопредѣленно поставлена самимъ Петромъ, что нерѣдко выходила изъ предѣловъ административной и переходила въ законодательную. Мы видимъ, что Се-

натъ собственною властью уничтожаетъ приказы, возстановляетъ уничтоженные, создаетъ новыя учрежденія, передаетъ предметы вѣдомства одного въ вѣдѣніе другого учрежденія, накладываетъ подати, уменьшаетъ ихъ, объявляетъ наборы рекрутъ, лошадей и т. д.

Особенно рѣзокъ одинъ примѣръ самостоятельности Сената,—это назначеніе въ 1713 году кн. Долгорукаго Смоленскимъ губернаторомъ.

По выраженію Петра,—все находится въ рукахъ сенаторовъ. „О деньгахъ", писалъ Петръ въ Маѣ 1711 года Апраксину, „изволь писать къ Сенату, ибо все на нихъ положено".

Такъ говоритъ Царь и на это онъ смотритъ серьезно. Давая много, онъ много и требуетъ; онъ довѣряетъ вполнѣ коллегіальной формѣ, но онъ не вѣритъ самимъ членамъ коллегій.

Полное собраніе законовъ даетъ намъ ясную картину борьбы Царя съ неумѣніемъ, неопытностью и небрежностью коллежскихъ и сенатскихъ членовъ. Имъ должно напоминать объ обязанности съѣзжаться, о томъ, какъ сидѣть и пр. Въ 1716 году прямо указывается собираться три раза въ недѣлю. Наконецъ, тогда же больныхъ сенаторовъ велѣно свидѣтельствовать, а съ нерадивыхъ взыскивать за каждый день по 50 рублей штрафу.

Понятно, что при такомъ положеніи Петръ и не всѣми распоряженіями сенаторовъ былъ доволенъ. Часто выговоры и угрозы сыплются на головы уполномоченныхъ верховной власти. Царю хотѣлось, чтобы новое учрежденіе дѣйствовало не по старому, не довольствовалось только распоряженіемъ, посылкою указа, но

старалось, чтобы все было исполнено немедленно, какъ слѣдуетъ. Царь прежде всего требовалъ, чтобы Сенатъ не терялъ дорогого времени и настаиваетъ онъ на этомъ особенно, „понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно". Напоминаніе было не лишнимъ. Въ Ноябрѣ 1714 года голландскій резидентъ, можетъ быть, уже сгущая краски, такъ пишетъ о дѣятельности Сената: „Наибольшее неудобство въ томъ, что всѣ дѣла направляются въ Сенатъ, который ничего не рѣшаетъ".

Вотъ, несомнѣнно, неудобство крупное... Но Петръ и не скрывалъ сенатскихъ недостатковъ. Въ Сентябрѣ 1711 года онъ такъ пишетъ Сенату: „О китайскомъ торгу учинили вы весьма не такъ, какъ я говорилъ и писалъ... Не такъ поступили вы и въ позволеніи торговать всѣмъ чинамъ, ибо вовсе не нужно было спрашивать у торговыхъ людей, не будетъ ли отъ этого имъ убытку. Развѣ могутъ они сказать, что не будетъ убытка? Вы сдѣлали это насмѣхъ, или взявши съ нихъ взятки, по старымъ глупостямъ, и когда пріѣдете въ Ингерманландію, то у васъ совершенно иначе объ этомъ спросится".

Точность исполненія и быстрота, требуемыя Петромъ, при привычкахъ сенаторовъ къ неповоротливости не всегда у нихъ выходили. Впрочемъ, не одинъ Сенатъ во всемъ виноватъ: иногда онъ не можетъ при всемъ желаніи получить свѣдѣнія изъ губерній и его указы тамъ не исполняются. Какъ бы то ни было, несмотря на всѣ свои недостатки, стараясь оправдать надежды своего творца, и этого за нимъ нельзя не признать, онъ развилъ большую дѣятельность, —

особенно по сравненію съ дѣятельностью учрежденій прежняго времени. Упомянутый выше примѣрный перечень показываетъ, что во многихъ случаяхъ даже трудно было сказать, „гдѣ кончалась власть Сената и начиналась верховная власть Монарха".

— Мы говорили уже, что вѣрить внезапности созданія Сената нельзя, какъ нельзя предполагать, чтобы только 22-го Февраля 1711 года вдругъ явилась потребность въ немъ, до тѣхъ поръ несуществовавшая. Вопросъ по существу разобранъ ранѣе и теперь остается только сказать, какое значеніе въ образованіи Сената имѣла война 1711 года. Она, несомнѣнно, дала только окончательный толчекъ на пути, по которому слѣдовала Россія естественнымъ и неизбѣжнымъ ходомъ государственной жизни. (Правда, мы можемъ предположить, что шведскій сенатъ послужилъ, если не образцомъ, то поводомъ къ учрежденію петровскаго Сената.—Нѣкоторое сходство общаго положенія, можетъ быть, привело Петра къ мысли создать свой Сенатъ и дать таковому его названіе. И дѣйствительно, у обоихъ сенатовъ мы видимъ много общихъ чертъ. Общими являются чрезвычайныя полномочія учрежденій, высокое ихъ положеніе, огромныя права, вызванныя одной и той же потребностью замѣнять личность государей. Есть еще одинъ пунктъ, намекающій на заимствованіе мысли Сената изъ Швеціи,—это учрежденіе фискаловъ, глава коихъ состоитъ при Сенатѣ,—но сходство это чисто внѣшнее, лишь въ названіи, сущности же фискальныхъ должностей весьма различны).

Учредительный указъ 22-го Февраля ничего не сказалъ о сенатской канцеляріи. —Неудовлетворительность консиліи бояръ привела къ учрежденію Сената и, если бы Сенатъ непосредственно вышелъ изъ министерской консиліи, всего естественнѣе было бы превратить Ближнюю Канцелярію въ канцелярію Сената [21]). Этого однако не случилось. Появляется новая сенатская канцелярія, во главѣ которой находимъ оберъ-секретаря Щукина, стараго прибыльщика и президента ижорскихъ канцелярій; въ то же время Ближняя Канцелярія не уничтожается и сохраняетъ свои функціи государственнаго контроля. Но теперь финансовая компетенція боярской консиліи перешла къ Сенату и онъ также не можетъ обойтись безъ данныхъ по финансовой статистикѣ. Уже одинъ изъ пунктовъ инструкціи 2-го Марта, выставляетъ требованіе: „смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужные, а особливо напрасные оставить".

Необходимость сосредоточить счетное дѣло при Сенатѣ была принята въ разсчетъ при устройствѣ сенатской канцеляріи: сводка губернскихъ вѣдомостей была возложена на секретный столъ ея. При этомъ Сенатъ не ограничивался донесеніями коммиссаровъ, но требовалъ и подлинные документы. Такъ какъ эти же документы по старому порядку должны были высылаться въ Ближнюю Канцелярію, произошла путаница. Документы часто не присылались вовсе и не было возможности ихъ добиться.

Въ 1712 и 1713 годахъ дѣлались попытки упорядоченія счетнаго дѣла путемъ сосредоточенія его въ сенатской канцеляріи и порученія работы особой ком-

миссіи. Результаты трудовъ послѣдней были, однако, плохи.

Въ 1714 году счетное дѣло было передано по-прежнему Ближней Канцеляріи, которой велѣно произвести ревизію; параллельно принимаются мѣры къ обезпеченію успѣха работы: подсчеты упраздненной коммиссіи передаются въ Ближнюю Канцелярію и въ послѣдующій періодъ своей дѣятельности она превращается въ счетную канцелярію. Имѣвшіеся у Сената матеріалы переходятъ къ ней, но съ полученіемъ данныхъ изъ областей дѣло обстоитъ по прежнему. Данныя или не присылаются или привозятся безъ оправдательныхъ документовъ.

Такой неуспѣхъ дѣятельности Ближней Канцеляріи, конечно, можно приписать сложности и новизнѣ самаго дѣла, но не безъ вліянія на ходъ работъ было и то, что начальникомъ ея состоялъ Зотовъ, который по старости лѣтъ не могъ слѣдить за правильностью исполненія Канцеляріею своей задачи.

Въ 1718 году переписка Ближней Канцеляріи исчерпывается дѣлами о доплатѣ жалованья оставшимся въ ней десяти подъячимъ. Затѣмъ, когда 31-го Декабря того же года эти подъячіе были переведены въ Юстицъ-Коллегію, Ближняя Канцелярія перестаетъ существовать. 20-го Января 1719 года о ней говорятъ, какъ о бывшемъ учрежденіи и дѣла ея сдаются въ архивъ.

— Во время царствованія Петра Великаго Сенатъ не остается при одномъ и томъ же устройствѣ. Онъ постоянно развивается. Однако, до самаго начала 1714 года онъ не зналъ другихъ формъ дѣятельности, какъ об-

сужденіе очередныхъ дѣлъ in pleno, какъ и старая консилія. Только съ 1714 года организовалась постоянная коммиссія для отвѣтственнаго веденія текущихъ дѣлъ, необходимая при центрально административной роли Сената.

Въ 1714 году Петръ велитъ печатать наравнѣ съ именными указами и указы Сената, содержащіе общія для всего государства постановленія, чѣмъ придается указамъ Сената сила законовъ.

Въ 1718 году происходятъ реформы.

Именной указъ [22]) говоритъ: „Сенату надлежитъ состоять изъ президентовъ коллегій". Въ томъ же указѣ, въ 8 и 9 п., очерчены власть и значеніе Сената: „едино сказать, всегда Сенату подобаетъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, добро бы простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать". И далѣе: „Сенатъ собирается вмѣсто присутствія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА собственной персоны".

Съ указомъ 1718 года почти прекращаются отношенія Сената къ областнымъ учрежденіямъ. Областные начальники должны обращаться къ той или другой коллегіи и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ къ Сенату. Эти чрезвычайные случаи перечислены: моровая язва, бунтъ и т. п. Сенатъ долженъ былъ стать въ прямыя и частыя сношенія только съ одними центральными учрежденіями—коллегіями.

Слѣдуя генеральному регламенту, коллегіи должны неотложно исполнять всѣ указы Сената. Въ случаѣ противорѣчія его указовъ съ именными, докладывать свое мнѣніе Сенату, но если онъ подтверждаетъ свой

указъ, коллегія должна тотчасъ его исполнить и донести обо всемъ Государю.

Сенатъ разрѣшаетъ временные отпуска президентамъ коллегій. Выбранныхъ баллотировкою вице-президентовъ онъ представляетъ на утвержденіе Государя, совѣтниковъ и ассесоровъ утверждаетъ самъ, а прочихъ чиновъ выбираетъ коллегія.

Съ учрежденіемъ коллегій у насъ водворилась извѣстная система.—Сенатъ освобожденъ отъ заваливавшихъ его мелкихъ дѣлъ, ему дано больше простора въ дѣлахъ государственныхъ.

Въ 1721 и 1722 годахъ идетъ снова рядъ реформъ.

Это время совпадаетъ съ окончаніемъ шведской войны, когда у Петра Великаго было уже больше времени для занятія внутренними дѣлами. Онъ больше живетъ въ столицѣ и не нуждается въ чрезвычайномъ помощникѣ, часть полномочій котораго должна быть теперь возвращена верховной власти. Напримѣръ, у Сената должно было быть отнято право опубликовывать совмѣстно съ Синодомъ указъ, что либо вновь установляющій. Это право могло принадлежать ему въ военное время, но, конечно, не въ мирное. Само собою разумѣется, что Сенату разрѣшалось представленіемъ проекта на усмотрѣніе Государя ходатайствовать о восполненіи пробѣловъ или устраненіи противорѣчій въ законахъ. Отъ него было взято только то, что принадлежало ему временно, и оставлено все то, что должно принадлежать постоянному высшему центральному учрежденію.

Наибольшія измѣненія въ организаціи Сената послѣдовали въ 1722 году.

По мысли составленія Сената изъ президентовъ коллегій, онъ долженъ былъ слить въ одно цѣлое всѣ различныя вѣдомства и направить ихъ дѣятельность къ достиженію одной главной цѣли. Но скоро опытъ показалъ несбыточность такой надежды. Сенатъ (указа 1718 г.) не отвѣчалъ одному изъ главныхъ своихъ назначеній,—контролировать коллегіи и рѣшать дѣла по апелляціи на нихъ. Поэтому Петръ рѣшилъ пожертвовать первоначальною своею мыслью, и по его указу, 12 Января 1722 года, въ Сенатѣ остались только три фактическіе президента коллегій: Иностранной, двухъ Воинскихъ и Бергъ-Коллегіи. Другіе президенты сдѣлались только сенаторами, а на мѣсто ихъ были поставлены гораздо менѣе вліятельные руководители [23]). Петръ мотивировалъ новыя назначенія невозможностью для прежнихъ президентовъ коллегій одновременно работать въ двухъ мѣстахъ и невозможностью для нихъ судить о своихъ собственныхъ поступкахъ. Государь хочетъ дать своему государству независимое, строгое, контролирующее учрежденіе. Онъ исправляетъ прежнюю ошибку и откровенно сознается, „что сіе сначала не осмотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ, сіе и прочее, къ тому надлежащее“.

Указъ развилъ дальше надзирающую власть Сената, и ея распространеніе повело къ уничтоженію Ревизіонъ-Коллегіи. Еще указъ 7-го Іюля 1721 года, сославшись на то, что въ Сенатѣ съ начала правленія коллегій, съ 1719 года и по день указа, ни изъ Камеръ-, ни изъ Штатсъ-Коллегіи не было присылаемо никакихъ вѣдомостей и отчетовъ, и что, такимъ образомъ, Сенатъ лишенъ возможности слѣдить за свое-

временностью табельныхъ уплатъ,—повелѣвалъ доставлять ежемѣсячныя и ежегодныя донесенія изъ всѣхъ коллегій и канцелярій въ Сенатъ. Это дѣлалось „дабы всегдашнее извѣстіе безъ справокъ съ коллегіями въ Сенатѣ имѣлось". Послѣ такого распоряженія существованіе Ревизіонъ-Коллегіи было излишнимъ и 12 Января 1722 года ей повелѣно быть въ Сенатѣ, „понеже едино есть, что Сенатъ дѣлаетъ".

Въ 1722 году опредѣлены обязанности Сената въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

1) Разрѣшать сомнѣнія коллегій на основаніи законовъ и регламентовъ; въ случаяхъ же непредвидѣнныхъ, полагать свои мнѣнія и представлять Государю;

2) Разсматривать жалобы на коллегіи и канцеляріи;

3) Сноситься съ губернаторами и воеводами о дѣлахъ, не касающихся ни одной изъ коллегій;

4) Избирать въ коллежскіе совѣтники и выше по баллотированію, а ниже безъ онаго;

5) Чины объявлять и законы обнародовать и

6) Исполнять по именнымъ указамъ.

Наконецъ, въ 1722 году устанавливаются должности экзекутора, генералъ-рекетмейстера, герольдмейстера, генералъ-прокурора и оберъ-прокурора.

Разсмотрѣнію сущности этихъ должностей предпошлемъ разборъ судебнаго значенія Сената.

Относительно сенатскаго суда въ его примѣненіи на практикѣ у насъ, по словамъ Петровскаго [24]), не имѣется извѣстій, въ чемъ онъ заключался по первому учрежденію Сената. Ясно лишь, что Сенату можно было жаловаться на неправильныя рѣшенія низшихъ

мѣстъ, но въ какомъ порядкѣ, въ какой постепенности и съ соблюденіемъ какихъ инстанцій, — неизвѣстно. Нѣтъ указаній на то, въ какихъ случаяхъ Сенатъ былъ первой инстанціей, въ какихъ апелляціонной.

Сообразно съ этимъ мы видимъ, что Сенатъ въ первое время пользовался своей судебной функціею безпорядочно. Относительно первыхъ лѣтъ дѣятельности сенатскаго суда мы находимъ у Петровскаго такіе примѣры, гдѣ Сенатъ разсматриваетъ въ первой инстанціи, какъ политическія дѣла, по объявленію слова и дѣла, такъ и простыя уголовныя и гражданскія [25]).

Въ 1713 году по сенатскому указу разсмотрѣніе тяжебныхъ дѣлъ по жалобамъ на неправыя рѣшенія губернаторовъ и судей берется въ Расправную Палату. Ей въ то же время предписывается побуждать упомянутыхъ лицъ къ скорому и безволокитному рѣшенію. Если принять во вниманіе, что Расправная Палата вначалѣ являлась, какъ бы частнымъ учрежденіемъ, или во всякомъ случаѣ, хотя и зависимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ тѣсно связаннымъ съ Сенатомъ,— станетъ яснымъ, что высшее въ тогдашней Россіи мѣсто сдѣлало попытку къ самостоятельному учрежденію судебныхъ инстанцій [26]).

На дѣлѣ онѣ были установлены указомъ 17-го Марта 1714 года [27]) въ числѣ трехъ: низшая, въ городахъ, — коменданты, средняя — губернаторы, высшая — Сенатъ. Одновременно воспрещалось обращаться къ Государю съ жалобами помимо назначенныхъ инстанцій, вслѣдствіе чего судебное значеніе Сената сильно повысилось.

Съ учрежденіемъ коллегій Сенатъ былъ поставленъ

надъ этими новыми установленіями въ качествѣ ревизіонной и апелляціонной инстанціи. По указу 22 Декабря 1718 года на рѣшеніе коллегій подается челобитная сенатскому секретарю, который въ свою очередь представляетъ эту жалобу Государю. Имъ подписанная, она подлежитъ разсмотрѣнію Сената.

Нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напримѣръ, Градовскій, Петровскій, полагаютъ, что просмотромъ со стороны Государя, какъ бы, ограничивалось право Сената въ отношеніи принятія челобитныхъ, — но, по мнѣнію Грибовскаго [28]), фактъ просмотра долженъ быть истолкованъ иначе. — Если въ указахъ 1714 года Сенатъ объявляется высшимъ апелляціоннымъ судилищемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на него разрѣшается подавать жалобы Е. В., то, слѣдовательно, судебная власть его не такъ уже страшна. При томъ довѣріи, которое оказывалось Сенату по указу 22-го Декабря 1718 года, когда онъ названъ высокоповѣреннымъ и когда за обжалованіе приговора его установлена смертная казнь, потому что Сенату „и правленіе государства повѣрено есть“, — при такомъ довѣріи требовались также и нѣкоторыя гарантіи въ безпристрастномъ и внимательномъ отношеніи къ чужой судьбѣ. Эти гарантіи, какъ предполагаетъ Грибовскій, нужно видѣть въ предварительномъ прочтеніи Государемъ челобитныхъ и въ его приказаніи разсмотрѣть дѣло.

Опытъ, однако, показалъ всю непрактичность подобныхъ условій сенатской апелляціи, ибо важную функцію пріема прошеній и предварительнаго пересмотра ихъ исполнялъ подчиненный Сенату секретарь, а санкцію давалъ занятый сложными государственными

дѣлами Монархъ. Изъ такого положенія вытекало, что въ докладѣ секретаря трудно было уберечься отъ постороннихъ вліяній и также трудно было своевременно получить Высочайшую подпись.

13-го Мая 1720 года учреждается особая должность для принятія жалобъ на медленность въ дѣлопроизводствѣ и на неправосудіе коллегій и канцелярій. Для большей самостоятельности этой должности, ее предполагалось замѣстить „персоной знатной“, къ которой думали придать секретаря и обоимъ дать мѣсто въ Сенатѣ. Изъ знатной персоны, долженствовавшей въ извѣстной мѣрѣ замѣнить прежнюю совмѣстную дѣятельность Царя и сенатскаго секретаря по принятію апелляціонныхъ прошеній, образовалась со временемъ должность рекетмейстерская, имѣвшая значительное вліяніе на ходъ апелляціи въ Сенатѣ.

Рекетмейстерство изъ проекта не сразу перешло въ жизнь. Только въ 1722-мъ году, 12 Января, повелѣно было быть при Сенатѣ рекетмейстеру, который названъ генералъ-рекетмейстеромъ и помѣщенъ въ пятомъ классѣ. Въ томъ же году наказъ рекетмейстеру, данный 5-го Февраля [29]), такъ мотивировалъ, въ сущности повторяя старые судебные недочеты, необходимость учрежденія новой должности: „судьи челобитчикамъ въ дѣлахъ чинятъ не малыя волокиты, а другимъ дѣла вершать неправедно; тако жъ и челобитчики, мимо опредѣленныхъ судовъ и Сената, предерзостію своею, прошенія свои приносятъ и подаютъ Его Величеству Самому, не дая нигдѣ покоя“. Нужно было поэтому назначить особое лицо, которое бы вѣдало управленіе

дѣлъ челобитчиковъ, „отъ чьего правленія происходятъ обиды и неправое вершеніе и продолженіе".

Учрежденіемъ новой должности контроль Сената надъ правосудіемъ сильно облегченъ.

Генералъ-рекетмейстеръ слѣдитъ за своевременнымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ коллегіяхъ и принимаетъ жалобы на нихъ. Можно было жаловаться или на медленность, или на неправильный судъ. Если генералъ-рекетмейстеръ признавалъ жалобу на медлительность коллегіи основательной, то, не обращаясь въ Сенатъ, онъ собственною властью понуждалъ коллегію къ скорѣйшему окончанію дѣла. Въ случаѣ неисполненія этого требованія, генералъ-рекетмейстеръ вносилъ дѣло въ Сенатъ.

Жалобы на неправильный судъ докладывались ген.-рекетмейстеромъ Императору, который уже дѣлалъ распоряженіе о передачѣ дѣла изъ коллегіи въ Сенатъ. Только въ отсутствіе Императора жалобы прямо докладывались Сенату.

Установленіе рекетмейстерской должности закрѣпило значеніе Сената въ качествѣ высшаго апелляціоннаго судилища. Однако, становясь высшей инстанціей, Сенатъ не переставалъ быть и первой, причемъ кругъ подвѣдомственной ему подсудности все также не былъ опредѣленъ въ точности. Указами предписывалось судить непосредственно дѣла по похищенію казенныхъ денегъ, по обвиненію въ преступленіи фискаловъ и другихъ должностныхъ лицъ, но Сенатъ разсматриваетъ часто дѣла и внѣ узаконеннаго порядка, по непосредственному Высочайшему повелѣнію. (Въ 1721 году, въ виду обремененія Сената массою мелкихъ полити-

ческихъ дѣлъ, послѣдовалъ сенатскій указъ объ отсылкѣ ихъ въ Преображенскій Приказъ).

Уже раньше, съ постепеннымъ сосредоточеніемъ въ рукахъ Сената дѣлъ служилаго сословія, онъ получилъ особенную важность. Съ учрежденіемъ же должности герольдмейстера судьба дворянства окончательно сосредоточилась въ его рукахъ. Указомъ 5-го Февраля 1721 года новому сановнику поручено вѣдать „Его Императорскаго Величества всего государства, дворянъ военныхъ нижнихъ, прежнихъ и нынѣшнихъ военныхъ, гражданскихъ и придворныхъ чиновъ и ихъ дѣтей". Инструкція требовала отъ него составленія списковъ всего служилаго сословія государства, заботъ о неуклоненіи лицъ этого сословія отъ службы, заботъ о школахъ для недорослей. Онъ давалъ удостовѣренія въ дворянскомъ достоинствѣ и снабжалъ дворянскіе роды гербами [30]).

Въ сущности, подъ иностранными названіями герольдіи, герольдмейстера, таились элементы, относившіеся ко всему прошедшему государственному быту, какъ необходимое историческое послѣдствіе централизаціи служилаго сословія и паденія мѣстныхъ учрежденій.

Та же государственная жизнь развила, и примѣръ иностранныхъ государствъ подкрѣпилъ, необходимость другого средства объединенія государственныхъ органовъ—контроля.

Несмотря на громадныя права, которыми были вооружены фискалы, представляемая ими система надзора оказалась неудовлетворительной. Ея недостатокъ заключался въ самой постановкѣ фискальнаго контроля.

Онъ былъ тайнымъ, а значитъ только каралъ, но не предупреждалъ. Провѣдывая обо всемъ, фискалъ не могъ присутствовать въ правительственныхъ учрежденіяхъ и самолично наблюдать за ихъ дѣятельностью и производствомъ. Вслѣдствіе этого присутственныя мѣста не чувствовали надъ собою прямого надзора и злоупотребленія ихъ обнаруживались болѣе или менѣе случайно. Между тѣмъ, въ непосредственномъ надзорѣ нуждался и самъ Сенатъ, для котораго потребность во внутреннемъ упорядоченіи была весьма настоятельною. Сенату въ значительной степени свойственны были пороки остальныхъ русскихъ административныхъ и судебныхъ учрежденій.

Чтобы помочь бѣдѣ, Петръ еще въ 1715 году назначилъ сенатскаго генералъ-ревизора и надзирателя указовъ. Этотъ генералъ-ревизоръ просуществовалъ недолго и въ 1720 году его обязанности перешли къ сенатскому оберъ-секретарю, который наблюдалъ за порядкомъ, „дабы въ Сенатѣ не было суетныхъ разговоровъ“, и долженъ былъ доносить Государю, если въ Сенатѣ „хоть малое учинится противъ указа о ихъ должности 1718 года“. Но предоставленіе надзора секретарю, зависѣвшему отъ могущественнаго учрежденія, имѣло свои неудобства и уже въ Январѣ 1721 года функціи контроля надъ Сенатомъ исполняютъ штабъ-офицеры гвардіи, впредь до назначенія государственнаго фискала [31]). Вмѣсто такового вводится въ Сенатѣ генералъ-прокуроръ съ оберъ-прокуроромъ и прокурорами въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ.

Прокуратура была избавлена отъ того коренного недостатка, которымъ страдалъ фискалатъ. Она была

проникнута началомъ не тайнаго, но явнаго надзора за всѣми административно-судебными мѣстами. Въ то же время она представляла собою неразрывную цѣпь, коей конечныя звѣнья сосредоточивались въ рукахъ генералъ-прокурора. Получая самъ донесенія, глава прокуратуры могъ своевременно увѣдомлять Сенатъ о допущенныхъ злоупотребленіяхъ и нерадѣніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, фискалатъ былъ также поставленъ въ извѣстное отношеніе къ прокуратурѣ, дополняя ея дѣятельность.

Коллегіальная система, примѣненная къ русскимъ порядкамъ, не оправдала ожиданій Петра и онъ, склоняясь къ концу своего царствованія въ другую сторону, создаетъ цѣлый рядъ единоличныхъ должностей, которыя являются болѣе удобными проводниками его намѣреній и предначертаній и даютъ большій просторъ свободной дѣятельности лицъ, пользующихся его довѣріемъ. Таковы должности генералъ-рекетмейстера и герольдмейстера, являющіяся, какъ бы, коррективомъ коллегіальной системы, господствовавшей въ Сенатѣ. Но эти обѣ должности касались лишь отдѣльныхъ отраслей правительственной дѣятельности Сената. Несравненно болѣе важнымъ коррективомъ было учрежденіе въ 1722 году должности генералъ-прокурора. Она является уже органомъ личнаго надзора и личнаго руководства Государя надъ дѣятельностью Сената.—Генералъ-прокуроръ долженъ поддерживать связь между Государемъ и высшимъ правительственнымъ мѣстомъ; черезъ него Государь можетъ удостовѣриться вѣрно ли сенаторы понимаютъ его предначертанія и исполняютъ ли свою задачу хранителей за-

коновъ и блюстителей государственныхъ интересовъ.— „Чинъ сей яко бы око наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ“ [32]), стоитъ всегда на сторожѣ и готовъ дать отвѣтъ Монарху за всякое неисполненіе законовъ.

Генералъ-прокуроръ руководитъ преніями въ Сенатѣ, поддерживаетъ между сенаторами порядокъ и благочиніе, беретъ штрафы съ сенаторовъ, ведущихъ себя неблагопристойно и позволяющихъ себѣ брань и сквернословіе; онъ лишаетъ слова тѣхъ, кто не умѣетъ сдерживать своихъ порывовъ и увлеченій.

Генералъ-прокуроръ имѣетъ право останавливать неправильныя рѣшенія, назначать дѣла къ новому слушанію, доносить по своему личному усмотрѣнію о рѣшеніяхъ Сената Императору.

Наконецъ, генералъ-прокуроръ и начальникъ сенатской канцеляріи. Подъ его начальствомъ она пріобрѣтаетъ новое значеніе и вмѣстѣ съ нимъ рѣзко выдѣляется, какъ совершенно особый элементъ, изъ учрежденія Сената. Всѣ рапорты и донесенія губернаторовъ и другихъ подчиненныхъ учрежденій дѣлаются не иначе, какъ черезъ канцелярію. Всѣ дѣла, слѣдовательно, проходятъ черезъ руки генералъ-прокурора. Онъ всесиленъ, потому что Государь ему настрого повелѣлъ смотрѣть, чтобы въ Сенатѣ не на столѣ исключительно дѣла вершились. Какъ только указъ подписывался сенаторами, генералъ-прокуроръ приводилъ въ движеніе всѣ подчиненные ему органы; черезъ экзекутора или особыми нарочными разсылалъ онъ указы по коллегіямъ и губерніямъ; имѣлъ у себя книгу, въ которую записывалъ время посылки указа, а въ другой графѣ отмѣчалъ время исполненія.

Генералъ-прокуроръ являлся душой Сената, его двигающей силой,—той пружиной, которая приводила въ дѣйствіе весь этотъ административный механизмъ. Его права доказываютъ неопытность, политическую и административную невоспитанность членовъ Сената и коллегій, не доказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, перемѣны въ системѣ законодательства. Учрежденіемъ новой должности Петръ ясно старался поправить неизбѣжные недостатки столь новаго въ Россіи коллегіальнаго устройства, но думалъ ли онъ о возвращеніи къ личному управленію, это еще вопросъ, подлежащій сильному сомнѣнію [33]).

Легче отыскать одного довѣреннаго человѣка, чѣмъ нѣсколько. „Лицо“ гибче и удобнѣе можетъ быть подвержено отвѣтственности, слѣдовательно, оно удобнѣе для верховной власти. Въ то же время, для учрежденія оно не такъ опасно, какъ учрежденіе-же, поставленное между нимъ и верховной властью. Группа всегда имѣетъ больше притягательной силы, чѣмъ одно лицо, особенно группа такихъ сановитыхъ людей, какъ Сенатъ. Скорѣе она, слѣдовательно, сольетъ это лицо съ собою, чѣмъ сольется съ нимъ. Если между Сенатомъ и верховною властью поставить коллегіальное учрежденіе, то оно сейчасъ примется Сенатъ уничтожать и присваивать себѣ всю правительственную власть. Между Сенатомъ и верховною властью могло быть поставлено только что нибудь достаточно близкое обѣимъ сторонамъ. Для этой потребности, очевидно, лучше всего было „лицо“.

Однако, въ то же время, Петръ не желалъ вносить разногласія въ элементы, составляющіе контро-

лирующее учрежденіе, и не создавалъ изъ личнаго начала ничего отдѣльнаго, самостоятельнаго, а вездѣ смотрѣлъ на него, какъ на необходимую часть коллегіи. Онъ подчинилъ, правда, генералъ-прокурора себѣ, но сдѣлалъ это въ видахъ тѣснѣйшаго соединенія Сената съ верховною властью.

Что касается оберъ-прокурора, то онъ былъ ближайшимъ помощникомъ генералъ-прокурора, замѣняя послѣдняго въ его отсутствіе изъ Сената и раздѣляя съ нимъ его функціи.

Сенатъ при существованіи новой должности получалъ возможность контролировать подчиненныя мѣста въ порядкѣ двойного наблюденія за ними черезъ посредство прокуроровъ и фискаловъ. „Оба надзора", говоритъ Петровскій, „существуютъ рядомъ, дополняя другъ друга, одинъ карая совершенныя преступленія—фискалы, другой стараясь предупредить ихъ—прокуроры, одинъ проникая всюду, легкій, подвижной, все осматривающій, ко всему прислушивающійся, разыскивающій, вывѣдывающій, другой — постоянный, неподвижный, за однимъ только мѣстомъ прямо надзирающій и пользующійся услугами перваго, и, наконецъ, оба сходящіеся въ лицѣ генералъ-прокурора—ока государева" [34]).

Но совмѣстное существованіе прокуратуры и фискалата продолжалось недолго. Болѣе цѣлесообразная прокуратура скоро вытѣснила и замѣнила собою фискалатъ, усвоивъ, впрочемъ, отъ него, въ своемъ послѣдующемъ развитіи, значительную часть того, что въ фискальномъ надзорѣ было живого и полезнаго. Изъ сопоставленія обоихъ учрежденій ярко выступаютъ ихъ

отличія и относительныя свойства, которыми и опредѣлилась ихъ судьба.

Фискалы, хотя и подчиненные главенству оберъ-фискала, дѣйствовали каждый порознь, другъ отъ друга отдѣльно и самостоятельно, обращаясь къ высшимъ органамъ надзора только въ случаѣ необходимости. Прокуроры составляли единое цѣлое, будучи лишь орудіями генералъ-прокурора, которому и былъ собственно ввѣренъ весь надзоръ, распредѣленный затѣмъ вслѣдствіе физической невозможности справиться съ нимъ одному лицу.

Уже поэтому прокурорскій надзоръ былъ интенсивнѣе и сильнѣе, почерпая въ огромной власти и высокомъ положеніи своего главы всегда дѣйствительныя средства дѣйствія.

Фискалы, непріуроченные къ присутственнымъ мѣстамъ, не имѣли съ ними никакихъ органическихъ связей, не посвящались прямо въ ихъ дѣла и лишены были возможности шагъ за шагомъ слѣдить за ихъ дѣятельностью. Прокуроры же, состоя при присутственныхъ мѣстахъ и должностныхъ лицахъ, присутствуютъ при всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и наблюдаютъ за ними съ такой правильностью и постоянствомъ, что ни одно нарушеніе не можетъ отъ нихъ укрыться; все дѣлопроизводство не только день за днемъ для нихъ открыто, но и формально проходитъ черезъ ихъ контроль [35]).

Велика, слѣдовательно, была сила Сената. На все онъ могъ вліять, если не прямо руководить... И все-таки, по свидѣтельству Посошкова, даже въ 1724 году [36]), т. е. въ концѣ царствованія Петра, оставались въ

Россіи вещи поистинѣ безотрадныя.—„Древній россійскихъ людей обычай былъ еже во приказахъ имѣть челобитчиковъ множество, и такъ бывало ихъ много, что иногда никоими дѣлы до судьи худосильному не моги; къ томужъ посажаютъ колодниковъ множество, а рѣшенія имъ не чинятъ...“ [37]).—„Се бо нынѣ колико новыхъ статей издано, и не много въ нихъ дѣйства; ибо всѣ ихъ древностная неправда одолѣваетъ“ [38]).

Цѣлый рядъ указовъ, боровшихся съ „древнимъ русскихъ людей обычаемъ“, подтверждаетъ разсказъ Посошкова, но если Преобразователю и не удалось провести въ русскую жизнь здоровыхъ началъ государственнаго устройства, то онъ посѣялъ сѣмена, которымъ, можетъ быть, лишь за рубежемъ XVIII-го столѣтія, суждено было дать прочные всходы.

1722-мъ годомъ заканчивается развитіе Сената при Петрѣ Великомъ. Дальнѣйшіе указы особо важнаго значенія не имѣютъ.

Въ концѣ царствованія мѣстопребываніе Сената было утверждено въ Петербургѣ, а въ Москвѣ учреждена Сенатская Контора [39]), въ которой долженъ былъ всегда присутствовать одинъ изъ сенаторовъ, имѣвшій, по своему званію, первенствующее значеніе въ старой столицѣ. Въ 1724 году представителемъ Правительствующаго Сената въ Москвѣ былъ гр. Матвѣевъ, который такъ писалъ о своей дѣятельности Кабинетъ-секретарю Макарову: „Здѣсь все состоитъ благополучно, и хотя я при многотрудныхъ дѣлахъ здѣшнихъ и непрерывныхъ хлопотахъ обращаюсь, однакожь и дороги здѣшнія отъ воровъ и разбойниковъ неоплошно очищаю, изъ которыхъ въ малое время число многое

поймано, и скорыя экзекуціи имъ уже учинены безъ продолженія времени по мѣстамъ тѣхъ же дорогъ...".

Итакъ, мы видимъ, изъ всего обозрѣнія времени Петра Великаго, что Царь, обставляя и устраивая Сенатъ, дѣлалъ его не по одному только слову „Правительствующимъ";—въ то же время онъ лишалъ его возможности злоупотреблять своею властью.

Петръ, не думая, конечно, отказываться хотя бы отъ части принадлежащей ему верховной власти, создалъ себѣ въ Сенатѣ энергичнаго помощника, по праву замѣнившаго прежнюю безсильную Царскую Думу, и несмотря на свое иностранное названіе и почти даже происхожденіе, сроднившагося съ русской жизнью и пережившаго своего основателя.

Однако, и самъ столь любимый Петромъ Сенатъ не былъ безъ коренныхъ недостатковъ. По смыслу пунктовъ, коими въ 1722 году опредѣлялись обязанности Сената, онъ являлся верховнымъ мѣстомъ въ порядкѣ законодательномъ, судебномъ и исполнительномъ. Въ этомъ смѣшеніи властей заключалась непрочность установленія Сената и корень тѣхъ перемѣнъ, которымъ онъ почти безпрерывно былъ подверженъ. Съ кончиною Петра недостатки управленія обнаружились, конечно, яснѣе, а преемники Преобразователя, не постигая коренной причины слабости правленія, приступили къ учрежденію верховныхъ правительствъ надъ Сенатомъ.

Императоръ скончался на 53-мъ году жизни, 28 Января, на рукахъ у своей супруги. (1725 г.).

„Можемъ ли мы умолчать", говоритъ одно похвальное слово, „объ одномъ изъ драгоцѣннѣйшихъ

качествъ его ума,—объ искусствѣ избирать себѣ сподвижниковъ и исполнителей своей воли и употреблять ихъ сообразно ихъ способностямъ“ [40]). — Сподвижники Петра пережили его. При жизни Императора они, дѣйствительно, исполняли его волю и не посмѣли бы ее не исполнить, но когда Царь умеръ, оказалось, что онъ недостаточно прочно завѣщалъ своимъ птенцамъ хранить постройку своего государства, — или же они этого завѣщанія не приняли.

При нихъ пала сила Сената, а воскресла лишь при новыхъ людяхъ.

Верховный Тайный Совѣтъ.

. . . „*и украшено оное особливымъ именемъ Верховный Совѣтъ. Сіежъ Собраніе, въ томъ вящще отъ Сената имѣло силу, что и нѣкую власти часть, у Сената отнятую, приняло къ себѣ, и что большую важность возымѣло, однако же, что ни хотѣлъ бы Верховный оный Совѣтъ вновь уставить, неволенъ былъ сдѣлать то безъ изволенія Императрицы. А когда ее не стало, а насталъ Петръ II, двенадесятильтній тогда отрокъ, тогда Верховный Совѣтъ получивъ себѣ, по своему мнѣнію совершенную и свободную власть, и могъ и дерзалъ дѣлать, что хотѣлъ, да и тогда еще, правительство оное не могло ничего учинить безъ воли князя Меншикова, который его членъ былъ, наипаче, когда сей дочь свою Петру II въ невѣсту отдалъ публичнымъ обрученіемъ*“.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

II.

(28 Января 1725 года — 6 Мая 1727 года).

Время Екатерины Первой.

Восшествіе на Престолъ Екатерины Первой. Какую роль въ этомъ событіи игралъ Сенатъ. Верховный Тайный Совѣтъ. Было ли неожиданностью его установленіе. „Мнѣніе не въ указъ". „Высокій" Сенатъ. Протесты Сената. Его подчиненное положеніе. Права въ области финансовыхъ дѣлъ. Уничтоженіе должности генералъ-прокурора и прокуратура. Судьба должности генералъ-рекетмейстера. Положеніе оберъ-прокурора Сената и его роль. Фискалатъ. Сенатъ при Екатеринѣ Первой.

Кто наслѣдуетъ Петру Великому на Престолѣ, — вотъ вопросъ, который возникъ, какъ только Императоръ скончался. Какъ главные претенденты, могутъ вступить или его супруга, Екатерина Алексѣевна, или Петръ Алексѣевичъ, его внукъ. И немедленно образуются партіи.

Одни, сподвижники Петра и его птенцы, стоятъ за Екатерину. Среди нихъ Меншиковъ. За ними гвардейскіе полки, которые оказали такое сильное вліяніе на выборъ своимъ присутствіемъ передъ дворцомъ.

Приверженцы старины, старыхъ началъ,—это и сторонники Петра Алексѣевича.

Наканунѣ кончины Императора сенаторы и члены Синода, рѣшили, что, въ случаѣ смерти Царя, они немедленно соберутся, чтобы принять необходимыя мѣры. И, какъ только распространилась печальная вѣсть, всѣ „сенаторы, главные генералы и нѣкоторые изъ бояръ собрались во дворцѣ вмѣстѣ съ четырмя членами Синода, которые провели тамъ ночь, и приступили къ совѣщаніямъ о наслѣдованіи Престола“ [41]). Возникло разногласіе. Одни указывали на то, что Петръ короновалъ Екатерину, и что это есть несомнѣнное доказательство ея правъ, другіе возражали, что коронованіе нигдѣ не даетъ такого права. Наконецъ, нѣкоторые указали на ту цѣль, съ которою Императоръ могъ короновать свою супругу.—„Хотя въ манифестѣ о коронаціи, который онъ (Петръ) обнародовалъ, и не сказано, что Екатерина должна послѣ него наслѣдовать Престолъ,—говоритъ въ своихъ запискахъ Вилліамсъ [42]),—но онъ приготовлялъ къ сей волѣ своей умы чрезъ сію церемонію, невиданную еще до тѣхъ поръ въ Россіи“.

Кандидатура Екатерины поддерживалась большимъ числомъ голосовъ.

Въ качествѣ дальнѣйшаго аргумента было заявлено, что Императоръ до похода въ Персію и самъ объяснилъ свои виды четыремъ сенаторамъ и двумъ членамъ Синода. Онъ будто бы сказалъ, „что, хотя въ Россіи и нѣтъ такого обычая (коронованія), но что необходимость требуетъ этого, дабы послѣ его смерти Престолъ не оставался празднымъ, и присутствіе наслѣдника не подавало никакого повода къ смятенію и недоразумѣніямъ“. Услышавъ это, кн. Менши-

ковъ, главный сторонникъ Екатерины, немогшій допустить торжества приверженцевъ прежнихъ порядковъ, воскликнулъ съ жаромъ; „Въ такомъ случаѣ, господа, я не спрашиваю никакого завѣщанія. Ваше свидѣтельство стоитъ какого бы то ни было завѣщанія". И дальше: „Я вѣрю вамъ, отцы мои и братья, и да здравствуетъ наша Августѣйшая Государыня, Императрица Екатерина". Эти слова, говоритъ гр. Бассевичъ, который жилъ въ Россіи, состоя при особѣ голштинскаго герцога, и игралъ извѣстную роль въ дѣлѣ избранія, въ ту же минуту были повторены всѣмъ собраніемъ, и никто не хотѣлъ показать, что произнесъ ихъ противъ воли и лишь по примѣру другихъ.

Впрочемъ, для формы, какъ передаетъ Соловьевъ, описывая послѣдній моментъ совѣщанія, ген.-адм. Апраксинъ, какъ старшій сенаторъ, велѣлъ позвать Кабинетъ-секретаря Макарова, и спросилъ, нѣтъ ли какого завѣщанія или распоряженія Петра Великаго на счетъ преемника. „Ничего нѣтъ", отвѣчалъ Макаровъ [43]). Тогда Апраксинъ объявилъ, что въ силу коронаціи Екатерины и присяги, данной ей всѣми чинами Имперіи, Сенатъ провозглашаетъ ее Императрицею и Самодержицею со всѣми правами, какими пользовался супругъ ея.

Какое странное стеченіе обстоятельствъ...

Петръ Великій первый установилъ избраніе „достойнѣйшаго преемника" и ему же самому не удалось этого сдѣлать. Алексѣй Петровичъ говаривалъ: „Два человѣка на свѣтѣ, какъ боги: папа римскій, да Царь московскій; какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ". Но Царевичъ на этотъ разъ ошибся. Петръ не смогъ

исполнить своего желанія. А едва онъ умеръ, какъ главная цѣль устава о наслѣдіи забыта. Собирается Сенатъ, Синодъ и генералитетъ, всѣ строятъ предположенія, одни ведутъ рѣчь о коронованіи Екатерины, другіе,—подобно тому, какъ это передавалъ Бассевичъ, министръ голштинскаго герцога,—разсказываютъ, что за нѣсколько часовъ до смерти Петръ началъ и не кончилъ фразу: „Отдайте все...“

Итакъ, Екатерина на Престолѣ. Въ манифестѣ избраніе формулировано слѣдующими словами: Такъ какъ покойный Императоръ удостоилъ помазаніемъ свою супругу, того для св. Синодъ и Высокоправительствующій Сенатъ и генералитетъ приказали... служить вѣрно Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Въ манифестѣ дается приказаніе, которое для всѣхъ должно было быть новостью. Никогда ни Сенатъ, ни равнымъ образомъ Синодъ не были облечены властью приказывать народу о принятіи того или другого лица Государемъ; еще менѣе такое право могло принадлежать генералитету. „Правда Воли Монаршей“ не говорила ни слова о подобной [44]) формѣ признанія народомъ царствующаго лица. Старинный обычай совѣщанія патріарха съ народомъ съ Краснаго Крыльца не могъ служить оправданіемъ новой формы. И старина была разрушена преобразованіями Петра...

Очевидно, что за новизну стояли люди, въ рукахъ которыхъ была сила. Эти сильные люди скоро обозначились и выдѣлились изъ общей массы Сената, Синода и генералитета.

Любимое дѣтище Петра, Сенатъ, лишь на годъ

переживаетъ въ неизмѣнномъ видѣ своего творца, а затѣмъ для него начинаются тяжелыя испытанія. Каждое царствованіе отражается на его значеніи. Уже 8-го Февраля 1726 года, въ началѣ второго года царствованія Екатерины, учреждается Верховный Тайный Совѣтъ, облеченный особою властью.

„По всему ходу дѣла видно, что учрежденіе Совѣта принадлежитъ къ разряду самыхъ неожиданныхъ и внезапныхъ государственныхъ переворотовъ", говоритъ профессоръ А. Градовскій [45]), но съ этимъ едва ли можно вполнѣ согласиться. Дѣйствительно, ничего не было подготовлено гласно и всенародно, какъ подготовлялъ свои преобразованія Петръ: „Никакой откровенности, никакой основательности въ мотивахъ" [46]), но, тѣмъ не менѣе, новое учрежденіе, которому петровскій Сенатъ долженъ былъ уступить свое мѣсто, не явилось, какъ нѣчто совершенно неожиданное. Личная и принципіальная борьба, которая велась противъ Сената, уже давно подготовляла катастрофу. „Вы помните, что я, болѣе полугода тому назадъ, сообщалъ вамъ, что герцогъ голштинскій и его министръ хлопочутъ объ учрежденіи тайнаго Совѣта, который, завися вполнѣ отъ Царицы, далъ бы Государынѣ больше свободы въ рѣшеніяхъ",—пишетъ Кампредонъ [47]) къ графу де-Морвилю 23-го Февраля 1726 года.—Но не только въ началѣ царствованія Екатерины, а даже и при Петрѣ мы встрѣчаемся съ зарождавшеюся мыслью о необходимости, на томъ или другомъ основаніи, поставить надъ Сенатомъ высшее учрежденіе. Да и административная практика къ тому времени уже знала совѣщанія высшихъ сановниковъ, что указывало на

возможность образованія болѣе опредѣленнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Ближняя Канцелярія представляла собою съѣздъ министровъ на консилію и появленіе Сената не уничтожило возможности подобныхъ совѣщаній въ будущемъ, особенно, когда Петръ не бывалъ въ отлучкѣ. Не надо забывать, что президенты коллегій и другія высшія должностныя лица вовсе не слились съ Сенатомъ. Правда, въ 1718 году президенты коллегій введены въ составъ Сената, но уже въ 1722 году такая попытка признана Царемъ неудачной. Тогда въ Сенатѣ остались (какъ таковые) лишь президенты трехъ первыхъ коллегій, но даже и они не были обязаны присутствовать въ немъ постоянно. Съ этого момента началось отличеніе трехъ первыхъ коллегій отъ прочихъ, отличеніе, которое повело потомъ къ установленію ихъ на одномъ съ Сенатомъ уровнѣ. Отсюда оставался только одинъ шагъ, чтобы стать надъ Сенатомъ и, дѣйствительно, прежде всего членами Верховнаго Тайнаго Совѣта дѣлаются Меншиковъ, Апраксинъ и Головкинъ, бывшіе президентами трехъ упомянутыхъ коллегій.

Вотъ тотъ путь, которымъ слѣдовала практика. Кромѣ того, на основаніи архивныхъ данныхъ, имѣющихся въ изслѣдованіи по петровской эпохѣ П. Милюкова [48]), мы видимъ, что задолго до указа 8-го Февраля 1726 года являлись люди, которые принципіально возражали противъ Сената, какъ высшей инстанціи, и говорили за реформу.

Именной указъ 8-го Февраля „О Верьховномъ Тайномъ Совѣтѣ“ [49]) подробно мотивируетъ причину

созданія новаго учрежденія. Онъ предварительно напоминаетъ для чего Петръ опредѣлилъ „правительство Сената въ нѣсколькихъ персонахъ“ („для своихъ частыхъ тогда военныхъ походовъ и отлучекъ“) и потомъ констатируетъ, что при Петрѣ Великомъ былъ опредѣленный составъ членовъ Сената, находившихся при своемъ дѣлѣ неотлучно („и было то собраніе сперва кромѣ тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ и тайныхъ совѣтниковъ изъ другихъ знатнѣйшихъ и повѣренныхъ персонъ, которыя кромѣ правленія государственныхъ внутреннихъ дѣлъ, никакого другова дѣла не имѣли, и всегда были при своемъ дѣлѣ неотлучны. А Тайныя Дѣйствительныя Совѣтники бывали тогда въ походахъ за Егожъ Величествомъ“), тогда какъ теперь Сенатъ почти исключительно состоитъ изъ „тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ“, которымъ нѣтъ возможности заниматься только сенатскими дѣлами.—„А понеже усмотрѣли Мы, что тайнымъ дѣйствительнымъ Совѣтникамъ, и кромѣ Сенатскаго правленія есть немалой трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ. Перьвое: что они часто имѣютъ по должности своей яко перьвые министры тайныя совѣты о политическихъ и о другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Второе: изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые Президентами въ перьвыхъ колегіяхъ, а имянно: въ двухъ Военныхъ въ сухопутной да въ морской и третьей политической, отъ чего въ перьвомъ и весьма нужномъ дѣлѣ въ тайномъ совѣтѣ не малое имъ чинится помѣшательство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ остановка и продолженіе, отъ того, что они за многодѣльствомъ не могутъ вскорѣ чинить резолюціи на государственные

внутренніе дѣла".—Указъ, слѣдовательно, отмѣчаетъ попутно тотъ фактъ, что первые министры того времени составляли до основанія Верховнаго Тайнаго Совѣта „Тайные Совѣты" и не сливались съ остальнымъ составомъ Сената. Онъ продолжаетъ, далѣе: „Въ томъ верьховномъ тайномъ Совѣтѣ быть при Насъ изъ перьвыхъ Сенаторовъ, а вмѣсто ихъ въ Сенатъ выбраны будутъ другіе, которые всегда при одномъ сенатскомъ правленіи будутъ".

Въ Верховный Тайный Совѣтъ назначены были: генералъ-фельдмаршалъ и т. д. с. св. кн. Меншиковъ, генералъ-адмиралъ и т. д. с. гр. Апраксинъ, государственный канцлеръ и т. д. с. гр. Головкинъ, т. д. с. кн. Дм. М. Голицынъ, вице-канцлеръ и т. д. с. бар. Остерманъ и т. д. с. гр. Толстой. Изъ нихъ первый былъ президентомъ Военной Коллегіи, второй—Морской, гр. Головкинъ—Иностранной; бар. Остерманъ былъ товарищемъ этого послѣдняго. Кн. Голицынъ и гр. Толстой занимали тоже въ разное время важныя должности министровъ. Въ лицѣ ихъ всѣхъ Верховный Тайный Совѣтъ оформилъ, въ сущности, то, что ранѣе существовало какъ фактъ, въ видѣ Тайныхъ Совѣтовъ, главнымъ образомъ по дѣламъ иностраннымъ и военнымъ. Въ то же время своимъ смѣшаннымъ составомъ Верховный Тайный Совѣтъ согласилъ старую знать съ новой аристократіей времени петровскихъ реформъ. По мнѣнію одного историка, всесильный Меншиковъ, угрожаемый сопротивленіемъ русской знати, самъ былъ иниціаторомъ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, ибо, желая сохранить свою власть и вліяніе, онъ предложилъ Совѣтъ, какъ удобный для себя компромиссъ [50]).

Вновь избранные члены подали Императрицѣ „мнѣніе не въ указъ о вновь учрежденномъ Тайномъ Совѣтѣ“ и выставили въ немъ слѣдующія положенія. Во „мнѣніи“ отмѣчается, что, разъ Ея Величество въ Тайномъ Совѣтѣ президентство сама имѣетъ, этотъ Тайный Совѣтъ не слѣдуетъ считать за особую коллегію.—Онъ служитъ только „къ облегченію Ея Величества въ тяжкомъ бремени правленія“. Затѣмъ говорится, что никакіе указы не могутъ выходить, пока они въ Тайномъ Совѣтѣ не состоятся; на нихъ приказано писать: данъ въ Тайномъ Совѣтѣ. Рапорты и доношенія, которые могутъ приходить на рѣшеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ, подписываются на имя Ея Величества, „къ поданію въ Тайномъ Совѣтѣ“.

Пунктъ девятый мнѣнія гласилъ: Дѣла, подлежащія вѣдѣнію Тайнаго Совѣта, суть: а) чужестранныя, б) всѣ тѣ, которыя до Ея Императорскаго Величества собственнаго рѣшенія касаются.

Сенатъ и прочія коллегіи остаются при своихъ уставахъ (п. 10). Первыя три коллегіи подъ Сенатомъ быть не могутъ, какъ и безъ того иностранная никогда отъ него не зависѣла (п. 11). На Сенатъ разрѣшены апелляціи.

Разсмотрѣвъ „мнѣніе не въ указъ“, Императрица его одобрила и сдѣлала въ немъ только нѣкоторыя поправки.

Къ указу 8-го Февраля было приложено опредѣленіе вновь избранныхъ особъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, состоявшееся 10 Февраля, коимъ устанавливалось „на первое время“ отношеніе Совѣта къ Сенату и коллегіямъ, а также и опредѣленіе значенія

указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, состоявшихся „хотя въ присутствіи Ея Величества, хотя и въ отсутствіи“. Затѣмъ, 14 Марта явился указъ о наименованіи Сената „Высокимъ“, а не „Правительствующимъ“, „для того, что слово сіе правительствующій—непристойно“. Указъ 20 Марта о формѣ сношенія Верховнаго Тайнаго Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями вновь подчеркнулъ, что Верховный Тайный Совѣтъ есть Совѣтъ при особѣ Императрицы, сообразно съ чѣмъ все въ Совѣтѣ дѣлается Ея Именемъ.

Итакъ, 8-го Февраля 1726 года наносился первый ударъ петровскому Сенату.—Отнынѣ онъ наравнѣ съ коллегіями и „прочими мѣстами“ получаетъ отъ Совѣта указы, а самъ обращается къ нему съ доношеніями. Онъ ставится въ равное положеніе съ тремя первыми коллегіями, съ которыми долженъ сноситься взаимно промеморіями... [51]).

Сенатъ, какъ и надо было ожидать, не отнесся совершенно пассивно къ указу, полагавшему начало его послѣдующему паденію. Между нимъ и Совѣтомъ произошло кратковременное пререканіе: 12-го къ назначенному „для закрѣпы“ протоколовъ Совѣта, члену Иностранной Коллегіи, д. ст. с. Степанову пріѣхалъ экзекуторъ Сената Елагинъ и пытался возвратить ему присланный въ Сенатъ именной указъ объ учрежденіи Совѣта, такъ какъ сенаторы его, будто бы, принять не могли. Степановъ не принялъ отъ Елагина возвращаемаго именного указа, мотивируя это тѣмъ, что того указа, на который ссылается Сенатъ, возвращая именной, онъ не знаетъ. На другой день Кабинетъ-секретарь Макаровъ былъ посланъ въ Сенатъ извѣ-

стить, что Императрица желаетъ, чтобы все было такъ, какъ „въ указѣ Ея Величества изображено“.

С. М. Соловьевъ по поводу упомянутаго противодѣйствія Сената говоритъ, что ему (Сенату) 9-го Февраля былъ объявленъ указъ, въ коемъ повелѣно исправлять дѣла по указамъ, регламентамъ и сенатской должности, а не написано, чтобы Сенатъ былъ подчиненъ Верховному Тайному Совѣту. Тогда несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что Сенатъ, возвращая Совѣту указъ 8 Февраля, ссылался при этомъ на другой указъ Императрицы, подтверждавшій его прежнее состояніе и достоинство.

Отсюда возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ указъ 8-го Февраля согласить съ указомъ 9 Февраля, котораго нигдѣ не сохранилось? [52]). Въ одномъ изъ пунктовъ этого второго указа, именно въ одиннадцатомъ, говорится, что „какъ Сенатъ, такъ и всѣ прочія коллегіи, по обыкновенному до сего времени учрежденію и подчиненію въ совершенномъ такомъ дѣйствіи и власти оставлены быть имѣютъ, чтобъ оныя всѣ происходящія дѣла, которыя по уставамъ и прочимъ состоявшимся указамъ, регламентамъ и инструкціямъ, вершены быть могутъ, и впредь вершили и въ дѣйство производили, и во всемъ поступали, какъ блаженныя памяти Его Императорскаго Величества въ 1718 году Декабря 22-го дня публикованный указъ повелѣваетъ“ [53]). Но этотъ указъ 9 Февраля не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. „Мнѣніе не въ указъ“, 16-го Марта, болѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ учрежденія Совѣта, послѣ того, какъ у Сената было отнято наименованіе „Правительствующій“ и про-

изошли другія перемѣны въ отношеніяхъ Сената къ Совѣту, — почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и указъ 9-го Февраля, продолжаетъ утверждать, что все остается по старому, по прежнему. Иначе говоря, въ обоихъ случаяхъ находили возможнымъ не впадать въ противорѣчіе съ указомъ объ учрежденіи Совѣта и, надо думать, какъ слова указа 9 Февраля, такъ и слова „мнѣнія", относились ко всѣмъ постановленіямъ о Сенатѣ, которыя предполагалось оставить безъ перемѣнъ; измѣненія, уже сдѣланныя, были отмѣчены въ особыхъ указахъ, о коихъ и Сенатъ былъ своевременно извѣщенъ. Такимъ образомъ уничтожается противорѣчіе, котораго съ перваго взгляда нельзя не замѣтить въ указахъ первыхъ двухъ дней существованія Совѣта. Конечно, можно дать противорѣчію и другое объясненіе. Можно предположить, что все новое въ положеніи Сената хотѣли проводить, прикрываясь уваженіемъ къ старому [54])... Но несомнѣнно одно, то, что Екатерина, согласившись охотно съ доводами о необходимости учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, каковое учрежденіе подготовлялось исподволь, не могла бы въ столь короткій срокъ дать два совершенно противорѣчивыхъ указа. Остается предположить, говоритъ профессоръ Филипповъ, что Сенатъ потому понялъ указъ 9-го Февраля въ смыслѣ неподчиненія Верховному Тайному Совѣту, что о подчиненіи въ томъ указѣ умалчивалось [55]).

А подчиненіе идетъ быстрыми шагами, хотя большинство случаевъ распространенія верховенства Совѣта надъ Сенатомъ происходитъ не по опредѣленной программѣ, плану,—а случайно. Такъ, 23-го Фе-

враля берутся изъ Сената малороссійскія дѣла, ибо между ними „есть важныя и секрету подлежащія“ (!). Столь же неосновательно устанавливается подчиненіе генералъ-провіантмейстера Совѣту (а не Сенату, какъ было прежде): это сдѣлано потому, что „отъ этого генералъ-провіантмейстера о провіантѣ никакого извѣстія не имѣется“ (!). Очевидно, что мотивировка ограниченій компетенціи Сената такъ плоха потому, что пути для ограниченій указываются практикой. Эта, въ свою очередь, колеблется.

Практикой, однако, диктуется и указъ 14 Марта о наименованіи Сената „Высокимъ“.

Указы 8-го Февраля, 14 и 28 Марта, а также указъ „о должности“, явившійся 7-го Марта, и „мнѣніе не въ указъ“ составляютъ вмѣстѣ рядъ мѣропріятій, направленныхъ противъ Сената почти одновременно [56]). При этомъ, если указы 8-го Февраля и 14 Марта, хотя и опредѣленно, но довольно кратко констатируютъ подчиненное положеніе Сената по отношенію къ Совѣту, то указы „о должности“ Сената и порядкѣ сношеній Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями, въ связи съ „мнѣніемъ не въ указъ“, развиваютъ эту мысль въ подробностяхъ.

Обширный указъ „о должности“ Сената представляетъ собою какъ бы его уставъ и содержитъ постановленія, касающіяся состава учрежденія, порядка засѣданій его, дѣлопроизводства и рѣшенія дѣлъ. Онъ устанавливаетъ права Сената по выбору кандидатовъ на должности президентовъ, вице-президентовъ и совѣтниковъ „штатскихъ коллегій“, съ представленіемъ списка ихъ на утвержденіе Совѣта, которому принад-

лежитъ назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ и сенаторовъ. Такое же право выбора Сенату предоставлено относительно кандидатовъ въ губернаторы, вице-губернаторы, оберъ-коменданты и коменданты, причемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, эти выборы должны производиться Сенатомъ по сношенію съ Военной Коллегіей. Перечисляются далѣе еще должности, которыя замѣщаются самимъ Сенатомъ.

Отнынѣ Сенатъ не имѣетъ права на сношеніе съ верховной властью непосредственно; онъ можетъ входить съ доношеніями на Высочайшее имя только черезъ Совѣтъ. Совѣтъ же даетъ указы Сенату и коллегіямъ, отъ которыхъ Сенатъ, въ своихъ отношеніяхъ къ Совѣту, не отличается.

А положеніе Сената въ дѣлахъ финансовыхъ... Мы помнимъ какое значеніе и голосъ имѣлъ въ этихъ случаяхъ петровскій Сенатъ; теперь съ общимъ значеніемъ умаляется и финансовая компетенція. — Безъ именного повелѣнія запрещаются (15-го Іюля 1726 года) чрезвычайные расходы [57]), въ Верховный Тайный Совѣтъ для доклада Императрицѣ требуются еженедѣльныя перечневыя вѣдомости о движеніи государственныхъ суммъ (им. ук. 4-го Января 1727 года, об. изъ В. Т. С.). 24-го Февраля 1727 года возстановляется Ревизіонъ-Коллегія [58]).

Генералъ-прокуроръ Ягужинскій при учрежденіи Совѣта не получилъ въ немъ мѣста. Его назначили резидентомъ въ Польшу. Новое назначеніе лишало Ягужинскаго возможности исполнять свою прежнюю обязанность, да и вообще возвращеніе его въ Сенатъ не предполагалось. Совѣтъ рѣшилъ „отставить окладъ,

который даванъ генералъ-прокурору, понеже оный имѣетъ даванъ быть по его дѣйствительному чину отъ придворнаго штата". Иначе говоря, Ягужинскій долженъ былъ отнынѣ получать даже содержаніе свое не какъ генералъ-прокуроръ, окладъ котораго уничтожался вовсе въ штатѣ Сената, а какъ оберъ-шталмейстеръ.

„Ока Нашего", какъ говорилъ Петръ Великій, больше уже не было. Не исполнялась отнынѣ и другая обязанность, которая лежала на генералъ-прокурорѣ.— Кромѣ роли быть окомъ государевымъ, онъ былъ еще по отношенію къ Сенату и высокопоставленнымъ и независимымъ начальникомъ его канцеляріи; онъ наблюдалъ за дѣятельностью самого Сената; онъ имѣлъ право предлагать Сенату о „сочиненіи ясныхъ указовъ" на тѣ случаи, на которые ихъ не имѣлось; онъ простиралъ свой надзоръ на всѣ учрежденія Имперіи, перенося рѣшеніе соотвѣтствующихъ дѣлъ въ Сенатъ. Съ незамѣщеніемъ должности генералъ-прокурора, при Сенатѣ, который лишался своего докладчика и доступа къ Императрицѣ, образовалась пустота, которая не могла быть заполнена тѣмъ, что обязанности исчезнувшаго могущественнаго чина Имперіи исполнялъ теперь оберъ-прокуроръ. Прежде всего это отразилось на полномъ пригнетеніи института прокуратуры вообще.

Въ началѣ царствованія Екатерины прокуратура получила подтвержденіе своихъ правъ и въ отношеніи закона, внѣшне, все оставалось по старому. На самомъ дѣлѣ, однако, многое постепенно измѣнялось. Нѣкоторое время въ рукахъ оберъ-прокурора оставалась возможность осуществленія черезъ

подчиненныхъ прокуроровъ мѣстнаго надзора, но понемногу прокуроры коллегій и канцелярій одинъ за другимъ переводились на другія должности, а мѣста ихъ оставались вакантными, вслѣдствіе чего и основы прокурорскаго надзора были въ дѣйствительности доведены почти до уничтоженія. О паденіи института прокуратуры можно судить по тому, напримѣръ, что 22-го Іюля 1726 года Совѣтъ предполагалъ возможнымъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, „гдѣ есть прокуроры и экзекуторы, тѣмъ тако-жъ погодно между себя перемѣняться".

Вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ, такимъ образомъ, исчезали его помощники. Полагалось начало разъединенію въ коллегіальномъ устройствѣ.

На этомъ, однако, разрушеніе организаціи прежняго сенатскаго правленія не ограничилось. Послѣ фактическаго уничтоженія генералъ-прокурорства, участь генералъ-прокурора постигла и рекетмейстера. Его должность въ началѣ Марта 1727 года соединяется съ должностью оберъ-прокурора Сената. Одновременно уничтожается и рекетмейстерская контора, „чтобы напрасно жалованія не происходило".

Уничтоженіе должности рекетмейстера было вызвано тѣмъ, что Совѣтъ дѣлался постепенно сосредоточіемъ всѣхъ дѣлъ управленія и, чѣмъ выше поднималось его значеніе, тѣмъ больше, вмѣстѣ съ прочими дѣлами, къ нему стекалось челобитій. (Въ концѣ царствованія Екатерины I онъ даже жалуется на чрезмѣрное ихъ количество). Поэтому уже 26 Апрѣля 1727 года разсматривается предложеніе о томъ, чтобы исполняющій обязанности рекетмейстера ежедневно являлся

при дворѣ Ея Величества для принятія челобитенъ.— Очевидно, что должность рекетмейстера при Сенатѣ становилась лишней, каковымъ соображеніемъ и могъ руководствоваться Меншиковъ, когда проектировалъ реформу, вслѣдствіе которой исчезла изъ Сената „персона знатная". Впрочемъ, Совѣтъ допустилъ ошибку. Ему слѣдовало, не уничтожая должности вообще, перевести ее въ Совѣтъ, а то соединеніе въ лицѣ оберъ-прокурора Сената обязанностей генералъ-рекетмейстера и генералъ-прокурора наложило на оберъ-прокурора излишнія тягости. Въ Сенатѣ прежнее устройство рекетмейстерскихъ дѣлъ было нарушено, въ Совѣтѣ же они не нашли своей новой и окончательной организаціи.

По „должности" канцелярія Сената должна была находиться „въ дирекціи у генералъ-прокурора и оберъ-прокурора": черезъ посредство ихъ должны были вноситься на разрѣшеніе Сената всѣ дѣла изъ „штатскихъ" коллегій, которыхъ бы эти коллегіи разрѣшить не могли; генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ обязательно должны были присутствовать въ засѣданіяхъ Сената (куда допускались еще только секретари во главѣ съ оберъ-секретаремъ и протоколисты) и должны были, имѣя на столѣ посочные часы, наблюдать за продолжительностью преній и правильностью голосованія. Найдя отступленіе отъ закона, они напоминали о томъ сенаторамъ, „а, ежели кто не послушаетъ", пріостанавливали дѣло и доносили Верховному Тайному Совѣту.

Все „по должности" какъ будто и по старому, но только генералъ-прокуроръ замѣненъ лицомъ гораздо менѣе значительнымъ. Это налагаетъ на узаконенія

петровскаго времени такую окраску, что все получаетъ совершенно иной видъ. Едва ли оберъ-прокуроръ могъ въ своемъ новомъ положеніи исполнять по отношенію къ „Высокому“ Сенату ту контролирующую роль, какую исполнялъ знаменитый генералъ-прокуроръ по отношенію къ петровскому „Сенату Правительствующему“. Въ современныхъ документахъ мы не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы оберъ-прокуроръ слѣдилъ за преніями и голосованіемъ, чтобы онъ понуждалъ сенаторовъ къ болѣе внимательному исполненію ихъ обязанностей. Можетъ быть, эти понужденія дѣлались устно и только потому не оставили слѣдовъ въ дѣлопроизводствѣ Сената, — это возможно, но всетаки „мы видимъ, что Совѣтъ впослѣдствіи выговариваетъ оберъ-прокурору неисполненіе имъ своихъ обязанностей“ [59]).

Конечно, управленіе оберъ-прокуроромъ сенатской канцеляріей шло успѣшнѣе, чѣмъ выполненіе другихъ дѣлъ, вѣдавшихся ранѣе генералъ-прокуроромъ.

Теперь скажемъ о сторонѣ надзора. Нынѣ оберъ-прокуроръ, хотя и продолжалъ наблюдать черезъ подчиненныхъ прокуроровъ за порядкомъ въ коллегіяхъ и судахъ,—не имѣлъ, какъ при Петрѣ Великомъ, права [60]) возбуждать законодательные вопросы и, тѣмъ самымъ, принимать общія мѣры къ усовершенствованію порядка дѣлопроизводства. Оберъ-прокуроръ теперь могъ осуществлять лишь контролирующую роль, но и то въ извѣстныхъ размѣрахъ, ибо система прокурорскаго надзора разрушалась.

Въ сенатской практикѣ эпохи нѣтъ случая, чтобы оберъ-прокуроръ самъ сдѣлалъ представленіе Сенату.

Его дѣятельность возбуждается либо донесеніями агентовъ, либо Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Однако, со временемъ и штатъ подчиненныхъ прокуроровъ уменьшается. Они получаютъ новыя назначенія и имъ не ставится преемниковъ. Контролирующая роль оберъ-прокурора падаетъ и, если онъ дѣлаетъ Сенату представленія, то лишь какъ передаточная инстанція отъ Совѣта къ Сенату. Далѣе, такъ какъ время исчезновенія прокуратуры изъ коллегій совпадаетъ со временемъ возложенія на оберъ-прокурора обязанностей генералъ-рекетмейстера, оберъ-прокуроръ является скорѣе рекетмейстеромъ Сената, чѣмъ носителемъ оберъ-прокурорской должности.

Это новое положеніе вызываетъ опять неурядицы. Челобитія направляются преимущественно въ Совѣтъ, а не Сенатъ, что ставитъ генералъ-рекетмейстера, а затѣмъ и оберъ-прокурора, въ довольно странное положеніе. Продолжая состоять при Сенатѣ, они являются исполнителями повелѣній Совѣта, который то передаетъ черезъ оберъ-прокурора челобитія для разсмотрѣнія, то къ исполненію ихъ Сенатомъ. Неудивительно поэтому, что у Кабинетъ-секретаря Макарова является весьма естественная мысль о переведеніи генералъ-рекетмейстера изъ Сената въ Совѣтъ.

Разъ рекетмейстеръ былъ только передатчикомъ приказаній, то эту обязанность можно было возложить на оберъ-прокурора, что и имѣло мѣсто, пока Сенатъ не напомнилъ рекетмейстеру, чтобы онъ исполнялъ всѣ требуемыя его должностью дѣйствія. Съ этого времени обѣ должности переставали совпадать. Оберъ-прокурору приходилось докладывать Сенату всѣ обстоя-

тельства челобитій, а это было въ ущербъ исполненію имъ его собственныхъ обязанностей.

Петромъ Великимъ былъ созданъ при Сенатѣ, еще до введенія прокуратуры, институтъ фискаловъ, задачей которыхъ было тайно провѣдывать и доносить о всѣхъ дѣлахъ, которыя по себѣ не имѣютъ челобитчика. Петръ соглашался, что чинъ „земскаго фискала тяжелъ и ненавидимъ", но считалъ его необходимымъ для искорененія всякихъ злоупотребленій. При Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, сдѣлавшись установленіемъ подчиненнымъ, Сенатъ постепенно ограничивался во всѣхъ средствахъ надзора, какія ему принадлежали раньше. Такъ, что касается фискалата, то, хотя онъ формально не былъ уничтоженъ, фактически кругъ его дѣятельности постепенно свелся къ очень незначительнымъ размѣрамъ.

Въ первые мѣсяцы царствованія Екатерины право фискаловъ на существованіе было подтверждено именнымъ указомъ [61]), упоминавшимъ о генералъ-фискалѣ и его помощникѣ, государственномъ оберъ-фискалѣ, и и ихъ товарищахъ, а также о провинціалъ и просто фискалахъ.

Указомъ 23 Іюня 1725 года юридическое значеніе фискаловъ было даже видимымъ образомъ усилено. — Они сдѣлались центромъ доносительства: „А впредь доносителямъ мимо фискаловъ нигдѣ не доносить" [62]). Это былъ пунктъ, въ отношеніи котораго Петръ Великій какъ разъ дѣлалъ послабленіе, разрѣшая прокурорамъ принимать доносы не только отъ фискаловъ, но и отъ частныхъ лицъ.

Такъ екатерининское правительство первоначально

усиливало фискаловъ съ точки зрѣнія права. Оно ослабляло ихъ значеніе фактически. Самъ Верховный Тайный Совѣтъ, какъ бы, совершенно игнорировалъ фискальную организацію. Генералъ-фискалъ Мякининъ, пока не былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду, ни разу не былъ призванъ въ Совѣтъ. Тамъ заходила рѣчь о фискалахъ лишь въ вопросахъ о злоупотребленіи ими своею властью. Затѣмъ, какъ то было въ области прокуратуры, постепенно должностныя лица фискальнаго надзора увольняются безъ замѣны новыми. Самый институтъ отступаетъ на задній планъ.

Одни лишь обязанности герольдмейстера и существо его дѣятельности не потерпѣли серьезныхъ измѣненій. Сенатъ не относится равнодушно къ этой должности, но цѣлымъ рядомъ указовъ дополняетъ и разъясняетъ существующія узаконенія. Самъ герольдмейстеръ постоянно напоминаетъ о себѣ Сенату, ибо ему порученное дѣло весьма живое и не терпящее отлагательства. Но исключительное отношеніе Совѣта къ герольдмейстерскимъ дѣламъ и невмѣшательство Совѣта въ дѣятельность Сената въ этой области, не измѣняютъ общей картины. Ясно, что въ какіе нибудь пятнадцать мѣсяцевъ, безъ опредѣленнаго заранѣе и вполнѣ яснаго плана, всетаки была разстроена прежняя организація Сената.

Какъ то видно съ перваго взгляда, петровскій административный порядокъ страдалъ смѣшеніемъ двухъ принципіально различныхъ функцій въ одномъ и томъ же органѣ. Во главѣ государственнаго строя находился Сенатъ, который (помимо его законодательнаго и судебнаго значенія) не только управлялъ на основаніи зако-

новъ, но и раздѣлялъ съ Государемъ сферу его непосредственной дѣятельности.—Въ немъ засѣдали и первые министры, съ которыми Петръ совѣщался о важнѣйшихъ дѣлахъ.

Этотъ недостатокъ должно было устранить учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, когда впервые яснѣе проводится у насъ грань между управленіемъ верховнымъ и управленіемъ подчиненнымъ. Функціи государственной власти, относящіяся къ этимъ двумъ принципіально различнымъ областямъ, не могутъ быть сосредоточены въ одномъ органѣ безъ существеннаго ущерба правильному теченію государственной жизни. На это показываетъ и указъ 8-го Февраля 1726 года, коимъ область верховнаго управленія отдѣляется отъ области управленія подчиненнаго. Первая отходитъ въ компетенцію суверенаго органа, дѣйствующаго отнынѣ въ этой области при сотрудничествѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, вторая отводится Сенату съ подчиненными ему учрежденіями.

Къ компетенціи Верховнаго Тайнаго Совѣта принадлежитъ область внѣшней политики и дѣла не предусмотрѣнныя закономъ.

Сенатъ вѣдаетъ подзаконное управленіе, дѣла же, на которыя нѣтъ ясныхъ указовъ, вноситъ черезъ Верховный Тайный Совѣтъ на разсмотрѣніе Императрицы.

Къ компетенціи Верховнаго Тайнаго Совѣта относятся, далѣе, дѣла, которыя „до Ея Императорскаго Величества собственнаго рѣшенія касаются“: верховное финансовое управленіе, назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ и всѣ судебныя дѣла, восходящія на Высочайшее усмотрѣніе.

У Сената остается большое поле дѣятельности, что само по себѣ указываетъ на необходимость его существованія.—Верховный Тайный Совѣтъ не могъ замѣнить и не долженъ бы былъ замѣнить собою высшее коллегіальное учрежденіе, гдѣ бы могли изготовляться разнаго рода законопроекты и сосредоточивались бы всѣ функціи подчиненнаго управленія, но преобразованія ведутся безпорядочно, съ постоянными колебаніями и безъ достаточнаго уваженія къ праву.

Въ то время Сенатъ не знаетъ точно, когда онъ долженъ обращаться къ Совѣту, Совѣтъ часто занимается понапрасну разсмотрѣніемъ неподлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ; образъ сношеній опредѣляется не сразу, а лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ образованія Совѣта.

Едва умираетъ Императрица, какъ этотъ послѣдній безо всякаго стѣсненія начинаетъ измѣнять установившійся порядокъ.

III.

(6 Мая 1727 года—18/19 Января 1730 года).

Время Петра Второго.

„И симъ имѣть полную власть Правительствующаго Самодержавнаго Государя, токмо опредѣленіе о сукцессіи ни въ чёмъ не отмѣнять“.

Пунктъ 5 завѣщанія Екатерины I.

Верховный Тайный Совѣтъ. Петръ Второй. Отношеніе В. Т. Совѣта къ Сенату. Измѣненіе компетенціи послѣдняго. Фискалатъ. Прокуратура. Положеніе надзора. Сенатъ при первыхъ преемникахъ Петра Великаго.

Кратковременное царствованіе Петра Второго еще менѣе, чѣмъ предшествовавшее царствованіе Екатерины I, представляло преградъ самостоятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта. Онъ долженъ былъ сознавать себя вполнѣ господиномъ положенія.

Въ отношеніи Сената, главное дѣло умаленія его правъ было закончено, оставалось лишь довершить развитіе подробностей.

Для Совѣта времени Петра Второго Сенатъ являлся противникомъ съ совершенно подорваннымъ значеніемъ

и Верховный Тайный Совѣтъ тѣмъ болѣе спокойно могъ продолжать свою дѣятельность, что верховная власть въ лицѣ Петра Второго къ государственнымъ дѣламъ была невнимательна.

Пользуясь малолѣтствомъ Императора, Совѣтъ, какъ учрежденіе, показываетъ свою силу. 12-го Мая онъ отмѣняетъ неудобный для себя порядокъ подписанія протоколовъ. Въ этомъ же засѣданіи полагается начало нарушенію тестамента Екатерины, который въ 4-мъ пунктѣ гласилъ такъ: „во время малолѣтства (Императора) имѣютъ администрацію вести наши обѣ Цесаревны...“

Самъ Петръ Второй рѣдко бывалъ въ Совѣтѣ, но даже и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ онъ не могъ принимать должнаго участія въ занятіяхъ. Наоборотъ, еще Совѣту приходилось разрабатывать программу обученія молодого Государя наукамъ.

Въ 1728 году, въ 1729 и до своей кончины, 19 Января слѣдующаго года, Императоръ, повидимому, вовсе не присутствовалъ въ Совѣтѣ. Дѣла шли помимо него. Петръ Второй игралъ въ управленіи довольно пассивную роль и почти не проявлялъ своей личности. Это и понятно.— Ему вѣдь не было двѣнадцати лѣтъ, когда онъ вступилъ на Престолъ. Поэтому то и число именныхъ указовъ въ его время незначительно по сравненію съ числомъ указовъ совѣтскихъ.

Верховный Тайный Совѣтъ былъ въ царствованіе Петра Второго, какъ и ранѣе, высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ въ Имперіи, власть котораго увеличилась еще болѣе. Сенатъ по прежнему занималъ второстепенное мѣсто въ управленіи, былъ одною изъ

коллегій съ ограниченнымъ кругомъ дѣятельности. Совѣтъ не разъ напоминалъ Сенату объ его подчиненномъ положеніи. Такъ, 17 Іюля 1727 года Совѣтъ дѣлаетъ выговоръ сенатору Наумову за „несидѣніе въ Сенатѣ“ и приказываетъ ему прислать сенатскаго оберъ-прокурора. Послѣдній сейчасъ явился и, въ свою очередь, получилъ замѣчаніе:—„впущенъ былъ сенатскій оберъ-прокуроръ Воейковъ и выговаривано ему о неисправленіи дѣлъ сенатскихъ и что съѣзды бываютъ не по вся дни, и то пріѣзжаютъ поздно, и что по счетамъ на Меерѣ такой великой суммы не взыскиваютъ и опустили, и для чего онъ должности своей не исполняетъ, и, наконецъ, приказано должность его и неисправленіе росписать, а для лучшаго, во отправленіи сенатскихъ дѣлъ усмотрѣнія“, подавать ежедневно журналы, кто въ какой часъ пріѣдетъ, и какъ будутъ отправлять дѣла [63]).

Совѣтъ не желаетъ допускать, чтобы Сенатъ принималъ какое либо участіе въ законодательной его дѣятельности, и потому приказываетъ разобрать въ Сенатѣ всѣ указы и тѣ, которые могутъ служить закономъ, немедленно представить въ Совѣтъ, чтобы пополнить ими уложеніе. Но, въ то же время, не опасаясь болѣе конкурренціи Сената, Совѣтъ по своей волѣ то увеличиваетъ, то уменьшаетъ компетенцію Сената. Въ 1728 году подчинены Сенату управленіе башкирами и Доимочная Канцелярія; послѣ закрытія Преображенской Канцеляріи Сенатъ долженъ былъ помогать Совѣту въ разсмотрѣніи доносовъ по важнымъ дѣламъ, ибо часть дѣлъ, невзятыхъ Совѣтомъ, была передана ему. Но Совѣтомъ были воспрещены денеж-

ныя выдачи за прошлые года, между тѣмъ какъ при Екатеринѣ I такія выдачи могли производиться по именному указу изъ Кабинета. Правда, тогда Императрица требовала доставленія ей лично свѣдѣній о движеніи штатныхъ суммъ, о сборѣ подушныхъ денегъ и пр., чего не могло быть при Петрѣ Второмъ.

Совѣтъ желалъ властвовать одинъ въ управленіи. Поэтому онъ упразднилъ независѣвшій отъ него частный Кабинетъ Императора, вмѣстѣ съ должностью управлявшаго имъ со времени Петра Великаго Кабинетъ-секретаря, могущественнаго своимъ вліяніемъ Макарова (24, V, 1727 г.). Часть дѣлъ Кабинета перешла въ Совѣтъ, а тѣ, которыя касались злоумышленій противъ Государя, измѣны и возмущенія, были переданы въ Сенатъ. Нѣкоторыя дѣла были сданы и въ коллегіи, „что которой надлежитъ“.

Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что при Петрѣ Второмъ Сенатъ сталъ и чисто мѣстной инстанціей по отношенію къ жителямъ Петербурга: въ него подавались всѣ доношенія „про великія дѣла, о которыхъ увѣдаютъ петербургскіе жители“ [64]).

Сознавая свое первенствующее положеніе въ государственномъ управленіи, Верховный Тайный Совѣтъ продолжалъ при Петрѣ Второмъ дополнять свое устройство. Такъ, онъ дѣлаетъ распоряженіе объ увеличеніи окладовъ содержанія чиновниковъ своей канцеляріи, опредѣляетъ, чтобы указы Совѣта въ Сенатъ и коллегіи отправлялись за подписью т. с. Степанова, а не самого Императора. Въ то же время Совѣтъ охраняетъ права и достоинства монархической власти. Онъ не принимаетъ отъ Бассевича квитанціи Анны Петровны,

герцогини голштинской, потому что она названа въ ней наслѣдной принцессой россійской, въ то время, какъ право на наслѣдство находится въ единомъ соизволеніи у русскаго Императора.

Въ области законодательства Верховный Тайный Совѣтъ продолжалъ работу надъ составленіемъ новыхъ законовъ. Онъ принимаетъ мѣры къ образованію лучшаго состава всѣхъ коллегій. Три первыя коллегіи, выдвинувшіяся изъ числа остальныхъ еще при Екатеринѣ, сохраняютъ свое исключительное положеніе и при Петрѣ II, но послѣ паденія Меншикова Совѣтъ нѣсколько ограничилъ права Адмиралтейской Коллегіи.

Особенное вниманіе Совѣта привлекаютъ на первыхъ же порахъ малороссійскія дѣла,—они были переведены въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Далѣе, Совѣтъ наблюдаетъ за состояніемъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, составляетъ новый соляной уставъ и разрѣшаетъ вольную продажу соли; утверждаетъ новый вексельный уставъ, заботится о сохраненіи лѣсовъ и т. д.

Не менѣе обширной была дѣятельность Совѣта въ области администраціи и сферѣ суда, гдѣ онъ принимаетъ съ цѣлью обезпеченія правосудія нѣсколько важныхъ мѣръ общаго характера. Компетенція Сената ограничивается по разсмотрѣнію и рѣшенію уголовныхъ дѣлъ чиновъ военнаго и морского вѣдомствъ.

Въ отношеніи фискаловъ и прокуроровъ Совѣтъ держится политики прежняго времени. Лишивъ фискалатуру ея главы, въ 1729 году Совѣтъ рѣшилъ вообще пересмотрѣть составъ фискаловъ, что фактически свелось къ ихъ раскассированію. 24-го Декабря того же

года Сенату было предписано разобрать явившихся фискаловъ. Одни, изъ боярскихъ людей, годные, должны были записаться въ солдаты, а негодные—быть представленными въ Совѣтъ на усмотрѣніе. За фискалами пришла очередь и прокуроровъ. Послѣдніе получили новыя назначенія съ незамѣщеніемъ освободившихся должностей. Такимъ образомъ, Сенатъ былъ лишенъ ранѣе находившихся въ его распоряженіи средствъ надзора: контролирующая власть юридически оставалась за нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была затруднена въ самой сильной степени. Съ этихъ поръ Сенатъ могъ узнать объ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ только изъ частныхъ челобитныхъ или изъ донесеній оффиціальныхъ мѣстъ. Но пріемъ въ Сенатѣ челобитныхъ точно также былъ фактически затрудненъ сліяніемъ должностей рекетмейстера и оберъ-прокурора. Мало того, теперь жалобы поступали вѣдь не только въ Сенатъ, но и въ Совѣтъ. Такимъ образомъ въ подачѣ челобитныхъ установилась путаница, изъ которой трудно было выбраться самому Совѣту. Конечно, и надзоръ, осуществляемый при помощи случайныхъ челобитныхъ и донесеній самъ получалъ теперь уже вполнѣ случайный характеръ и мало соотвѣтствовалъ своей цѣли. Контроль же былъ весьма нуженъ, во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ. Ревизія сенатора гр. Матвѣева показала поразительные примѣры злоупотребленій въ администраціи и въ судѣ царствованія, какъ Петра II, такъ и Екатерины I. Правящимъ былъ въ свое время неугоденъ Ягужинскій, какъ генералъ-прокуроръ,—его назначили на другое мѣсто, оставивъ генералъ-прокурорство незамѣщеннымъ, но и не отмѣ-

неннымъ; жертвой Меншикова палъ генералъ-фискалъ Мякининъ;—а въ результатѣ высшій надзоръ, не двинувшись впередъ, потерялъ и прежніе свои слабые устои.

Когда умеръ Петръ Второй, Верховный Тайный Совѣтъ стоялъ на вершинѣ управленія государствомъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ права самодержавной власти. Таково было учрежденіе, смѣнившее собою петровскій Сенатъ. Къ этому послѣднему Верховный Тайный Совѣтъ относится уже не такъ ревниво, какъ ранѣе, и Сенатъ можетъ спокойно отдаваться исполненію своихъ обязанностей. Когда ему передаются дѣла изъ уничтоженныхъ учрежденій, Совѣтъ ничѣмъ не рискуетъ, ибо въ любое время можетъ все взять обратно.

Такимъ путемъ, при ближайшихъ преемникахъ Петра I надъ Сенатомъ Великаго Преобразователя выросло новое своеобразное учрежденіе. Обладая весьма смѣшанными функціями, Совѣтъ и законодательствовалъ, и правилъ страною, и былъ высшимъ судебнымъ мѣстомъ. Онъ, значитъ, повторялъ существенные недостатки петровскаго Сената, которые перенесъ на себя. Эти недостатки преемниками Петра усмотрѣны не были, они дальше внѣшнихъ причинъ не пошли. Поэтому и сама дѣятельность Совѣта носила характеръ неопредѣлившійся, будто бы ею руководила наступательная политика съ постоянными колебаніями, отчего не разъ приносилось въ жертву само дѣло и разрушалось то, что имѣло право развиваться.

Хотя въ царствованіе Петра Второго Совѣтъ иногда расширяетъ компетенцію Сената, и, тѣмъ самымъ, только оттѣняетъ свое собственное значе-

ніе, его высокое положеніе не должно было разрушить чисто дѣлового значенія Сената, у котораго остается область самостоятельной работы.

Если въ основу дѣятельности Совѣта полагалось не столько право, сколько политика, то Сенатъ продолжалъ отстаивать идею законности въ государственномъ управленіи. Ходомъ событій онъ былъ отодвинутъ на второй планъ. Онъ палъ, но въ года униженія продолжалъ тихую свою работу. Въ чемъ она состояла—ясно. Сенатъ долженъ былъ остаться чисто-дѣловымъ правительственнымъ мѣстомъ. Государство нуждалось въ учрежденіи, которое бы изо дня въ день дѣлало дѣло активнаго управленія и суда.

Кругъ вѣдомства Сената, весьма раздробленный, былъ всетаки значителенъ.

Въ идеѣ законности, на которой покоилась вся дѣятельность Сената, заключается разгадка того, какъ онъ, несмотря на превратности судьбы, продолжалъ существовать.

Верховный Тайный Совѣтъ, созданный указомъ 8-го Февраля 1726 года, былъ „отставленъ“ 4-го Марта 1730 года. Въ этотъ промежутокъ времени онъ пережилъ два царствованія и краткую эпоху отъ смерти Петра Второго до „воспріятія самодержавства“ Анною Іоанновною. Сенатъ уцѣлѣлъ, а отъ учрежденія, появившагося въ ущербъ ему, не осталось даже имени.

IV.

(18/19 Января 1730 года — 4 Марта 1730 года).

Послѣдніе дни Верховнаго Тайнаго Совѣта.

„Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобы быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ.

Боже сохрани, чтобы не сдѣлалось, вмѣсто одного Самодержавнаго Государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій...“

Изъ письма Волынскаго.

Кончина Петра Второго. Выступленіе В. Т. Совѣта. „Кондиціи“. Недовольство, вызванное дѣйствіями В. Т. Совѣта. Отвѣтъ Анны Іоанновны и продолженіе броженія. Пріѣздъ Императрицы и отношеніе ея къ „кондиціямъ“. Прошеніе дворянства. Крушеніе „кондицій“ и судьба В. Т. Совѣта. Нѣмецкая олигархія.

Неожиданная смерть Петра Второго въ ночь съ 18 на 19 Января 1730 года, въ тотъ моментъ, когда „все, повидимому, возвѣщало Россіи долгое и безсмѣнное монархическое правленіе, а роду Долгорукихъ

предвѣщало вскорѣ сліяніе съ верховною властью",— возбудила вновь вопросъ о томъ, кому царствовать на Руси.

„Петръ Второй, говоритъ Манштейнъ, былъ очень оплакиваемъ всею націей. Старые русскіе видѣли въ немъ такого Властелина, какого и могли только желать, потому что онъ покинулъ Петербургъ и вернулъ ихъ въ Москву. Имперія была въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями: никто не былъ принуждаемъ къ службѣ въ войскахъ; каждый могъ спокойно пользоваться своимъ достояніемъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ верховниковъ, завидовавшихъ силѣ Долгорукихъ, вся остальная нація смотрѣла на это царствованіе, какъ на наиболѣе счастливую эпоху за цѣлый вѣкъ. Радость царила на всѣхъ лицахъ. Казна наполнялась; Москва начинала подыматься отъ своего паденія, къ которому ее привелъ Петръ I, покинувъ ее для Петербурга. Только армія и флотъ были бы совершенно раззорены, если бы это царствованіе продолжилось такимъ образомъ еще нѣсколько лѣтъ" [65]).

На утро, послѣ кончины Императора, Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ было назначено собраніе въ палатахъ Совѣта. Такъ какъ Петръ Второй умеръ въ два часа и до десяти оставалось много времени, часть присутствующихъ разъѣхалась; лицамъ духовнымъ подъ благовиднымъ предлогомъ было указано, что присутствіе ихъ излишне, и они удалились. Оставшіеся начали совѣщаться,—кому достанется Престолъ.

Въ то время ходили слухи о существованіи четырехъ партій: Цесаревны Елисаветы, Царицы-бабки, герцога голштинскаго и княжны Долгорукой, но, въ сущ-

ности, никакихъ партій не было. Кончина послѣдняго изъ мужской линіи Романовыхъ застала всѣхъ въ расплохъ [66]). Если бы партіи и существовали, онѣ не были достаточно сильны, чтобы отстоять своего кандидата, хотя существуетъ мнѣніе, что княжна Екатерина вступила бы на Престолъ, если бы не несогласія представителей отдѣльныхъ вѣтвей дома Долгорукихъ [67]). Общее положеніе было очень неопредѣленно. Царило недоумѣніе и нерѣшительность.

Обозначился исходъ, когда раздался голосъ человѣка, составившаго себѣ ясный планъ. Кн. Дм. М. Голицынъ нашелъ наиболѣе, повидимому, подходящее рѣшеніе, высказавшись за герцогиню курляндскую Анну, какъ за справедливую наслѣдницу. Присутствовавшіе тотчасъ же согласились. Затѣмъ былъ поднятъ вопросъ, чтобы „написавъ, послать Ея Величеству пункты“ [68]). Всталъ тотъ же кн. Дм. М. Голицынъ и, какъ цитируетъ одинъ французскій историкъ XVIII столѣтія, сказалъ: „Такъ какъ мужская линія Романовыхъ угасла съ Петромъ II и Россія много пострадала отъ деспотизма Петра I, надо ограничить эту огромную власть хорошими законами и предоставить верховное правленіе только на выгодныхъ для націи условіяхъ“ [69]).

Послѣ или раньше этого предварительнаго совѣщанія было засѣданіе Совѣта, въ которомъ онъ обнаружилъ свою власть, самъ назначивъ двухъ новыхъ своихъ членовъ.

На собраніи въ десять часовъ утра выборъ Совѣта былъ подтвержденъ и многіе стали расходиться, когда были остановлены по распоряженію Голицына,

который вновь настаивалъ на составленіи пунктовъ. Какое весь Совѣтъ придавалъ послѣднимъ значеніе видно изъ того, что онъ не разрѣшилъ, не давая, правда, объясненій, служить торжественныхъ молебновъ до полученія отвѣта отъ Анны Іоанновны [70]), а знаменитыя „кондиціи“ были посланы вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о выборѣ.

Какъ только вѣсть о затѣѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта распространилась, во всѣхъ слояхъ общества обнаружилось сильное волненіе. Сенатъ, генералитетъ и знатнѣйшее шляхетство протестуютъ. Но всѣ они безъ вождя, а потому только много шумятъ.—Одни хотятъ внезапно напасть на верховниковъ и даже перебить ихъ,—другіе предпочитаютъ войти спокойно въ собраніе Совѣта и представить верховникамъ, что планы ихъ не тайны [71]).

Ибо, какъ верховники ни желали скрыть сущности своего ночного совѣщанія въ Лефортовскомъ дворцѣ, какъ ни старались они прикрыться участіемъ въ избраніи Анны Іоанновны всѣхъ сословій: Сената, Синода и генералитета вмѣстѣ со шляхетствомъ [72]), истина проникала черезъ поставленныя ей преграды. Не имѣя свободнаго выхода, она распространялась въ извращенномъ видѣ.

Архіереи, удаленные верховниками ночью 19-го Января, сановники, неприглашенные ими на собраніе, шляхетство, оставшееся совсѣмъ безъ голоса при избраніи Анны Іоанновны,—всѣ были весьма враждебно настроены противъ верховниковъ, которые задумали юридически ограничить въ свою пользу власть Императрицы. Петръ Великій не назначилъ себѣ преемника

и вступленіе на русскій Престолъ Екатерины произошло не по династическому праву, а по выбору „Синода, Сената и генералитета“, руководимыхъ кн. Меншиковымъ; — случай этотъ, говоритъ Карновичъ, внушилъ отважнымъ царедворцамъ мысль, что и въ послѣдствіи при подобныхъ обстоятельствахъ они могутъ располагать короной, какъ распорядился ею однажды кн. Меншиковъ. Послѣднему принадлежала видная роль и при воцареніи Петра Второго, такъ какъ имъ было внушено завѣщаніе Екатерины, въ силу котораго взошелъ на Престолъ ея преемникъ.

Но въ своихъ стремленіяхъ Совѣтъ, явившись какимъ-то „самозваннымъ учредительнымъ собраніемъ“ [73]), „рѣшающимъ судьбы Русской Императорской Короны“ [74]), пошелъ слишкомъ далеко. Онъ хотѣлъ и узурпировать верховныя права—и обрѣсти самостоятельность и независимость по отношенію къ власти верховной.

Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своемъ сказаніи „О кончинѣ Петра II и о вступленіи на Престолъ Анны Іоанновны“ говоритъ такъ: „Коварство ихъ (верховниковъ) потому не тайно, что они не думали видѣть народное владѣтельство, кое обычно вольной республикой называютъ, но всю крайнюю силу осьмиличному своему совѣту учреждали“ [75]).

С. М. Соловьевъ, примѣнительно къ „кондиціямъ“, говоритъ: „Всѣ гарантіи для осьми, а противъ осьми для остальныхъ, гдѣ гарантіи“? [76]).

Борясь съ общимъ негодованіемъ, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта дѣйствуютъ угрозами и увѣщаніями, стараются склонить однихъ искренностью, дру-

гихъ ласкою. Не всѣ, однако, искренности теперь могли повѣрить...

3-го Февраля Сенату, Синоду и генералитету читано было письмо Анны о согласіи ея на вступленіе на Престолъ; „кондиціи“ подписаны Императрицею такъ: „По сему обѣщаю вся безъ всякаго изъятія содержать“.

Но „кондиціи“ по прежнему ни у кого не пользовались сочувствіемъ. Заявленіе Императрицы скорѣе поразило всѣхъ, чѣмъ обрадовало. Кто-то высказалъ даже громко свое удивленіе, почему вдругъ такъ понадобилось писать къ Императрицѣ. Протоколъ, однако, былъ всѣми подписанъ. Только кн. Черкасскій потребовалъ, чтобы ему и другимъ дозволено было подать мнѣніе о новомъ государственномъ устройствѣ. Разрѣшеніе было дано, въ результатѣ чего стали въ Совѣтъ подаваться заявленія, посягавшія главнымъ образомъ на его настоящій составъ.

На слѣдующій день послѣ полученія письма отъ Императрицы, 4-го Февраля, Верховный Тайный Совѣтъ издалъ манифестъ о кончинѣ Петра II и объ избраніи на Престолъ Анны Іоанновны.

Новая Императрица, въ это время, была въ пути. 10-го Февраля она уже не далеко отъ Москвы и, по пріѣздѣ во Всесвятское, объявляетъ себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ Кавалергардовъ.—Это было несомнѣннымъ нарушеніемъ „кондицій“, но Совѣтъ смолчалъ и 14-го благодарилъ Императрицу за дарованныя милости [77]).

За первымъ нарушеніемъ знаменитыхъ условій послѣдовало другое: когда Аннѣ Іоанновнѣ подносили

орденъ св. Андрея, она сказала, что, дѣйствительно, позабыла его надѣть...

25-го Февраля множество лицъ изъ Сената, генералитета и шляхетства представили Императрицѣ въ большой залѣ дворца ходатайство, чтобы она приказала разсмотрѣть различные проекты, представленные просителями. Просьба была подписана Государыней. Это было новымъ шагомъ противъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, члены котораго никакъ не могли ожидать столь быстраго натиска. И вдругъ въ то же время гвардейскіе офицеры, а за ними и другіе начинаютъ громко требовать возстановленія прежней правительственной формы... Анна Іоанновна, раздраженная шумомъ, думала унять ихъ, а они не успокаивались, предлагая сложить за нее свои головы и уничтожить ея враговъ.

Это должно было поразить Императрицу, потому что, обернувшись къ капитану гвардіи, она сказала: „Вижу, что я здѣсь не безопасна; повинуйтесь генералу Салтыкову, и только ему одному".

Новый ударъ верховникамъ, новое нарушеніе „кондицій"...

Далѣе событія пошли еще скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Дворянство, выйдя въ другую залу, постановило просить Императрицу о принятіи самодержавія, но для составленія новой просьбы было нужно время и потому была исходатайствована другая аудіенція послѣ обѣда. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта были приглашены къ столу Императрицы и поэтому не имѣли возможности сговориться. Неудача ихъ не покидала.

Во время послѣдующей подачи дворянствомъ прошенія выяснилось, что „пункты" были писаны не по желанію всего народа. Съ этого момента участь „затѣйки" Верховнаго Тайнаго Совѣта была рѣшена. Воспользуемся словами совѣтскаго протокола, чтобы изложить, что было дальше: „По полудни въ четвертомъ часу, говоритъ протоколъ, къ Ея Императорскому Величеству призыванъ статскій совѣтникъ Масловъ, и приказано ему пункты и письмо принесть къ Ея Величеству, которые въ тожъ время и отнесены, и Ея Величеству отъ господъ министровъ поднесены, и тѣ пункты Ея Величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, разорвать".

Ѳеофанъ Прокоповичъ описываетъ этотъ поступокъ Анны Іоанновны такъ [78]): „А понеже нынѣ извѣстно является, что лжею и лестію сдѣланъ Ей обманъ, того ради, оные договоры, яко сущею неправдою отъ себя исторженные, уничтожаемъ и рукописаніе свое никому впредь имѣть за важное приказуемъ. И то сказавъ, тотчасъ упомянутое письмо, до руки Ея поданное, разодрала и на землю бросила.

Воскликнуло все предстоящимъ множествомъ, зѣло Ея Величеству благодарствуя и кланяясь; были же при томъ нѣкоторые и отъ верховниковъ, и когда просители оныи, благодаря кланялись, тогда и сіи поклонились, кое дѣйствіе ихъ, понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣха матерію".

Вмѣсто присяги Государынѣ и отечеству, составленной Совѣтомъ, велѣно было сочинить другую о самодержавіи Императрицы.

Крушеніе „кондицій“ было предвѣстникомъ другой катастрофы, которая была тѣмъ болѣе близка, что Анна видѣла непопулярность и непрочность Совѣта. Просьба генералитета объ уничтоженіи его и о возстановленіи Сената въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, была исполнена.

Опасенія Волынскаго [79]), говорившаго, что власть могутъ захватить самовластныя и сильныя семьи русской знати и петровской аристократіи, не оправдались. Нѣсколькихъ самодержавцевъ не возвысилось. Скорѣе сами верховники попали въ непріятное положеніе.

Верховный Тайный Совѣтъ могъ мнить себя самодержавнымъ, но только мнить, — ибо, когда пришлось высказаться на дѣлѣ, получился результатъ совершенно неожиданный. Самодержавія Верховнаго Тайнаго Совѣта, оказывается, никто не признавалъ. Всесильнымъ его всѣ знали при самодержавныхъ Государяхъ, но новыя притязанія его вызываютъ общее возмущеніе. Выступивъ съ „кондиціями“, онъ потерпѣлъ пораженіе и 4-го Марта 1730 года пересталъ существовать.

Неудача „затѣйки“ оказалась гибельною для какихъ бы то ни было аристократическихъ плановъ русскаго дворянства, на мѣсто котораго въ царствованіе Анны Іоанновны становятся нѣмцы. Отстраняя русскихъ, они постепенно овладѣваютъ всѣми дѣлами государственнаго управленія. На нѣмцевъ Анна Іоанновна поспѣшила опереться. На знатное русское дворянство, едва не оставившее ее съ номинальной только властью, она не могла разсчитывать [80]).

На слѣдующій же день послѣ разорванія „кондиціи“ скакалъ за Бирономъ посланный въ Митаву.

Воцарившаяся затѣмъ нѣмецкая олигархія систематически искореняла родословныхъ русскихъ людей, мѣшавшихъ нѣмцамъ преслѣдовать свои эгоистическіе интересы. Знатные русскіе роды терпѣли всякія униженія какъ со стороны Императрицы, такъ, особенно, и со строны ея любимца, котораго власть и могущество скоро не имѣли границъ. Онъ велъ себя, какъ деспотъ.

Жестокая участь постигла Артемія Петровича Волынскаго, когда онъ, Кабинетъ-министръ, задумалъ было освободить страну отъ ига нѣмцевъ и особенно отъ режима того, „черезъ котораго Царица, по словамъ маркиза де-ла-Шетарди, только и видѣла, и слышала, и говорила [81]).

— „Я не могу безъ ужаса думать о положеніи народа въ правленіе Императрицы Анны или, лучше сказать, ея министра Бирона; этотъ жестокій человѣкъ, которому она довѣрялась, лишилъ жизни и сославъ болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ“ [82]), говорила Екатерина Вторая. И дѣйствительно, русское иноземное правительство употребляло всѣ усилія для униженія всего русскаго. Къ тому же, Биронъ и его спутники могли идти впередъ не останавливаясь, беззастѣнчиво, ибо на ихъ сторонѣ была сила. Недаромъ архіепископъ Бѣлорусскій говорилъ: „Всякъ вѣруяй въ Бирона и творяй волю его, спасенъ и преславленъ, а не вѣруяй въ него и противляйся ему осужденъ есть и погибшій“ [83])... Недаромъ въ то время были возможны подобнаго рода спокойные разговоры: „Боюсь, чтобъ

русскіе теперь не сдѣлали того же съ нѣмцами, что сдѣлали съ поляками во время Лжедимитрія, хотя поляки и не подавали такихъ сильныхъ причинъ къ ожесточенію“ (Потоцкій);—„Не безпокойтесь: тогда не было гвардіи,—а теперь у русскихъ нѣтъ вождя по смерти фельдмаршала Голицына“ (Маньянъ) [84]).

Кабинетъ.

„ . . . сочиненъ Кабинетъ въ равной силѣ, какъ былъ Верховный Совѣтъ, только имя перемѣнено . . .“.

Указъ 12 Декабря 1741 года.

V.

(4 Марта 1730 года—17 Октября 1740 года).

Время Анны Іоанновны.

Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь.
Великій у насъ мракъ былъ и ужасъ.
Солнце Анна возсіяла—
Свѣтлый намъ день даровала.
Богомъ вѣнчанна,
Августа Анна.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Блестящій Сенатъ. Удаленіе изъ него прежнихъ дѣятелей. Возстановленіе должности генералъ-прокурора и удаленіе затѣмъ Ягужинскаго. Возникновеніе Кабинета. Указы. Компетенція Сената. Кабинетъ и Сенатъ. Сенатъ времени Анны Іоанновны. Его паденіе. Сближеніе съ Кабинетомъ. Организація послѣдняго. Предѣлы вѣдомства Кабинета и Сената.

4-го Марта 1730 года [85]) и былъ данъ указъ о возстановленіи Сената въ его прежней силѣ съ назначеніемъ 21 сенатора. Еще недавно просто „Высокій“, а нынѣ вновь „Правительствующій“, онъ представлялъ необычайное зрѣлище.

Въ залахъ, гдѣ послѣ Петра Великаго присутствовало три или четыре скромныхъ сенатора, теперь сошлись ряды знаменитостей и государственныхъ людей. Среди нихъ и прежніе сенаторы, и бывшіе члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, предлагавшіе „кондиціи“ Государынѣ. — Кн. Василій Лукичъ Долгорукій и кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ засѣдаютъ въ Сенатѣ вмѣстѣ съ кн. Черкасскимъ; къ нимъ присоединяется фельдмаршалъ кн. Трубецкой и извѣстный генералъ-прокуроръ петровскаго царствованія Ягужинскій.

Словомъ, взглянувъ на многочисленное по составу и блестящее по именамъ собраніе, прочтя въ указѣ о желаніи новой Императрицы пойти по стопамъ своего дяди, „блаженныя памяти Петра Великаго“, можно было подумать, что Сенату выпадетъ на долю почетная и вполнѣ самостоятельная правительственная роль. Время показало, насколько такое предположеніе, благопріятное для развитія Сената, должно было сбыться.

Въ составъ Сената вошли: канцлеръ гр. Головкинъ, фельдмаршалы: Голицынъ, Долгорукій и Трубецкой; кн. Ив. Феод. Ромодановскій, кн. Вас. Лук. Долгорукій, кн. Дм. М. Голицынъ, бар. Остерманъ, кн. Алексѣй Мих. Черкасскій, ген. Ягужинскій, Григ. Петр. Чернышевъ, Ив. Ильичъ Мамонтовъ, кн. Григ. Димитр. Юсуповъ, Сем. Андр. Салтыковъ, Андр. Ив. Ушаковъ, кн. Юр. Юр. Трубецкой, кн. Ив. Феод. Барятинскій, Семенъ Ив. Сукинъ, Вас. Яковл. Новосильцевъ, кн. Григ. Алексѣевичъ Урусовъ, гр. Михаилъ Гавр. Головкинъ.

5-го Марта сенаторы присягали и немедленно имѣли разсужденіе; надлежитъ ли въ Сенатѣ быть генералъ-

прокурору и рекетмейстеру. Разсудили, что рекетмейстеру быть надлежитъ, но отъ „безпокойныхъ блюстителей и напоминателей закона“ себя освободили.— Вотъ актъ и мотивировка акта, которые заставляли думать, что Сенатъ Анны Іоанновны будетъ даже самостоятельнѣе петровскаго. Его величественный составъ дѣлалъ съ перваго взгляда возможнымъ предположеніе о существованіи у правительства Анны Іоанновны мысли создать обширный Государственный Совѣтъ, который бы правилъ страною. Кажется, однако, что знаменитости эпохи, нынѣ посрамленные „верховные господа“ и дѣятели воцаренія Императрицы Анны были введены въ Сенатъ лишь временно, за невозможностью поступить иначе.

Не подлежитъ сомнѣнію, что день разорванія „кондицій“ долженъ былъ поставить новое правительство во враждебныя отношенія къ бывшимъ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, которые, дѣйствительно, постепенно, одинъ за другимъ, удаляются изъ Сената, начиная съ тѣхъ, кого трогать безопаснѣе.—Въ Апрѣлѣ 1730 года кн. Вас. Лук. Долгорукій назначается изъ сенаторовъ Сибирскимъ губернаторомъ и черезъ нѣсколько дней затѣмъ высылается со своею семьею въ дальнія деревни. Кн. Вас. Влад. удаляется въ ссылку въ слѣдующемъ году. Долгорукіе были обвинены въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, и, между прочимъ, въ томъ, что помѣшали Петру Второму получить нужныя для управленія познанія; что разрушили его здоровье слишкомъ частыми охотами и, тѣмъ самымъ, были причиной преждевременной его смерти; что хотѣли его женить на княжнѣ своего дома и поддѣлали завѣщаніе Импе-

ратора въ пользу своей родственницы. Но, настоящимъ поводомъ былъ тотъ, о которомъ не говорили: они много содѣйствовали первоначальному ограниченію власти Императрицы и они потребовали отъ нея, чтобы Бирон остался въ Митавѣ.

Паденіе семьи Долгорукихъ повлекло за собою паденіе семьи Голицыныхъ. Ихъ удаляли отъ дѣлъ и отъ двора, давая губернаторскія должности. Въ 1737 году „имѣли наслажденіе добраться“ до кн. Дмитрія Михайловича. Кн. Михаилъ Михайловичъ избѣгъ участи другихъ, ибо скончался въ концѣ 1730 года [86]).

Такъ быстро исчезли изъ Сената четыре знаменитости времени; недолго оставался тамъ и еще одинъ изъ выдающихся людей петровской эпохи—П. И. Ягужинскій. Указомъ 2-го Октября 1730 года онъ назначается къ исправленію должности генералъ-прокурора.

„Господа Сенатъ“, при возстановленіи своемъ въ прежнемъ значеніи, хотѣли избавиться отъ безпокойныхъ блюстителей — прокуроровъ; первоначально они этого достигли, но вотъ 2-го Октября отмѣненная должность возстановляется. Конечно, возстановленіе могущественнаго чина Имперіи могло разсматриваться, какъ желаніе придать особое значеніе возрожденному Сенату, но, въ дѣйствительности, новое назначеніе, лишивъ Сенатъ одного изъ выдающихся его членовъ, не принесло съ собой того, что можно было ожидать.—„Не безызвѣстно намъ есть“, говоритъ возстановляющій указъ, „что въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ въ государственныхъ дѣлахъ слабое чинится управленіе, и челобитчики по дѣламъ своимъ справедливаго и скораго рѣшенія получить не могутъ, и бѣдные, отъ

сильныхъ утѣсняемые, обиды и разоренія претерпѣваютъ". —Поэтому указъ признаетъ, что Петръ Великій „не тунѣ чинъ генералъ-прокурора и ему помощника оберъ-прокурора при Сенатѣ, а въ коллегіяхъ и тогда бывшихъ надворныхъ судахъ прокуроровъ учинить изволилъ". „Какимъ же образомъ оный чинъ (генералъ-прокуроръ), по кончинѣ дяди нашего, отставленъ и кѣмъ отрѣшенъ, — о томъ намъ неизвѣстно".

Мысль въ указѣ высказана весьма ясно и твердо, но ни блеска, ни значенія новое назначеніе Сенату въ дѣйствительности не придало, ибо уже въ концѣ слѣдующаго года Ягужинскій удаляется въ почетную ссылку, будучи назначенъ посланникомъ въ Берлинъ. Генералъ-прокурорство остается незамѣщеннымъ до конца царствованія Анны Іоанновны, когда, 28 Апрѣля 1740 года, кн. Н. Юр. Трубецкой назначается на эту должность. Напрасно въ указѣ 2-го Октября доказывалось, что Петръ Великій „не тунѣ чинъ генералъ-прокурора учинилъ", — въ теченіе десятилѣтія хвалимое желаніе Петра остается безъ исполненія совершенно такъ же, какъ это дѣлается въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Цѣлый рядъ перемѣнъ постигъ, слѣдовательно, Сенатъ и въ немъ изъ людей эпохи остается только гр. Андрей Ив. Остерманъ, но уже 6-го Ноября 1731 г. и онъ, вмѣстѣ съ сенаторами гр. Головкинымъ и кн. Черкасскимъ, назначается членомъ вновь созданнаго Кабинета.

Такъ непроченъ въ своемъ составѣ оказался возстановленный Сенатъ, хотя во все время управленія

Кабинета онъ многочисленнѣе, чѣмъ въ предыдущую эпоху правленія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Это и понятно, — Кабинетъ трехъ, а нерѣдко двухъ министровъ не могъ брать на себя, особенно въ первые годы своего существованія, всѣхъ сложныхъ административныхъ и другихъ дѣлъ управленія, а потому и нуждался въ Сенатѣ. Но этотъ послѣдній во все время царствованія Анны Іоанновны не поднялся до той высоты, на какую его ставилъ указъ 4-го Марта.

Разбирая исторію возникновенія Верховнаго Тайнаго Совѣта (гл. II), мы указали на причины, предшествовавшія этому возникновенію. Указали и на роль, которую сыгралъ коллегіальный принципъ, столь Петромъ излюбленный, и приложеніе этого принципа на практикѣ, въ частности къ органамъ власти исполнительной,—въ дѣлѣ возникновенія Совѣтовъ при особѣ Государя. Тогда же обращали мы вниманіе на то, что административная практика постоянно стремилась поставить министровъ внѣ общаго состава Сената, а затѣмъ и дать имъ, въ интересахъ единства, ту или иную организацію. Выдѣленіе министровъ было явленіемъ, слѣдовательно, довольно естественнымъ. Въ противоположность этому болѣзненнымъ процессомъ надо признать то, что возникавшіе органы не всегда хотѣли терпѣть подлѣ себя самостоятельныхъ, закономѣрно-поставленныхъ и закономѣрно-дѣйствующихъ коллегіальныхъ учрежденій, какъ Сенатъ, и не отступали передъ ихъ угнетеніемъ [87]).

Послѣ уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта и такъ называемаго возстановленія Сената исчезаетъ ли прежде столь логичная потребность въ объединеніи

министровъ?—По всей вѣроятности нѣтъ.—Конечно, нельзя предполагать, чтобы на вопросъ объ учрежденіи Кабинета не вліяли тѣ личные счеты и временныя обстоятельства, какія имѣли мѣсто въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, но не надо также забывать, что помимо всѣхъ счетовъ и обстоятельствъ, какія могли оказывать извѣстную долю вліянія, какъ на образованіе Кабинета, такъ и на постановку всего дѣла, были причины органическія, которыхъ дѣйствіе переходило за предѣлы ближайшей послѣ Петра Великаго эпохи и простиралось на весь XVIII вѣкъ. Совокупность тѣхъ же условій, какія предшествовали созданію Верховнаго Тайнаго Совѣта, требовала, какъ и раньше, учрежденія совѣщательнаго собранія министровъ. Недавній опытъ съ такимъ собраніемъ, быстро вышедшимъ изъ своей первоначальной роли и даже попытавшимся предписывать свои „кондиціи“ верховной власти, въ свою очередь требовалъ, однако, большой осторожности въ созданіи и развитіи организаціи подобнаго учрежденія. И, дѣйствительно, въ то время какъ указы о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ стараются съ возможно большею полнотою очертить устройство и положеніе Совѣта, первые акты, касающіеся Кабинета, отличаются лаконичностью и сдержанностью. Можно предположить, что законодатель хотѣлъ, чтобы новое учрежденіе вошло въ жизнь незамѣтно, не возбуждая ничьего особеннаго вниманія [88]).

Разсматривая наиболѣе существенные указы, касающіеся Кабинета, мы попутно будемъ изображать и отношеніе его къ Сенату и постараемся далѣе дать

по возможности единую картину положенія этого послѣдняго въ эпоху новаго „Совѣта".

Кабинетъ оффиціально создается 6-го Ноября 1731 года [89]), но на самомъ дѣлѣ слухи о его существованіи возникаютъ задолго до этого времени, да и самъ онъ начинаетъ дѣйствовать за нѣсколько мѣсяцевъ до своего учрежденія. Такъ, 10-го Августа 1731 года соляная контора подчиняется вѣдомству „Нашего Кабинета", который, потомъ, 6-го Ноября, признается тождественнымъ съ новоучрежденнымъ. Это подтверждается и словами доклада, поданнаго Елисаветѣ Петровнѣ въ 1741 году, въ которомъ говорится, что „тайно содержался въ рукахъ гр. Остермана Кабинетъ" [90]) почти въ теченіе года.

Интересно отмѣтить то, что даже тогда, когда рѣшено было „тайно содержимый" Кабинетъ превратить въ учрежденіе съ опредѣленными точно составомъ и функціями,—что и приведено было въ исполненіе указомъ 18-го Октября того же года,—этотъ послѣдній указъ былъ объявленъ лишь самимъ Кабинетъ-министрамъ и Сенату. Только $2^1/_2$ недѣли спустя, въ третьемъ засѣданіи уже самого Кабинета, 6-го Ноября, между нѣсколькими проектами именныхъ указовъ, поднесенныхъ Государынѣ, былъ подписанъ указъ Сенату объ учрежденіи Кабинета, съ повелѣніемъ послать о томъ „въ пристойныя мѣста, куда надлежитъ"; иначе говоря, опять таки объявляютъ о событіи не всенародно, а лишь для свѣдѣнія „пристойнымъ" учрежденіямъ.

Итакъ, возникнувъ первоначально въ видѣ особаго и неоффиціальнаго секретаріата Императрицы (въ коемъ

должна была сильно нуждаться бывшая герцогиня Курляндская, неожиданно и при столь необычайныхъ условіяхъ вступившая на Всероссійскій Престолъ) и просуществовавъ такимъ образомъ нѣкоторое время подъ главенствомъ Остермана, Кабинетъ превратился затѣмъ въ постоянное учрежденіе, состоящее „при дворѣ Нашемъ".

Сравнимъ содержаніе объявленнаго „пристойнымъ мѣстамъ" указа 6-го Ноября съ указомъ о Кабинетѣ отъ 18-го Октября. Первый кратко говорилъ, что новое учрежденіе создается „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному Нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ и ради пользы государственной и вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ" и будетъ состоять изъ трехъ членовъ, выбранныхъ изъ „министровъ Нашихъ";—другими словами въ указѣ этомъ было лишь отмѣчено, изъ кого будетъ состоять Кабинетъ, и сказано въ довольно неопредѣленныхъ чертахъ о цѣли учрежденія Кабинета и его компетенціи. Не было упомянуто ни о положеніи министровъ въ новомъ учрежденіи, ни о роли ихъ по отношенію къ существующимъ учрежденіямъ вообще и по отношенію къ только что возстановленному, въ качествѣ верховнаго учрежденія, Правительствующему Сенату въ частности. Въ этомъ отношеніи указъ 6-го Ноября представляетъ собою почти полную противоположность актамъ, сопровождавшимъ появленіе въ свѣтъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Обстоятельный указъ 8-го Февраля 1726 года объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, и рядъ другихъ узаконеній, послѣдовавшихъ за этимъ

указомъ, въ достаточной мѣрѣ ясно и опредѣленно (сравнительно съ актами, касавшимися Кабинета) обрисовывали какъ роль Совѣта по отношенію къ другимъ учрежденіямъ эпохи, въ особенности—къ Сенату, такъ и положеніе его въ государствѣ. Оффиціальное же повелѣніе объ учрежденіи Кабинета было настолько кратко, что изъ него были даже выброшены слова указа 18-го Октября,—что вновь созданные кабинетъ-министры будутъ съ одной стороны докладчиками Императрицы „о всѣхъ дѣлахъ и о всемъ прочемъ, что и Нашимъ интересамъ и пользѣ государственной и подданныхъ Нашихъ касаться будетъ", а съ другой стороны будутъ объявлять, кому надлежитъ, ея резолюціи. Неопредѣленность облика, съ которымъ зарождалось новое учрежденіе, была удобна въ томъ отношеніи, что позволяла затѣмъ самой практикѣ жизни дорисовывать въ структурѣ учрежденія то, что не было обозначено самимъ законодателемъ или обозначалось лишь эскизно.

Одновременно съ указомъ 6-го Ноября 1731 года, было дано еще три именныхъ указа. Одинъ изъ нихъ требовалъ доставленія во вновь учрежденный Кабинетъ всѣхъ сенатскихъ и прочихъ инструкцій, воинскихъ и гражданскихъ регламентовъ, печатнаго Уложенія, гражданскихъ штатовъ, а также картъ Россійской Имперіи; другой повелѣвалъ передать Кабинету, въ точныхъ копіяхъ, всѣ именные указы и Высочайшія повелѣнія, состоявшіеся съ 1730 года по 1 Ноября 1731 года [91]) и, наконецъ, третій касался передачи въ Кабинетъ реестровъ всѣхъ производящихся въ Сенатѣ, Синодѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и приказахъ су-

дебныхъ дѣлъ и о представленіи впредь такихъ реестровъ ежемѣсячно [92]).

Если два первые указа имѣли въ виду поставить новое учрежденіе въ извѣстность относительно существующихъ узаконеній, то послѣдній сосредоточивалъ въ Кабинетѣ свѣдѣнія о движеніи судебныхъ дѣлъ, не опредѣляя ближе, что долженъ былъ дѣлать съ ними Кабинетъ. Этотъ указъ о челобитчиковыхъ дѣлахъ былъ подтвержденъ другимъ, опубликованнымъ 11 Ноября, въ коемъ Кабинетъ выставлялся высшимъ всероссійскимъ судебнымъ мѣстомъ, отыскивающимъ по рапортамъ происходящую въ судѣ неправду и волокиту „для всемилостивѣйшаго усмотрѣнія“ и резолюціи затѣмъ самой Государыни. Такимъ образомъ первоначально Кабинетъ облекался спеціальной миссіей, но когда 30-го Декабря повелѣно было въ него доставлять ежемѣсячно изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ рапорты и реестры о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ, тогда всѣ установленія, не исключая и Сената, были поставлены подъ общій контроль учрежденія, отнынѣ получавшаго возможность наблюдать за движеніемъ всѣхъ, а не только судебныхъ дѣлъ.

Все содержаніе законодательныхъ опредѣленій, касавшихся Кабинета въ первую половину царствованія Анны Іоанновны, исчерпывается немногочисленными указами [93]). Они, по сравненію съ законодательными постановленіями, касавшимися Верховнаго Тайнаго Совѣта, блѣдны, случайны и малосодержательны. Было ясно, впрочемъ, то, что Кабинетъ будетъ ближайшимъ оффиціальнымъ совѣтомъ Императрицы и получитъ возможность контролировать всѣ дѣйствія

учрежденій, хотя бы опредѣленно изданныя узаконенія его къ этому и не уполномачивали.

Въ первую половину царствованія Анны Іоанновны мы можемъ отмѣтить лишь довольно рѣдкое проявленіе указной дѣятельности Кабинета и, если въ этотъ періодъ, какъ и до созданія Кабинета, доминирующими законодательными и административными актами по прежнему являются именные указы, Высочайше утвержденные доклады Сената, а равно и указы самого Сената, то это служитъ указаніемъ на то, что въ данный періодъ своего существованія Кабинетъ не получилъ еще возможности выходить изъ той роли чисто совѣщательнаго учрежденія, о которой говорилъ указъ 6-го Ноября и особенно проектъ указа объ учрежденіи Кабинета 18-го Октября [94]).

Какъ видно, въ разсмотрѣнный періодъ компетенція Сената была какъ бы не затронута.

Сенатъ получилъ право непосредственныхъ сношеній съ верховною властью, прерванныхъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. — Теперь сенатскіе доклады поступаютъ прямо на имя Императрицы; несомнѣнно, что ихъ Кабинетъ просматриваетъ, но пока нѣтъ еще резолюцій Кабинетъ-министровъ на доклады Сената, а есть Высочайше утвержденные его доклады. О посредствующей роли Кабинета не упоминается. Однако, на ряду съ собственными весьма сложными и многочисленными дѣлами Сенату приходится постоянно то исполнять тѣ или иныя порученія Кабинета, то отправлять по его приказанію указы, то объяснять причины медленности своего дѣлопроизводства. Это естественно приводитъ къ тому, что министерскіе приказы держатъ

Сенатъ въ подчиненіи Кабинету, какъ учрежденію, непосредственно стоящему предъ верховною властью. Фактически, если не оффиціально, Кабинетъ и въ первый періодъ своего существованія стоитъ между этой властью и Сенатомъ, владѣя въ то же время всѣми средствами контроля надъ его дѣятельностью. Оставалось фактъ превратить въ дѣло, что и было совершено во вторую половину царствованія Анны Іоанновны.

9-го Іюня 1735 года [95]) былъ изданъ указъ, коимъ повелѣвалось „никакихъ Нашихъ словесныхъ Именныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя Нашей руки, или за руками всѣхъ трехъ Нашихъ Кабинетъ-министровъ будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить". Въ то же время въ Сенатъ должны были быть собраны обстоятельные рапорты обо всѣхъ словесныхъ именныхъ указахъ, объявленныхъ въ государствованіе Императрицы, и переданы въ Кабинетъ [96]).

Если раньше Кабинетъ фактически, какъ Совѣтъ при особѣ Государыни, постепенно дѣлался сосредоточіемъ верховнаго управленія, то теперь онъ выступалъ оффиціально, какъ единый органъ этого управленія. Указъ 9-го Іюня было повелѣно „объявить во всѣ мѣста", т. е. во всѣ коллегіи и канцеляріи, для исполненія, и, если признать, что учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта была проведена у насъ грань между управленіемъ верховнымъ и управленіемъ подчиненнымъ, и что все то, что относилось къ области непосредственной дѣятельности Императрицы, относилось, слѣдовательно, и къ вѣдѣнію Верховнаго Тайнаго

Совѣта, то въ указѣ 9-го Іюня, уравнивавшемъ указы Государыни съ указами трехъ Кабинетъ-министровъ, это начало выступило съ новой силой [97]).

Форма сношеній Кабинета съ Сенатомъ была довольно разнообразна. Согласно съ измѣнившимся положеніемъ Кабинета, преобладающими формами сношеній являются его указы по дѣламъ, которыя онъ возбуждаетъ самъ, посредственно или непосредственно, и его резолюціи на доклады Сената Государынѣ, или на сообщенія послѣдняго самому Кабинету. Какъ тѣ, такъ и другіе, подписывались наличными (тремя или двумя) кабинетными министрами.

Высочайше утвержденные доклады Сената, хотя и встрѣчаются, но уступаютъ количественно резолюціямъ Кабинета. Послѣдній въ большинствѣ случаевъ лишь утверждаетъ мнѣніе Сената, а когда не соглашается съ нимъ, или когда нѣтъ возможности въ самой резолюціи отмѣтить разницу между мнѣніемъ Сената и рѣшеніемъ Кабинета,—Кабинетъ отсылаетъ особое „разсужденіе“ по данному вопросу Сенату, который и передѣлываетъ свой докладъ согласно приказу министровъ.

Обращаясь къ указамъ Кабинета Сенату, надо отмѣтить, что они по большей части содержатъ въ себѣ разнаго рода порученія Сенату по разсмотрѣнію, а иногда и рѣшенію тѣхъ или иныхъ прошеній, доношеній и т. д., которыя поступали въ Кабинетъ, а также по представленію Кабинету мнѣній Сената, собранію справокъ и пр. Эти порученія, постоянно даваемыя Кабинетомъ Сенату, въ связи съ общими совѣщаніями членовъ обоихъ учрежденій, результатомъ

коихъ являются указы, подписанные Кабинетомъ и Сенатомъ вмѣстѣ, служатъ отличнымъ доказательствомъ того важнаго дѣлового значенія, какое въ это время, какъ и раньше, въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, признается за Сенатомъ, безъ дѣятельности и постоянной помощи котораго Кабинетъ не можетъ обойтись въ управленіи сложными и многочисленными дѣлами обширнаго государства. Кабинетъ могъ въ своей канцеляріи сосредоточить самыя разнообразныя дѣла, но у него нѣтъ времени, ни нужды, разсматривать все подробно самому и дѣлать всю подготовительную работу. Поэтому одни дѣла онъ отдаетъ на рѣшеніе Сената, на другія требуетъ его мнѣнія и т. д.; слагая съ себя тяжесть предварительной обработки вопросовъ, онъ оставляетъ за собою общее руководительство дѣлами и близость къ верховной власти даетъ ему возможность настаивать на исполненіи своихъ требованій. Такъ, когда Сенатъ медлитъ расплатою съ подрядчиками по постройкѣ Кронштадтскаго канала,— „приказано отъ господъ Кабинетъ-министровъ объявить господамъ сенаторамъ, чтобы они (подрядчиковъ) удовольствовали деньгами, а ежели подрядчики заплатою вскорѣ удовольствованы не будутъ и станутъ просить въ Кабинетѣ, тогда о семъ представлено будетъ Ея Императорскому Величеству“.

Итакъ, мы видимъ, что Сенатъ при Аннѣ Іоанновнѣ, за исключеніемъ первыхъ двухъ лѣтъ ея царствованія, не былъ, какъ при Петрѣ Первомъ, высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ сосредоточивались бы всѣ дѣла управленія: законодательныя, административныя и судебныя.

Значеніе Государственнаго Совѣта, какое Сенатъ имѣлъ при Петрѣ Первомъ, было отнято у него еще при Екатеринѣ Первой и Петрѣ Второмъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, мѣсто котораго занялъ при Аннѣ Іоанновнѣ Кабинетъ [98]). Что же оставалось Сенату?

Сама Императрица сначала прилагала много заботъ къ тому, чтобы дать ему организацію, при которой всѣ дѣла управленія могли бы идти скорѣе и лучше. Съ этой цѣлью Сенатъ былъ раздѣленъ на пять департаментовъ. Первый вѣдалъ дѣла духовныя, второй—Военной и Морской коллегіи; третій—Камеръ-Коллегіи, четвертый—челобитчиковы дѣла и Юстицъ-Коллегіи, пятый—купеческія, о государственныхъ заводахъ, фабрикахъ и бергверкахъ.

Далѣе со времени Анны Іоанновны начинаетъ замѣтнымъ образомъ выдѣляться значеніе Сената, какъ высшаго судебнаго института, и само раздѣленіе его на департаменты обусловливается, главнымъ образомъ, накопленіемъ въ немъ судебныхъ дѣлъ.

Указомъ 2-го Октября 1730 года возстановляется должность генералъ-прокурора. Самъ Сенатъ признаетъ себя блюстителемъ правосудія въ странѣ, ибо по его иниціативѣ возстановляется должность рекетмейстера. Въ качествѣ первой инстанціи Сенатъ разрѣшаетъ отдѣльные казусы.

Наравнѣ съ судебными занятіями мы видимъ, что по представленію Сената, Бергъ-Коллегія и Мануфактуръ-Коллегія соединяются съ Коммерцъ-Коллегіей въ виду того, что отъ раздѣленія ихъ „никакой пользы не было, кромѣ казеннаго убытка и въ дѣлахъ затрудненія“. По докладу Сената измѣняется законъ о

маіоратѣ; Сенатъ занимается составленіемъ новаго Уложенія;—регулированіемъ сбора подушной подати и т. д.

Какъ бы то ни было, однако, Сенатъ не удержалъ прежняго своего значенія [99]) съ учрежденіемъ Кабинета, который былъ образованъ „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, собственному Ея Величества всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ". Сенатъ наравнѣ съ Синодомъ и коллегіями, а также канцеляріями подаетъ въ Кабинетъ ежемѣсячныя вѣдомости „объ успѣхахъ въ теченіи дѣлъ".—Онъ занимаетъ такое положеніе, которое даетъ поводъ сказать Миниху, что Сенатъ „обратился при существованіи Кабинета въ ничто".—Онъ падаетъ и въ глазахъ своихъ членовъ. Старые сенаторы, недовольные нововведеніями, больше не пріѣзжаютъ; еле собираются два или три.

Въ 1736 году Сенатъ подвергается новому униженію: подъ предсѣдательствомъ самой Императрицы учреждается Высшій Судъ [100]), который признаетъ одно рѣшеніе Сената неправильнымъ.

Въ 1737 году коллегіи получаютъ право штрафовать губернаторовъ, не докладывая о томъ Сенату.

Въ 1737—1739 годахъ мы видимъ въ отношеніяхъ Кабинета къ Сенату весьма интересную новую черту, именно, начинается сближеніе Сената съ Кабинетомъ.—Впервые появляются „генеральныя собранія", которыя составлялись изъ членовъ Кабинета, Сената и особыхъ лицъ, назначаемыхъ Императрицею.

Въ то же время необычайно развивается дѣятельность самого Кабинета, и онъ получаетъ болѣе правильную организацію: онъ раздѣляется на три депар-

тамента (внутреннюю, иностранную и секретную экспедицію). А. П. Волынскій, пользовавшійся тогда большимъ вліяніемъ, думаетъ подчинить Кабинету и три первыя коллегіи, которыя остались независимыми еще при учрежденіи Кабинета, совершенно такъ же, какъ это было при образованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Знаменитый Кабинетъ-министръ предполагалъ, кромѣ того, ввести въ Кабинетъ членовъ Сената и тогда было бы усилено значеніе послѣдняго [101]). Проектъ не былъ выполненъ, но, несмотря на это, нѣкоторое возвышеніе значенія Сената тогда сказалось, особенно въ 1738 году.—Была учреждена должность оберъ-прокурора, обязаннаго наблюдать за дѣлопроизводствомъ и порядкомъ въ Сенатѣ и коллегіяхъ, и вторично возстановлена должность генералъ-прокурора, исчезнувшая съ образованіемъ Кабинета.

Относительно предѣловъ вѣдомства Кабинета и Сената въ царствованіе Анны Іоанновны должно сказать, что между обѣими областями самостоятельной работы трудно провести рѣзкую границу. Артемій Петровичъ Волынскій, введенный Биромъ въ Кабинетъ въ противовѣсъ вліянію Остермана и казненный въ 1740 году, прекрасно охарактеризовалъ кабинетскую дѣятельность слѣдующими словами: „Мы, министры, хотимъ всю вѣрность на себя принять, и будто мы одни дѣла дѣлаемъ и вѣрно служимъ. Напрасно намъ о себѣ такъ много думать: есть много вѣрныхъ рабовъ, а мы только что пишемъ и въ конфиденцію приводимъ, тѣмъ ревность и другихъ пресѣкаемъ, и натащили мы на себя много дѣлъ и ненадлежащихъ намъ, а что дѣлать—сами не знаемъ“... Если Кабинетъ-

министры не знаютъ какъ имъ поступать съ дѣлами, то подавно Сенатъ не вполнѣ освѣдомленъ объ ихъ работѣ. Если онъ самъ часто занимается неподлежащими дѣлами, то также часто вноситъ въ Кабинетъ то, что тотъ по своему положенію не долженъ бы рѣшать. Повторяются замѣшательства, какія имѣли мѣсто въ сношеніяхъ Сената съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ.

Хотя законодательство и принадлежитъ Кабинету, Сенатъ занимается составленіемъ новаго Уложенія. И тотъ и другой заботятся о лучшей организаціи служилаго сословія и т. д... Конечно, такое совпаденіе должно быть признано чисто случайнымъ явленіемъ, и Кабинетъ несомнѣнно является главою администраціи и надзора за всѣми государственными установленіями.

Вышло такъ, въ дѣйствительности, что подъ другимъ именемъ и въ пользу другихъ лицъ вновь былъ созданъ Верховный Тайный Совѣтъ со всѣми правами, захваченными предыдущимъ.

При всемъ своемъ значеніи Кабинетъ Анны Іоанновны не пользовался популярностью. Причина недовольства имъ заключалась въ господствѣ въ Кабинетѣ и во всемъ тогдашнемъ управленіи иноземцевъ, думавшихъ болѣе о достиженіи своихъ личныхъ цѣлей, нежели о благосостояніи народа.

Кабинетъ долженъ былъ естественно прекратить свое существованіе съ воцареніемъ Елисаветы Петровны (столь же естественнымъ),—но до этого онъ пережилъ еще одно царствованіе, правда недолгое, но въ теченіе котораго сила нѣмецкаго вліянія должна была достигнуть своего высшаго напряженія.

VI.

(17 Октября 1740 года — 8 Ноября 1740 года — 25 Ноября 1741 года).

Время Іоанна Антоновича.

Правленіе Бирона и Анны Леопольдовны.

— *Это Биронъ, спасайтесь...*

Общая неопредѣленность положенія. Стремленія Бирона. Положеніе Сената въ правленіе Анны Леопольдовны. Рекетмейстеръ. Волокита въ дѣлахъ. Прокуратура. Компетенція Сената.

Сенатъ при Кабинетѣ. Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ. Отношеніе къ Кабинету русскихъ современниковъ. Нѣмцы. Возвращеніе къ петровскимъ идеаламъ.

Анна Іоанновна скончалась на 47 году отъ рожденія, царствовавъ десять лѣтъ и восемь мѣсяцевъ. 16-го Октября 1740 года умирающая подписала манифестъ о передачѣ регентства Бирону, а 17-го ея уже не стало.

Началось царствованіе Іоанна Антоновича, въ теченіе котораго ничего важнаго въ области отношеній Сената и Кабинета не произошло, но за время котораго

значеніе Сената, такъ сильно упавшее въ предыдущее царствованіе, было еще болѣе принижено.

Какъ на нѣчто весьма характерное для даннаго времени можно указать на то, что Кабинетъ при Бирон'ѣ, имѣя въ своемъ составѣ лишь одну выдающуюся личность—Остермана и не опираясь болѣе на Монарха, въ близкихъ отношеніяхъ къ коему заключалась вся его сила, иногда чувствуетъ необходимость въ содѣйствіи наличныхъ высшихъ учрежденій и лицъ. Тогда онъ обращаетъ вниманіе на Сенатъ. Напримѣръ, манифестъ о кончинѣ Анны Іоанновны является изъ Кабинета не за одной лишь подписью министерства, но также и за руками генералитета, въ числѣ котораго были и сенаторы [102]); подобно этому приговоръ о титулованіи регента Эрнста Іоганна Бирона подписывается Сенатомъ, Синодомъ и генералитетомъ.

Что касается самого регента, то его поступки указывали на намѣреніе идти къ рѣшительному перевороту въ пользу своего семейства.

Чѣмъ, въ сущности, былъ тогда Кабинетъ, который могъ бы ему помѣшать?—Кабинетъ состоялъ изъ Остермана, Черкасскаго и Бестужева, которые давно уже всецѣло повиновались Бирону. Очевидно, не они противодѣйствовали его планамъ, хотя на Остермана регентъ не могъ вполнѣ полагаться. Но Остерманъ былъ въ меньшинствѣ и не противорѣчилъ, когда Бирон устраивалъ дѣла. Съ помощью министровъ были пересланы огромныя деньги въ Курляндію на покупку имѣній и постройку двухъ дворцовъ—Императорскихъ, какъ замѣчаетъ Минихъ,—и на пріобрѣтеніе друзей, не считая милліоновъ на драгоцѣнности для герцогини Курляндской [103]).

А сенаторы... Если фельдмаршалъ Трубецкой отправлялся въ Сенатъ, то только по своимъ личнымъ дѣламъ, говоритъ Минихъ. Другіе не бывали вовсе и это вполнѣ соотвѣтствовало планамъ Остермана и Черкасскаго, которые предпочитали, чтобы въ Сенатѣ были одни незначительные, но имъ преданные люди.

Таковы были высшія правительственныя учрежденія... Бирону не съ кѣмъ было стѣсняться. Онъ ссорился съ родителями Императора. Однажды принцъ Антонъ получилъ выговоръ, былъ арестованъ, лишенъ званій, титуловъ... У отца и матери малолѣтняго Іоанна Антоновича не хватало мужества противодѣйствовать Его Высочеству, Регенту Россійской Имперіи, владѣющему свѣтлѣйшему герцогу Курляндскому, Лифляндскому и Семигальскому.—Но они доведены до крайности и Анна Леопольдовна обращается къ фельдмаршалу Миниху съ просьбой о защитѣ. Тотъ рѣшается на переворотъ.

Въ ночь съ 8-го на 9-ое Ноября 1740 года Бирономъ былъ арестованъ.

Послѣ переворота разсчитывалъ выдвинуться Минихъ. Кабинетъ сдѣлался орудіемъ въ рукахъ фельдмаршала, который перенесъ туда центръ администраціи и занялъ новую должность перваго министра въ „Е. И. В. консиліяхъ". Вліяніе Миниха продолжалось, однако, недолго. Стараніями Остермана Кабинетъ былъ раздѣленъ на департаменты (28 Января 1741 г.), чѣмъ умалялась власть фельдмаршала, и вскорѣ послѣдній былъ довольно грубо устраненъ отъ дѣлъ, причемъ Остерманъ занялъ его мѣсто.

Сенатъ въ правленіе Анны Леопольдовны былъ

вполнѣ подчиненъ Кабинету, получалъ отъ него указы и отдавалъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Правда, Сенатъ принималъ нѣкоторое участіе въ законодательствѣ, но его роль при этомъ была второстепенна: онъ только представлялъ Кабинету о необходимости разъясненія или дополненія извѣстной статьи закона и обнародовалъ уже состоявшіяся въ Кабинетѣ указы [104]).

Судебная и контролирующая власть Сената пала вмѣстѣ съ общимъ его значеніемъ. 12 Ноября 1740 года учреждается должность особаго рекетмейстера [105]), но уже не при Сенатѣ, а при Высочайшемъ Дворѣ, и этому рекетмейстеру поручается принимать жалобы на всѣ коллегіи, канцеляріи и на самый Сенатъ, которому высказано много горькихъ истинъ въ указѣ отъ 27 Ноября [106]). Послѣднимъ указомъ Правительница желала бороться противъ волокиты въ рѣшеніи дѣлъ, которая, кажется, была хроническимъ недостаткомъ Сената. Неприглядную картину рисовалъ указъ: „и тѣ бѣдные челобитчики, таскаясь за тѣми своими дѣлами, приходятъ въ крайнее разореніе и нищету, и напослѣдокъ, не получа никакого рѣшенія, принуждены нѣкоторые и вовсе отъ дѣлъ своихъ отставать, что намъ слышать не инако, какъ зѣло прискорбно“.

Сенатъ обвинялся въ завѣдомой волокитѣ [107]), въ особенности по дѣламъ бѣдныхъ и неимущихъ просителей, которые въ концѣ концовъ должны отказываться отъ своихъ наиболѣе справедливыхъ притязаній. Поэтому отнынѣ на Сенатъ разрѣшено жаловаться черезъ новаго рекетмейстера, съ подачею просьбы на имя Императора,—„и тѣ коллегіи, и канцеляріи, и самый Сенатъ, которые тѣхъ челобитчиковъ въ указ-

ные сроки не удовольствовали, имѣютъ быть за нерадѣніе и волокиту штрафованы". Накопленіе въ Сенатѣ нерѣшенныхъ дѣлъ было столь велико, что для разбора ихъ и вершенія именнымъ указомъ учреждалась особая коммиссія изъ четырехъ сенаторовъ, которой поручалось немедленно разсмотрѣть [108]) всѣ неоконченныя дѣла. Наряду съ этимъ Сенату предписывалось представлять въ Кабинетъ еженедѣльные рапорты о рѣшенныхъ въ немъ дѣлахъ и о дѣлахъ въ подчиненныхъ ему коллегіяхъ.

Возродившаяся при Аннѣ Іоанновнѣ прокуратура въ правленіе Анны Леопольдовны вторично фактически подверглась упраздненію. По почину генералъ-прокурора кн. Трубецкого, вначалѣ была совершена попытка упорядочить это орудіе систематическаго надзора, въ предшествовавшее царствованіе страдавшее многими недочетами. Трубецкой, какъ креатура Кабинета [109]), дѣйствовалъ съ согласія и вѣдома Кабинетъ-министровъ и потому его представленіе было утверждено вскорѣ. Но также скоро послѣдовалъ и другой указъ о томъ, чтобы по предыдущему „исполненія не чинить". Новымъ прокурорамъ было разрѣшено опредѣляться на прежнія мѣста, чѣмъ они и воспользовались [110]). Сенатъ, разсмотрѣвъ вопросъ, нашелъ возможнымъ удовольствоваться надзоромъ мѣстныхъ президентовъ и губернаторовъ.

Это, впрочемъ, не помѣшало сохраненію генералъ- и оберъ-прокурорской должностей [111]).

Незначительными правами обладалъ Сенатъ и въ области внутренняго управленія. Въ военныхъ дѣлахъ онъ былъ лишь исполнителемъ по состоявшимся въ Кабинетѣ повелѣніямъ. Та же подчиненная роль выпадала

ему и въ дѣлахъ финансовыхъ, торгово-промышленныхъ, народномъ просвѣщеніи, народномъ продовольствованіи, въ охраненіи народнаго здравія, въ улучшеніи путей сообщенія и охраненіи общественной безопасности.

Сенатъ принималъ нѣкоторое участіе и въ церковныхъ дѣлахъ, но лишь насколько они соприкасались съ общественными интересами. Такъ же и въ дѣлахъ внѣшней политики онъ имѣлъ голосъ, если эти дѣла имѣли прямую связь съ внутренними дѣлами.

Герольдмейстерская контора по прежнему вѣдала служилое сословіе.

Резюмируя все сказанное о Сенатѣ въ правленіе Кабинета и о взаимоотношеніяхъ обоихъ этихъ учрежденій, мы приходимъ къ тому выводу, что, если Сенатъ послѣ созданія Кабинета министровъ и былъ отодвинутъ на второй планъ, то все же неудачный, съ извѣстной точки зрѣнія, опытъ созданія сильнаго учрежденія, подобнаго Верховному Тайному Совѣту, заставлялъ не спѣшить съ реформою [112]). Это должно было благотворно отозваться на Сенатѣ.

Во второй періодъ существованія Кабинета, послѣ указа 9-го Іюня 1735 года, Сенатъ остается ближайшимъ помощникомъ Кабинета и въ то же время учрежденіемъ, которое важно само по себѣ. Кабинетъ, хотя и „натащилъ на себя много дѣлъ и ненадлежащихъ“,— не могъ обойтись безъ Сената.

Подобно Верховному Тайному Совѣту, онъ унизилъ Сенатъ, но произвелъ въ немъ въ свое правленіе гораздо меньше опустошеній, чѣмъ ихъ произвели верховники.

Изъ испытаній той и другой эпохи Сенатъ выходитъ обезображеннымъ, отчасти обезсиленнымъ, но все же жизнеспособнымъ. При первыхъ преемникахъ Преобразователя онъ переживаетъ года замиранія, но не „смерти невозвратной".

Верховный Тайный Совѣтъ своею нѣсколько разрушительной работой только доказалъ необходимость Сената въ общемъ строѣ государственныхъ учрежденій, хотя и не исправилъ существенныхъ недостатковъ его, обнаружившихся къ концу петровскаго царствованія. Подобно этому и Кабинетъ подтвердилъ значеніе Сената, не умаливъ его первенства въ дѣлѣ полезной и необходимой работы. Съ этой точки зрѣнія скорѣе Кабинетъ зависѣлъ отъ Сената, чѣмъ наоборотъ. Съ совершеннымъ уничтоженіемъ Сената Кабинетъ, не смотря на свою силу, оказался бы безпомощнымъ. Ему пришлось бы, можетъ быть, учрежденіемъ новой организаціи пополнить внезапно открывшійся пробѣлъ. Съ уничтоженіемъ же Кабинета Сенатъ тотчасъ освоился бы съ новымъ положеніемъ и возмѣстилъ бы потерю,—съ тѣми достоинствами и недостатками, которые мы видимъ у него въ слѣдующее, елисаветинское царствованіе.

„Было бы въ высшей степени любопытно, говоритъ проф. Филипповъ [113]), изучить двадцатилѣтній періодъ правленія Правительствующаго Сената, въ качествѣ верховнаго учрежденія, въ царствованіе Елисаветы Петровны".—Мы къ разсмотрѣнію этого періода Исторіи Сената и приступимъ въ слѣдующей главѣ, въ надеждѣ показать наглядно, что возстановленіе Сената, въ связи съ исторіей учрежденія въ предше-

ствовавшія царствованія, подготовлялось само собою, что всѣ временныя учрежденія, становившіяся надъ нимъ, несмотря на всю ихъ необходимость съ извѣстной точки зрѣнія, не могли уничтожить потребности въ столь закономѣрно-поставленномъ и, въ общемъ, столь закономѣрно-дѣйствовавшемъ учрежденіи, какимъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, является у насъ Сенатъ.

Какъ отнеслись къ Кабинету современники видно изъ доклада, представленнаго Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ собраніемъ министровъ и генералитета. Объ этомъ докладѣ коротко упомянемъ потомъ, пока же скажемъ, что онъ осудилъ Кабинетъ [114]) и въ сущности пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ и должна была привести сама исторія многострадальнаго петровскаго учрежденія [115]).

Мы уже говорили, что появленіе Кабинета Анны Іоанновны совпало съ водвореніемъ у насъ господства нѣмцевъ и иностранцевъ вообще, и приводили отзывы современниковъ и ихъ мнѣнія о положеніи русскихъ людей подъ рукою русскаго иноземнаго правительства. Въ царствованіе Іоанна Антоновича нѣмецкое вліяніе усилилось еще болѣе. Въ этомъ отношеніи можно указать на то, что Сенатъ и Кабинетъ вполнѣ согласно признали „весьма полезнѣйшимъ дѣломъ“ подготовку въ Коммерцъ-Коллегіи четырехъ кадетъ для занятія имѣющихъ освобождаться должностей. Предложеніе это, исходившее отъ президента коллегіи фонъ-Менгдена и, въ сущности, разумное, опредѣляло двухъ кадетъ выбрать русскихъ, а двухъ другихъ иноземцевъ.—Ни Сенатъ, ни Кабинетъ не обратили вни-

манія на послѣднее обстоятельство. А какъ оно разнится отъ сходнаго ему стремленія петровскаго времени призывать на службу Россіи опытныхъ иностранцевъ... Во времена твердой государственной власти, во времена Петра Великаго, фонъ-Менгдену не пришла бы мысль въ русскихъ учрежденіяхъ подготовлять иностранцевъ, которые бы потомъ несомнѣнно отстраняли русскихъ же [116]).

Если положеніе Сената въ разсмотрѣнное время должно было привести къ его возстановленію въ прежней силѣ Сената петровскаго, то и само возстановленіе это должно было естественно произойти, какъ дѣло рукъ лица, близкаго къ Преобразователю. Дѣйствительно, кому легче всего отмѣнить нововведенія и политику устройства внутренняго управленія и, въ то же время, свергнуть управляющій классъ, какъ не лицу, за которымъ стоятъ традиціи стараго времени. Изъ этихъ же лицъ, кто опредѣленнѣе выражаетъ идею, надъ кѣмъ ярче горитъ ореолъ прежняго,—какъ не надъ Елисаветой Петровной?

Не суждено было противникамъ завѣтовъ Петра пустить глубокіе корни на русской почвѣ.

Ненормальность положенія скоро сознается всѣми, общество начинаетъ волноваться.

Тяжелъ былъ Бирономъ фаворитъ, но хуже стало видѣть его самостоятельнымъ правителемъ. Когда онъ былъ свергнутъ, правленіе, перешедшее въ руки Анны Леопольдовны и ея супруга, не перестало быть по прежнему нѣмецкимъ. Бирона въ дѣлахъ управленія смѣнилъ Минихъ, затѣмъ Остерманъ... Въ чьи же руки попала власть Великаго Государя?...

Гвардейцы не любили принца Антона; офицера кричали: „когда низверженъ былъ Бирономъ, мы думали— нѣмецкому господству приходитъ конецъ, а оно и до сихъ поръ продолжается, хотя съ другими особами".

Составлялись и расходились соблазнительные анекдоты о правительницѣ, насчетъ ея дружбы съ саксонскимъ посланникомъ Линаромъ; разсказывались также анекдоты о высокомѣрномъ обращеніи нѣмцевъ-начальниковъ съ подчиненными-русскими, сожалѣли объ униженіи Россіи, вспоминали съ сочувствіемъ времена Петра Великаго и обращались сердцемъ къ дочери его, лаская свое воображеніе надеждою, что съ ея воцареніемъ настанутъ иныя, лучшія времена.

И войско, и народъ, забывали на время тягости Петрова царствованія и любили дочь суроваго, но умнаго Царя; а Елисавета вела себя такъ, чтобы заставить любить себя и надѣяться отъ нея всякаго добра [117]).

Въ такой обстановкѣ начала приходить къ концу враждебная русскому прошлому сила, обозначилось близкое возвращеніе къ идеаламъ, завѣщаннымъ Великимъ Преобразователемъ.

Когда заговоръ въ пользу Елисаветы, въ своей незначительной подготовкѣ, былъ оконченъ, — она почему то продолжала медлить и неизвѣстно, чѣмъ бы все кончилось, если бы два событія не заставили Елисавету поторопиться. Во-первыхъ, Анна Леопольдовна готовилась 9-го Декабря [118]) принять титулъ Императрицы съ властью Самодержицы, во-вторыхъ, три баталіона гвардіи отправлялись противъ Левенгаупта для соединенія съ арміей подъ Выборгомъ и въ составѣ

ихъ должны были уйти нѣкоторые изъ заговорщиковъ, которые потому считали нужнымъ спѣшить.

Левенгауптъ объявлялъ [119]), что воюетъ не съ народомъ, а съ толпою чужеземцевъ, завладѣвшихъ верховною властью.

Онъ извѣщалъ, что идетъ освободить Россію отъ иноземнаго ига и дать ей Государыню болѣе способную управлять Монархіей, болѣе народную.

Такой, болѣе народною Государыней, должна была стать Елисавета Петровна.

Новый переворотъ произошелъ ночью съ 24 на 25 Ноября 1741 года.

Семнадцать лѣтъ протекло съ кончины Петра Великаго и теперь, прерванная царствованіемъ Анны Іоанновны, отрасль его возвращалась на Россійскій Престолъ.

Возстановленіе Сената.

„Сенату всегда надлежитъ объ отечествѣ своемъ ревностное попеченіе имѣть и о такихъ дѣлахъ, въ чемъ государственная нужда есть, съ вѣрнымъ радѣніемъ поступать, дабы никакого упущенія и вреда не произошло“.

VII.

(25 Ноября 1741 года—25 Декабря 1761 года).

Время Елисаветы Петровны.

„Петръ Великій погруженную въ глубину невѣжества Россію къ познанію истиннаго благополучія приводилъ, и по тому же пути желаетъ слѣдовать дщерь его, Императрица Елисавета Петровна“.

Указъ 1775 года.

Возвращеніе прежнихъ правъ Сенату. Указъ 12 Декабря 1741 года. Подтвержденіе прежнихъ Указовъ въ руководство Сенату. Власть Сената. Заботы объ Уложеніи. Чрезвычайное развитіе дѣятельности Сената. Администрація. Внутреннее управленіе. Финансы. Перепись. Соляное дѣло; промышленность; винокуреніе; мѣры противъ голода и т. д. Военное дѣло. Полиція. Крестьянскіе бунты. Тайная Канцелярія. Гуманитарная дѣятельность Сената. Судъ. Народное образованіе. Сенатъ и генералъ-прокуроръ. Елисаветинскій Сенатъ—Сенатъ по мысли Петра I. Волокита въ коллегіяхъ. Проектъ Кабинета. Конференція. Елисаветинскій Сенатъ.

Елисавета Петровна явилась рѣзкой выразительницей идей Петра. Она сразу же осудила учрежденія, несогласныя съ государственнымъ порядкомъ, установленнымъ ея отцемъ. Немало потерпѣвъ отъ господ-

ства въ Россіи нѣмцевъ, она спѣшитъ возстановить петровскій Сенатъ, униженный въ предыдущую эпоху ихъ хозяйничанія.

Попутно она слѣдуетъ и петровскому правилу предпочитанія русскихъ при замѣщеніи должностей и, такимъ образомъ, воцареніе ея послужило сигналомъ къ удаленію изъ русскаго управленія Остермана, Миниха и другихъ, столь сильныхъ при Кабинетѣ.

Императрица Анна Іоанновна, желавшая первоначально возстановить Сенатъ въ его прежней силѣ, черезъ годъ по воцареніи своемъ отъ этого намѣренія отказалась и учредила Кабинетъ, который нарушалъ петровскую систему. Болѣе послѣдовательной была Елисавета Петровна, святой обязанностью которой было блюсти завѣты Преобразователя, ея отца.

Возвращеніе Сената къ прежней силѣ и возвышеніе его произошли при слѣдующихъ условіяхъ.— Черезъ недѣлю послѣ своего восшествія на Престолъ Императрица повелѣла особому собранію „имѣть разсужденіе какъ о Сенатѣ, такъ и о Кабинетѣ, и какому впредь правительству быть“. Собраніе это высказалось за Сенатъ въ его прежнемъ видѣ, а такъ какъ и собственное мнѣніе Императрицы было за то, „чтобы правительство возобновить на томъ фундаментѣ, какъ оно было при жизни блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя-родителя“,—то соотвѣтственная часть доклада коммиссіи была утверждена немедленно. 12 Декабря 1741 года[120]) Сенатъ получилъ обратно свои старыя права.

Въ явившемся въ этотъ день именномъ указѣ излагалось, что Императрица усмотрѣла нарушеніе по-

рядка государственнаго правленія, какъ оно было при отцѣ ея. Именно: „проискомъ нѣкоторыхъ“ вновь изобрѣтенъ Верховный Тайный Совѣтъ; потомъ сочиненъ Кабинетъ въ равной силѣ, какъ былъ Верховный Совѣтъ, только имя перемѣнено, отчего произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло. Для отвращенія прежнихъ непорядковъ Императрица повелѣвала, чтобы Правительствующій Сенатъ имѣлъ прежнюю силу и власть, какъ было при Петрѣ Великомъ; повелѣвала всѣ указы и регламенты Петра Великаго „наикрѣпчайше содержать и по нимъ неотмѣнно поступать, не отрѣшая и послѣдующихъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые съ состояніемъ настоящаго времени не сходны и пользѣ государственной противны“.

Указы, которыми Сенатъ долженъ былъ руководиться въ послѣдующемъ отправленіи дѣлъ, были ему перечислены. Это указы 12 Января, 5-го Февраля, 4, 6, 11, 27 Апрѣля, 18 Мая, 6 Іюня 1722 года; 5 и 6 Ноября 1723 года; 20, 22, 31 Января 1724 года. Ими устанавливались должности генералъ-прокурора, оберъ- и просто прокуроровъ, рекетмейстера при Сенатѣ и коллегіяхъ; опредѣлялся порядокъ засѣданій Сената и обязанности рекетмейстера; указъ 27 Апрѣля касался должности Сената, генералъ-прокурора и прокуроровъ въ коллегіяхъ; указъ 20 Января 1724 года предписывалъ учрежденіе при Сенатѣ Конторы розыскныхъ дѣлъ и т. д.

Сенаторами были назначены: кн. Ив. Трубецкой, великій канцлеръ кн. А. Черкасскій, оберъ-гофмейстеръ гр. Сем. Салтыковъ, генералы: Григ. Чернышевъ и Уша-

ковъ, адмиралъ гр. Головинъ, оберъ-шталмейстеръ кн. Куракинъ, дѣйств. т. сов.: Ал. Бестужевъ-Рюминъ и Александръ Нарышкинъ; генералъ-лейт.: князья Михаилъ Голицынъ и Григорій Урусовъ; Ив. Бехметевъ, т. с. Новосильцевъ, д. с. с. кн. Алексѣй Голицынъ.

Генералъ-прокуроръ кн. Никита Трубецкой и оберъ-прокуроръ Брылкинъ были утверждены въ своихъ должностяхъ. Въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ, какъ въ резиденціяхъ, такъ и въ губерніяхъ, были учреждены прокуроры съ прежней „должностью".

Число сенаторовъ было четырнадцать. Пять, пожалованныхъ въ правленіе принцессы Анны, были исключены.

Уже съ первыхъ шаговъ своихъ Сенатъ получилъ какъ бы власть законодательную [121]): по манифесту одной изъ его обязанностей было пересмотрѣть всѣ до того бывшіе указы и отмѣнить изъ нихъ тѣ, которые противны государственной пользѣ. Слѣдовательно, это было даже больше, чѣмъ простое возстановленіе. Обновленный Сенатъ, на самомъ дѣлѣ, не только усвоилъ себѣ прежнее положеніе перваго времени своего существованія, когда „полная мочь" ему была отдана, но скоро значительно расширилъ свои права. Онъ подчинилъ своему вліянію всѣ дѣла въ государствѣ и самостоятельною отъ Сената оставалась лишь область иностранныхъ дѣлъ, которая была въ вѣдѣніи особыхъ лицъ во главѣ съ государственнымъ канцлеромъ. Возвышеніе въ это время Сената, составленнаго изъ представителей русскихъ знатныхъ фамилій, говоритъ проф. Щегловъ, было естественной реакціей противъ устраненнаго Елисаветой господства въ

управленіи нѣмцевъ и ихъ органа—Кабинета. Другою причиною особенно увеличившейся власти Сената было то обстоятельство, что въ Сенатѣ находились лица, въ средѣ которыхъ были еще живы преданія верховниковъ, а также и то, что всѣ приближенные къ Елисаветѣ Петровнѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ и сенаторами и естественно стремились всѣмъ управлять подъ фирмою Сената. Въ связи съ этимъ и само правленіе Елисаветы Петровны является управленіемъ важнѣйшихъ сановниковъ, сгруппировавшихся въ Сенатъ.

Каковъ же былъ объемъ дѣятельности Сената.—Ему, въ сферѣ изданія законовъ, принадлежало право объявлять Высочайшія повелѣнія при посредствѣ генералъ-прокурора и президентовъ трехъ первыхъ коллегій.

Сенатъ занимается составленіемъ новаго Уложенія,—вопросъ къ которому правительство Елисаветы относилось не съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ предыдущія, потому что разрѣшеніе его являлось крайней необходимостью, обусловленною потребностью самой жизни. Ни одно правительство XVIII в. не могло его игнорировать, но, вынуждаемое обстоятельствами, употребляло всѣ зависящія отъ него средства, чтобы выйти изъ лабиринта безчисленнаго количества законодательныхъ актовъ и замѣнить ихъ однимъ сборникомъ, долженствовавшимъ регулировать юридическую жизнь государства.

Правительство Елисаветы Петровны не составляло въ этомъ отношеніи исключенія и, менѣе чѣмъ черезъ три недѣли послѣ государственнаго переворота 25 Ноября 1741 года, былъ изданъ именной указъ (12 Декабря),

предписывавшій учрежденіе коммиссіи изъ нѣсколькихъ сенаторовъ для пересмотра указовъ и составленія реестра тѣмъ изъ нихъ, которые должны были быть „отставлены".

Результаты этой коммиссіи были, однако, весьма печальные. Въ своей рѣчи, произнесенной въ Сенатѣ въ присутствіи Императрицы 11 Марта 1754 года, гр. Петръ Ивановичъ Шуваловъ признавалъ полную безпомощность сенаторовъ [122]), „ибо никто изъ насъ не посмѣетъ сказать, чтобы онъ всякаго департамента дѣла зналъ въ такой же тонкости, какъ знаютъ ихъ служащіе въ тѣхъ мѣстахъ". Шуваловъ считалъ, что „каждое мѣсто должно разбирать указы, относящіеся къ подвѣдомственнымъ ему дѣламъ". А сенаторы, за 12 лѣтъ работы, своей задачи исполнить „не способились", между тѣмъ какъ сочиненію законовъ ясныхъ и понятныхъ нужно было, наконецъ, положить начало. Таково было желаніе Императрицы. Она его тутъ же и высказала, а Сенатъ 28-го Іюля учредилъ новую коммиссію.

Но кромѣ заботъ объ Уложеніи было еще множество другихъ. Сенатъ занимается реорганизаціей различныхъ учрежденій и должностей, которыя были подчинены ему, какъ „первому Государственному мѣсту". Въ зависимости отъ Сената находились даже первыя три коллегіи, члены которыхъ были сенаторами, и Синодъ, который нерѣдко получалъ отъ Сената выговоры. Сенату же всѣ коллегіи, ихъ конторы и канцеляріи должны были подавать срочныя вѣдомости о рѣшенныхъ въ нихъ дѣлахъ.

Сенатъ совершаетъ различныя измѣненія въ духѣ

Петра Великаго въ организаціи центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Онъ возстановляетъ упраздненныя при Аннѣ Іоанновнѣ Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегіи.

Возобновленъ былъ Сенатомъ и петровскій магистратъ.

Въ виду увеличенія кредита во всемъ государствѣ, учреждаются въ 1754 году государственный и дворянскій банки, уставы которыхъ вырабатываются въ Сенатѣ[123]), и организуются коммерческій и артиллерійскій банки.—Сенатъ[124]) упраздняетъ коммиссію о пошлинахъ и вмѣсто нея учреждаетъ коммиссію о коммерціи, которая потомъ была присоединена къ Коммерцъ-Коллегіи.—Сенатъ уничтожаетъ счетныя конторы при Военной Коллегіи и коммиссаріатѣ и приказываетъ счеты всѣхъ вѣдомствъ отсылать въ Ревизіонъ-Коллегію.—При Сенатѣ и коллегіяхъ были образованы школы, гдѣ юнкера изъ дворянъ получали юридическое образованіе.—Сенатъ, по иниціативѣ П. Шувалова, приступаетъ къ регулированію правъ землевладѣнія посредствомъ генеральнаго межеванія. Онъ имѣетъ право увеличивать и уменьшать налоги.—Ему были переданы малороссійскія дѣла.—Въ области администраціи онъ самостоятельно производитъ нѣкоторыя реформы.

Онъ запрещаетъ губернаторамъ и воеводамъ отрѣшать секретарей въ присутственныхъ мѣстахъ безъ сенатскаго разрѣшенія. — Впослѣдствіи Сенатъ присваиваетъ себѣ право опредѣлять воеводъ собственною властью.

Особенно обширна была дѣятельность Сената въ области внутренняго управленія.

Сенатъ много сдѣлалъ для улучшенія государ-

ственныхъ финансовъ,—сторона весьма запущенная ко времени Елисаветы Петровны,—и при этомъ старался не прибѣгать къ отягощенію населенія чрезмѣрными налогами.

Общею чертою времени первыхъ преемниковъ Петра Великаго, т. е. первой половины XVIII вѣка, было въ области финансовъ то, что правительство не имѣло, повидимому, никакихъ положительныхъ свѣдѣній ни о количествѣ доходовъ, ни о томъ, куда и на какіе предметы они расходуются. Цѣлый рядъ независимыхъ другъ отъ друга вѣдомствъ занимались каждое взиманіемъ того или другого налога, спеціально назначеннаго на удовлетвореніе расходовъ даннаго вѣдомства.—Въ одномъ вѣдомствѣ были излишки, въ другомъ значительные недостатки; несмотря на неоднократныя предписанія и указы, правительственныя мѣста не присылали въ Сенатъ никакихъ вѣдомостей о состояніи своихъ бюджетовъ. Впослѣдствіи нуженъ былъ особый указъ Петра III, чтобы получить хотя бы краткій экстрактъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ.

Очевидно, что елисаветинскій Сенатъ стоялъ передъ картиной полнѣйшей дезорганизаціи финансоваго дѣла.—Больше того, государству грозило банкротство... Кабинетъ зарекомендовалъ себя безсильнымъ по отношенію къ этой надвигавшейся бѣдѣ. Онъ даже не разсмотрѣлъ присланныхъ ему проектовъ. Что же дѣлаетъ обновленный Сенатъ?

Онъ также приглашаетъ всѣхъ лицъ, знающихъ финансовую часть, представить проекты о способахъ избѣгнуть раззоренія,—но теперь эти проекты получаютъ движеніе.

Еще въ царствованіе Анны Іоанновны французскій резидентъ при русскомъ дворѣ [125]) писалъ: „Деньги чрезвычайно рѣдки въ Россіи. Большая часть полей остается необработанными по пять и шесть лѣтъ. Жители пограничныхъ областей спасаются къ сосѣдямъ, въ особенности Украйна нынѣ почти совершенно пуста". Эти слова иностраннаго посла, игравшаго такую большую роль въ дѣлѣ воцаренія Елисаветы Петровны [126]), вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Манифесты 1734 года признаютъ фактъ бѣгства, приглашая бѣжавшихъ вернуться назадъ, а подтвержденій денежныхъ неурядицъ мы находимъ множество. Въ 1743 году президентъ Штатсъ-Конторы внесъ въ Сенатъ докладъ, что Контора должна отпустить большія суммы денегъ, но ей въ свою очередь должны Коллегія Экономіи и Сибирскій Приказъ, которые ничего не платятъ.

Доимочная Канцелярія, которая при Аннѣ Іоанновнѣ возбуждала всеобщую ненависть, была при вступленіи на Престолъ Елисаветы уничтожена [127]). Но недоимки остались недоимками и не уменьшились. Въ Сентябрѣ слѣдующаго года они возросли до 5.000.000 рублей [128]). Тогда Сенатъ предложилъ производить черезъ каждыя пятнадцать лѣтъ ревизіи [129]). Хотя уже одна система налоговъ требовала нѣкотораго понятія о числѣ подданныхъ, о ревизіи народонаселенія въ теченіе трехъ послѣднихъ царствованій никто не думалъ.

Но бѣда была не только въ недоимкахъ. Сенатъ просто стоялъ передъ фактомъ постепеннаго исчезновенія звонкой монеты изъ обращенія. Ему предложено приложить всѣ старанія къ удержанію ея, къ сокращенію расходовъ вообще. Приходится входить во всѣ ме-

лочи финансоваго хозяйства самому; приходится, напримѣръ, приглашать къ себѣ, въ Сенатъ, кронштадтскихъ подрядчиковъ и неоднократно упрашивать ихъ, чтобы брали подешевле [130]).

Особенно трудной была работа Сената по переписи.

Броженіе народа далеко не улеглось. Онъ помнилъ суровость первой ревизіи и, запуганный жестокостями бироновщины, не хотѣлъ подчиняться мѣрѣ, на которую смотрѣлъ, въ сущности, какъ на неслыханное дѣло. Но это было не все. Кромѣ общаго недовольства народнаго, предстояло предварительно разрѣшить много трудныхъ практическихъ вопросовъ. Юридическое положеніе многихъ лицъ не было разъяснено закономъ. Государственныя сословія не установились окончательно. Особенно между духовенствомъ и податными классами трудно было провести границу. А самый простой народъ?—Недалеко было то время, когда онъ толпами бѣжалъ изъ предѣловъ Россіи или бродилъ съ мѣста на мѣсто, укрываясь отъ безпощадной администраціи.

Разрѣшить недоумѣнія, подчинить разбѣжавшійся и разогнанный народъ переписи, найти каждому званію свое мѣсто,—было трудною задачею, возложенною на Сенатъ. Какъ онъ съ нею справился видно изъ того, что черезъ двадцать лѣтъ, при Екатеринѣ Второй, возможно уже было производить ревизію, не прибѣгая ни къ какимъ крутымъ мѣрамъ.

Въ числѣ государственныхъ регалій, съ давняго времени обращала на себя вниманіе сначала московскаго, а послѣ и петербургскаго правительства, со-

ляная промышленность. Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ дохода.—Елисаветинскій Сенатъ воспретилъ, для облегченія народа, повышать цѣну на соль и подтверждалъ о допущеніи къ покупкѣ ея всѣхъ безъ различія, съ недозволеніемъ перекупа. Въ то же время Сенатъ заботился о размноженіи соляныхъ заводовъ и успѣшномъ добываніи соли въ мѣстахъ ея нахожденія. —Учреждается рядъ соляныхъ коммиссарствъ.

Нуждаясь въ урегулированіи, соляная промышленность изъ года въ годъ доставляетъ много хлопотъ. Часто соли не хватаетъ, и нѣтъ денегъ у промышленниковъ, а также достаточнаго количества рабочихъ рукъ, чтобы доставить ее въ центральную Россію. Всѣ первыя года, 1744, 1745, 1746 и 1747, Сенатъ занятъ соляными дѣлами.

Много заботъ прилагаетъ правительство Елисаветы Петровны къ развитію разнаго рода промышленности, а также торговли, и поощряетъ распространеніе фабрикъ и заводовъ въ странѣ. Это занимаетъ Сенатъ не менѣе, чѣмъ что либо другое. Отъ самыхъ частныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, о мѣрѣ холста и достоинствѣ бархата и сукна, онъ переходитъ къ такимъ промысламъ, частнымъ и казеннымъ, отъ которыхъ зависитъ все благосостояніе государства. Руководясь взглядомъ Петра Великаго, что промышленность существуетъ для государства и существуетъ постольку, поскольку это нужно для государственной пользы,—Сенатъ остается вѣрнымъ этому принципу. Извѣстныя отрасли мануфактуръ и промышленности онъ то стѣсняетъ, то поощряетъ.

Обращалъ вниманіе Сенатъ и на винокуреніе и даже прибѣгалъ въ этомъ отношеніи къ мѣрамъ почти безграничной диктатуры. Онъ, въ 1755 году, запретилъ винокуреніе во всей Ингерманландіи и Петербургской губерніи подъ тѣмъ предлогомъ, что отъ этого промысла происходитъ опустошеніе лѣсовъ, которые онъ, Сенатъ, обязанъ охранять.

Подобнаго же рода диктаторское распоряженіе было отдано во всей почти Имперіи по случаю голода, когда, въ 1750 году, Сенатъ велѣлъ описать хлѣбъ у помѣщиковъ, купцовъ и промышленниковъ для раздачи его людямъ неимущимъ.

Сенатъ учреждаетъ таможни и слѣдитъ за правильнымъ поступленіемъ таможенныхъ сборовъ.—Его занимаетъ судьба инородческихъ племенъ, находящихся въ русскомъ подданствѣ, и все управленіе ими принадлежитъ Сенату.—Духовное вѣдомство не осталось внѣ зависимости отъ Сената, который руководитъ его дѣлами. Синодъ долженъ обращаться къ нему не только во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, но и за разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ текущей администраціи. Докладъ синодскаго оберъ-прокурора шелъ черезъ генералъ-прокурора.—Сенатъ и Синодъ совмѣстно разрѣшали вопросы штатовъ церквей, вопросы о распространеніи православія и пр.

Сенатъ рѣшалъ важнѣйшіе вопросы по военному вѣдомству. Въ его распоряженіи находилось укомплектованіе полковъ, а также продовольствованіе и вооруженіе арміи. Обмундированіе и поставка русскихъ суконъ на армію обсуждались изъ года въ годъ.

Въ области дѣлъ внутренней безопасности Сенату

болѣе досталось хлопотъ, чѣмъ въ какой либо другой области. Онъ принимаетъ мѣры противъ воровъ, противъ нищенства, противъ почти не прекращающагося голода. Въ самой столицѣ было неспокойно и небезопасно. Случилось, что въ домѣ гр. Чернышева было сдѣлано убійство стоявшими въ томъ домѣ на караулѣ солдатами [131]).

Полиція, которой по регламенту 1721 года предписывалось „непорядочное и непотребное житіе отгонять“ и принуждать каждаго къ трудамъ,—которая „чинитъ добрыхъ домостроителей“, „запрещаетъ излишества въ домовыхъ расходахъ“, а также „есть душа гражданственности“ и „фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобства“,—эта полиція не оказывалась на высотѣ своего призванія. 27 Іюля 1744 года Императрица, присутствуя въ Сенатѣ, объявила, что „главная полиція слабое смотрѣніе имѣетъ“: „въ Москвѣ не только непотребства, но и многія воровства происходятъ, въ домахъ обывательскихъ приходя крадутъ“; „также умножилось нищихъ, которые работать могутъ и, подъ образомъ разныхъ болѣзней притворяясь, милостыни просятъ“.

Въ первопрестольной столицѣ происходили на улицахъ кулачные бои и полиція не могла даже разогнать толпы,—что же было тогда въ областяхъ?

А въ областяхъ происходили крестьянскіе бунты и возмущенія. Распространился духъ своевольства. Крестьяне не повиновались властямъ, не шли на работу по приказу помѣщиковъ и отдѣлывались отъ наказанія нерѣдко тѣмъ, что платили взятки воеводамъ [132]).

Въ связи съ крестьянскими бунтами стояли тѣсно разбои, которые достигали ужасающихъ размѣровъ. Разбойники простирали свою дерзость до нападенія на священнослужителей въ облаченіи включительно [133]). Въ Брянскомъ уѣздѣ шайкой предводительствовалъ дворянинъ, въ другомъ мѣстѣ отставной прапорщикъ... На Окѣ, около Нижняго Новгорода появились разбойники, у которыхъ были даже пушки... Волненія распространились по всей Россіи и обнаружились даже въ Сибири.

Было одно учрежденіе, которое совершенно не зависѣло отъ Сената.—Это Тайная Канцелярія, которая въ царствованіе Анны Іоанновны наводила такой страхъ. Но все же и этой Канцеляріи коснулись небольшія реформы. По докладу генералъ-прокурора состоялся въ Сенатѣ именной указъ о неотсылкѣ въ Тайную Канцелярію писцовъ и рукоприкладчиковъ за неумышленныя описки въ императорскомъ титулѣ. Въ прежнее время эти полуграмотные писцы составляли практику Тайной Канцеляріи, выискивавшей государственныхъ преступниковъ. Теперь Императрица приказала отмѣнить излишнюю жестокость и предложить лишь писать титулъ повнимательнѣе.

Вообще, не одни чисто практическіе мотивы преобладали въ дѣятельности Сената, руководимой Елисаветой. Перечитывая его указы убѣждаешься, что ихъ диктовало глубокое сознаніе человѣческаго достоинства и желаніе облегчить участь подданныхъ. Такое впечатлѣніе производитъ, напримѣръ, дѣятельность Сената по вопросамъ уголовнаго судопроизводства. Прошедшее время завѣщало ему суровую практику. Еще были

свѣжи въ памяти безчисленныя казни Бирона, припоминалось дѣло Артемія Волынскаго. Тогда разрядъ государственныхъ преступленій, подъ вліяніемъ Тайной Канцеляріи, увеличивался все большимъ числомъ преступленій, часто, какъ видимъ, мнимыхъ.—Со вступленіемъ на Престолъ Елисаветы Петровны, ея личность, гуманная и добросердечная, начинаетъ отражаться на сенатскихъ постановленіяхъ. Такъ, въ 1751 и 1753 годахъ состоялось по распоряженію Сената пріостановленіе смертной казни; но и раньше того, въ 1744 году, Сенатъ воспретилъ приводить въ исполненіе смертные приговоры (за преступленія не политическаго характера) безъ своего утвержденія, что фактически было равносильно отмѣнѣ смертной казни вообще, ибо со времени изданія этого постановленія во все царствованіе Елисаветы Петровны не было приведено въ исполненіе ни одного смертнаго приговора, хотя судъ по прежнему и выносилъ таковые. Вышло такъ, что безъ прямого уничтоженія смертной казни закономъ, въ народное сознаніе вводилось фактически высокое начало, способствовавшее смягченію нравовъ.

Въ области суда Елисаветинскій Сенатъ является высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Высшее судебное значеніе за Сенатомъ было признано указомъ 16 Августа 1760 года, въ которомъ Сенатъ названъ „первымъ Государственнымъ мѣстомъ по своей должности и по данной власти“, обязаннымъ истреблять лихоимство и пристрастіе судей [134]). Сенату вмѣнено въ обязанность не давать „злымъ пощады, а невиннымъ напрасной вины не принесть, подозрительныхъ судей смѣнять“ и пр. Руководствуясь такими правилами и

духомъ времени, Сенатъ могъ сдѣлать много полезныхъ нововведеній вродѣ упомянутыхъ указовъ о смертной казни. И дѣйствительно, по поводу одного убійства, совершеннаго четырнадцатилѣтней дѣвочкой, Сенатъ имѣлъ разсужденіе совмѣстно съ коллегіями и согласно всѣ постановили считать малолѣтство до 17 лѣтъ. До достиженія этого возраста преступники, подлежащіе ссылкѣ, кнуту и смертной казни, отъ этого освобождались, а подвергались лишь наказанію плетьми и отсылкѣ на пятнадцать лѣтъ въ монастырь, на покаяніе [135]).

Въ 1757 году были смягчены тѣлесныя наказанія для лицъ женскаго пола [136]). До этого времени тяжкимъ преступницамъ, наказывавшимся кнутомъ и ссылаемымъ въ Сибирь, вырывали ноздри и ставили знаки на лицѣ. Теперь это было отмѣнено.

Коснулась дѣятельность Сената и народнаго образованія. Появленіе перваго русскаго университета [137]) было естественнымъ послѣдствіемъ того значенія, которое было придано гражданской дѣятельности занятіями Высшаго Правительственнаго Мѣста и значеніемъ гражданскаго лица генералъ-прокурора. Именно развитіе гражданственности и обусловило учрежденіе университета, куратором котораго былъ затѣмъ поставленъ одинъ изъ первыхъ вельможъ того времени, гр. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Новый университетъ находился въ управленіи у Сената.

За первымъ сильнымъ шагомъ въ области народнаго образованія послѣдовали другіе. Учреждена Академія Художествъ [138]), затѣмъ, сенатскимъ указомъ, въ Казани гимназія [139]). Въ 1760 году Сенатъ велѣлъ со-

чинить и представить себѣ штаты и планъ для учрежденія гимназій и школъ въ губерніяхъ.

Особенно замѣчательно въ царствованіе Елисаветы то, что генералъ-прокуроръ до такой степени слился съ Сенатомъ, что дѣятельность его, по крайней мѣрѣ въ оффиціальныхъ документахъ, соединяется тѣсно съ дѣятельностью Сената. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе двадцати лѣтъ законъ признавалъ только одно высшее мѣсто управленія—Сенатъ, изъ котораго исходили важнѣйшія распоряженія. Два элемента—личный, въ лицѣ генералъ-прокурора, и коллегіальный—въ лицѣ сенатскаго присутствія, не только не враждуютъ, но дѣйствуютъ вмѣстѣ, съ полнымъ сознаніемъ, что сила ихъ зависитъ отъ ихъ органическаго соединенія. Мало по малу Сенатъ исключаетъ возможность другихъ высшихъ учрежденій, а генералъ-прокуроръ возможность правительственныхъ лицъ, дѣйствующихъ помимо Сената.

Сенатъ исчерпалъ коллегіальное начало, генералъ-прокуроръ личное. Мимо Сената и генералъ-прокурора нельзя найти другого учрежденія и лица, которому бы можно приказать Россію. Если, такимъ образомъ, Сенатъ сосредоточилъ въ себѣ весь порядокъ управленія, основанный на коллегіальномъ началѣ, а генералъ-прокуроръ совмѣстилъ въ себѣ всѣ дѣла, требующія личной дѣятельности, то, очевидно, идеи Петра о контролѣ и единствѣ администраціи были достигнуты. „Всякій, кто хочетъ познакомиться съ этимъ учрежденіемъ (Сенатомъ), каково оно должно быть по идеямъ Петра, долженъ обратиться ко времени Елисаветы Петровны“, говоритъ проф. Градовскій, подтверждая

только что высказанное мнѣніе [140]). Въ какой мѣрѣ была удачна дѣятельность такъ построившагося Сената, это вопросъ иной, но, такъ или иначе, эта именно дѣятельность подготовила почву для реформъ Екатерины Второй.

Слабость предшествовавшихъ Государей создала рядъ особыхъ „Совѣтовъ", безъ которыхъ, по мнѣнію Миниха, не могло обойтись Русское Государство. Своимъ возстановленіемъ Сенатъ уничтожилъ одинъ изъ такихъ „Совѣтовъ" и сталъ легко на его мѣсто, потому что онъ былъ не только фактической коллегіей, но и коллегіей дѣйствительной работы, коллегіей, опиравшейся на дарованныя ей права и преимущества.

Необычайная сложность задачъ была Сенату даже во вредъ. Она обременила его массою дѣлъ, отъ которыхъ онъ часто старался избавиться. При этомъ, ограждая себя иногда даже отъ доношеній присутственныхъ мѣстъ, Сенатъ сильно терялъ свои преимущества въ области надзора. Объ этомъ приходится тѣмъ болѣе сожалѣть, что, при всей массѣ дѣла, Сенатъ часто очень много силъ тратилъ на пустяки. Странно было, дѣйствительно, видѣть высшее правительственное мѣсто Имперіи жалующимся на обремененіе дѣлами и въ то же время издающимъ указы о заведеніи колокола на биржѣ и о нетопленіи лѣтомъ печей въ коллегіяхъ...

Въ 1744 году, 21 Января, Елисавета Петровна переѣхала въ Москву, куда за нею послѣдовалъ Сенатъ.

Почти тотчасъ же по переѣздѣ генералъ-прокуроръ сталъ жаловаться Сенату, что члены присутствен-

ныхъ мѣстъ поздно являются на службу. Прокуроръ Мануфактуръ-Коллегіи доносилъ, что присутствующіе даже очень рѣдко ѣздятъ, отчего въ дѣлахъ волокита.

Хотя Сенатъ и самъ страдалъ несомнѣнно медлительностью, онъ приказалъ членовъ коллегіи позвать къ себѣ и учинилъ имъ „репримандъ“, къ тѣмъ же, которые не явились подъ предлогомъ болѣзни, былъ посланъ сенатскій экзекуторъ съ докторомъ для освидѣтельствованія.—По докладу генералъ-прокурора 3-го Августа членамъ коллегій и канцелярій снова сдѣланъ „репримандъ“, но это наказаніе перестало помогать, и 20 Сентября генералъ-прокуроръ снова подалъ длинный листъ съ именами неявившихся.—Сенатъ приказалъ имъ всѣмъ подать отвѣты, почему не явились. Однако, удовлетворительнаго результата на эту мѣру не получилось: 9-го Октября не было подано еще ни одного отвѣта, а посланный въ тотъ день въ Юстицъ-Коллегію солдатъ не нашелъ тамъ никого... [141]).

Въ 1747 году Сенату угрожала большая опасность. Канцлеръ выдвинулъ проектъ возстановленія Кабинета. Случилось это потому, что въ бумагахъ нѣкоего Фербера, казненнаго въ Пруссіи, была найдена записка, приводившая одинъ разговоръ за столомъ у короля Фридриха. Бумаги были доставлены въ Петербургъ съ намѣреніемъ, будто бы, показать, какимъ образомъ злонамѣренные люди хотятъ поссорить Русскую Императрицу съ Прусскимъ королемъ. Въ Россіи этому, очевидно, повѣрили и содержанію бумагъ придали особенное значеніе. Въ документѣ говорилось, главнѣйшимъ образомъ, слѣдующее:—Сидя за столомъ у короля шведскій министръ Руденшельдъ обратился къ нему со слѣдующими сло-

вами: „Какъ Ваше Величество, такъ и Швеція, должны радоваться, что правленіе въ Россіи въ рукахъ Сената, а у министерства руки связаны, чего прежде не было при Кабинетѣ, который давалъ большую силу самодержавію. Главная цѣль сенаторовъ состоитъ въ томъ, чтобы ни въ какіе чужіе споры не вмѣшиваться, не играть въ Европѣ никакой роли, однимъ словомъ—жить, какъ жилось до Петра Великаго. Эта цѣль можетъ быть достигнута потому, что Императрица не слѣдуетъ примѣру своего отца: Императрица относительно народа сказываетъ большую умѣренность". Король на это отвѣтилъ: „Съ великимъ удовольствіемъ и удивленіемъ подъ рукою я увѣдомился, что всѣ русскія войска вторичный указъ получили новыя экзерциціи оставить и употреблять старыя; такимъ образомъ, я надѣюсь, что черезъ нѣсколько лѣтъ русская военная сила дойдетъ до крайняго варварства, такъ что я буду побѣждать русскихъ своими рекрутами".

Въ Петербургѣ Бестужевъ воспользовался выходкой Руденшельда противъ Сената, чтобы высказаться и со своей стороны. Къ словамъ Руденшельда онъ приписалъ: „Канцлеръ Ея Императорскому Величеству слабѣйшее свое мнѣніе всенижайше представлялъ, что какъ для облегченія Ея Императорскому Величеству государственнаго правленія рѣшеніемъ спорныхъ въ Сенатѣ и иныхъ коллегіяхъ случающихся дѣлъ, такъ и для пользы самодержавной Имперіи не безполезно было бы Кабинетъ изъ вѣрныхъ и надежныхъ подданныхъ сочинить, при которомъ мнѣніи канцлеръ и понынѣ остается" [142]).

Бестужеву Сенатъ былъ непріятенъ, потому что

тамъ у него были личные враги, и онъ старался склонить Императрицу къ учрежденію новаго „Совѣта". Но Елисавета Петровна не вняла высказанному канцлеромъ мнѣнію. Ей было бы слишкомъ тяжело отказаться отъ возстановленнаго отцовскаго учрежденія и возвратиться къ Кабинету, напоминавшему о самомъ ненавистномъ для Императрицы времени. Попытка унизить Сенатъ не удалась, и онъ продолжаетъ заниматься своими дѣлами.—Онъ ожидаетъ войны и въ данный моментъ припоминаетъ фразу Петра Великаго: „Денегъ какъ можно болѣе собирать, понеже деньги суть артеріею войны".

Теперь—каковы были недостатки Сената времени Елисаветы?—Болѣе или менѣе тѣ же, что и раньше. Отъ старыхъ привычекъ „неприсутствованія", волокиты и мелочности отрѣшиться сразу трудно и, несмотря на всѣ благія пожеланія Императрицы, почти до конца ея царствованія высшій судъ и надзоръ находятся въ крайнемъ упадкѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Елисавета Петровна пожелала наверстать упущенное, но смерть пресѣкла ея стремленія на этомъ пути и развязала руки какъ нарушителямъ закона, такъ и высшимъ тому попустителямъ, такъ какъ Преемникъ Престола не поддержалъ начинаній своей царственной тетки.

Могущество Сената при Елисаветѣ Петровнѣ подрывалось въ извѣстной степени вліяніемъ „тогдашнихъ припадочныхъ и случайныхъ людей", которые, по словамъ гр. Панина, сдѣлали изъ возстановленнаго Императрицей частнаго Кабинета [143]) своего отца „злоключительный общему благу интервалъ между Государемъ

и правительствомъ". Панинъ выражается особенно рѣзко о Кабинетѣ потому, можетъ быть, что ему самому не удалось пріобрѣсти исключительнаго вліянія на дѣла, но это только отчасти. И изъ другихъ источниковъ мы видимъ, что частный Кабинетъ Императрицы, дѣйствительно, посылалъ присутственнымъ мѣстамъ указы, съ которыхъ въ Сенатъ доставлялись копіи.

Не вполнѣ вѣрно замѣчаніе Панина объ учрежденіи Конференціи. „Конференцію сдѣлали, говоритъ онъ [144]), тогда, когда увидѣли скоропостижную войну, требующую дѣйствительныхъ рессурсовъ". Въ дѣйствительности Конференція была утверждена Императрицею вмѣстѣ съ упраздненіемъ Кабинета Анны Іоанновны и возстановленіемъ правъ Сената въ первый годъ восшествія на Престолъ Елисаветы. На первыхъ порахъ Конференція должна была заниматься только иностранными дѣлами и собиралась рѣдко. Она осталась въ силѣ и послѣ отклоненія въ 1747 году проекта Бестужева, по прежнему только для иностранныхъ дѣлъ, обсуждавшихся въ присутствіи Императрицы канцлеромъ и вице-канцлеромъ.

Послѣ 1757 года Конференція получила опредѣленный и постоянный составъ, и для сношеній ея съ Сенатомъ и Синодомъ былъ установленъ особый порядокъ. По выраженію Миниха, она должна была стать между верховною властью и Сенатомъ и „пополнить пустоту", т. е. сдѣлаться Государственнымъ Совѣтомъ. Сенатъ, конечно, не желаетъ отступать на второй планъ и заявляетъ, что онъ какъ „первое Государственное мѣсто, кромѣ Ея Императорскаго Величества, не

обязанъ никому свои мнѣнія подавать". Однако, несмотря на свои протесты онъ вынужденъ не разъ отвѣчать на запросы Конференціи и невольно мириться съ нѣкоторымъ ограниченіемъ своей власти. Но все же главныя занятія Конференціи состояли въ обсужденіи разнаго рода иностранныхъ дѣлъ, такъ что въ общей характеристикѣ царствованія Елисаветы Петровны нельзя сказать, чтобы Сенатъ не являлся ея дѣйствительнымъ высокоповѣреннымъ.

Часто хотятъ видѣть въ Конференціи нѣкоторое подобіе Кабинета; многіе даже приписываютъ ея учрежденіе тому обстоятельству, что Императрица по разстроенному здоровью не могла уже заниматься дѣлами вмѣстѣ съ Сенатомъ. Можетъ быть это предположеніе и имѣетъ нѣкоторую долю вѣроятности, въ томъ смыслѣ, что Императрица желала устраниться отъ дѣлъ, предоставивъ себѣ только тѣ, которыя особенно обращали на себя вниманіе ея, но ни изъ указа, учредившаго Конференцію, ни изъ образа дѣйствій самой Конференціи, не видно намѣренія въ чемъ нибудь уменьшить власть Сената. Тонъ, которымъ говоритъ Конференція, уже не тонъ Кабинета и Верховнаго Тайнаго Совѣта; сходства нѣтъ со знаменитымъ указомъ объ учрежденіи рекетмейстерской должности при Высочайшемъ Дворѣ для пріема жалобъ на Сенатъ.

Сама Императрица не переставала считать Правительствующій Сенатъ и высшимъ правительственнымъ мѣстомъ и главнымъ блюстителемъ законовъ. Власть Сената при ней часто переходитъ необходимые предѣлы. Въ царствованіе Елисаветы онъ пріобрѣтаетъ значеніе и авторитетъ, которыми не пользовался даже

при Петрѣ, Государѣ, державшемъ крѣпко бразды правленія въ своихъ могучихъ рукахъ. Если при Елисаветѣ Сенатъ получаетъ такое значеніе, то объясняется это именно тѣмъ, что Царица, не имѣвшая столько твердости, какъ ея отецъ, могла уступить учрежденію то, что онъ никогда не пожелалъ бы изъять изъ своего личнаго вѣдѣнія.

При Елисаветѣ Сенатъ является не только первенствующимъ мѣстомъ въ управленіи, высшей административной и судебной инстанціей, но и политическимъ учрежденіемъ, отъ котораго исходятъ всѣ важнѣйшія государственныя рѣшенія.

Другими словами, Сенатъ Елисаветинскаго времени не только вступаетъ въ права петровскаго Сената, но и беретъ на себя роль тѣхъ учрежденій, которыя при Екатеринѣ Первой и Аннѣ Іоанновнѣ облегчали имъ бремя правленія.

Екатерина Вторая слѣдующимъ образомъ высказалась объ елисаветинскомъ Сенатѣ: „Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ — почти все и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ“ [145]).

Елисавета царствовала двадцать лѣтъ. Не обладая вообще крѣпкимъ здоровьемъ, она въ Декабрѣ 1761 года чувствовала себя совсѣмъ больною и 24 числа соборовалась. Великій Князь съ супругой находились постоянно у постели умирающей.

25-го, въ четвертомъ часу по полудни, отворились двери изъ спальни въ пріемную, гдѣ собрались высшіе

сановники и придворные; всѣ поняли, что это значило... Вышелъ старшій сенаторъ кн. Никита Трубецкой и объявилъ, что Императрица скончалась и государствуетъ Его Величество Императоръ Петръ Третій.

Отвѣтомъ были рыданія и стоны на весь дворецъ...

Большинство встрѣтило мрачно новое царствованіе.

На Престолъ вступалъ внукъ Петра Великаго, недавній герцогъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ Голштейнъ-Готторпскій.

VIII.

(25 Декарбя 1761 года — 28 Іюня 1762 года).

Время Петра Третьяго.

— *„Любезный Брокдорфъ, представьте себѣ, что мнѣ предлагаютъ отказаться отъ моей Голштиніи. Нѣтъ вы подумайте объ этомъ, вы вникните въ это...“*

Конференція. Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ. Судебное значеніе Сената. Петръ Третій. Его отношеніе къ дѣламъ.

Преемникъ Елисаветы Петровны, Петръ III, человѣкъ, болѣе чѣмъ неспособный къ пониманію государственныхъ нуждъ и интересовъ, какъ говоритъ В. М. Грибовскій[146]), заявилъ при своемъ восшествіи на Престолъ, что онъ самъ будетъ управлять всѣми государственными дѣлами, а потому „отнынѣ никакого особливаго Совѣта или Конференціи не будетъ, а всѣ дѣла въ своихъ коллегіяхъ отправляться имѣютъ“[147]). Поэтому дѣла Конференціи были переданы изъ нея въ Сенатъ, а также въ Иностранную Коллегію.

Но противъ упраздненія Конференціи былъ канцлеръ графъ Воронцовъ, который при докладѣ, уже въ пер-

вый же день новаго царствованія, испрашивалъ у Императора повелѣнія о томъ, чтобы „Совѣтъ Конференціи вседневно собирался“ и настаивалъ на назначеніи членовъ этого Совѣта. Въ своемъ докладѣ Воронцовъ отрицалъ возможность для Императора управлять самому всѣми дѣлами государства. „Генеральныя дѣла Европы въ такую теперь кризу пришли“, замѣчалъ Воронцовъ, что даже и въ самой Россіи, по его мнѣнію, должны были произойти нѣкоторыя перемѣны. Именно: „во многомъ перемѣнить надобно будетъ общую систему“. И эту важную работу канцлеръ не считалъ возможнымъ поручить ни Сенату, ни Иностранной Коллегіи, ибо дѣла тогда въ своемъ движеніи замедляются и секретъ ихъ „подверженъ во многихъ рукахъ великой опасности“. Въ то же время Воронцовъ былъ вполнѣ увѣренъ, что при сохраненіи прежней Конференціи или при учрежденіи подобнаго ей Совѣта должно устраниться смѣшеніе дѣлъ и что тогда установится также и вся система управленія. Петръ Феодоровичъ согласился съ представленными ему доводами.

20-го Мая 1762 года Сенатъ слушалъ указъ[148]) объ учрежденіи для важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ Совѣта при Высочайшемъ Дворѣ, членами коего были назначены: герцогъ Георгъ Голштинскій, принцъ Голштейнъ-Бекскій, Минихъ, кн. Трубецкой, гр. Воронцовъ, Вильбуа, кн. Волконскій, Мельгуновъ и Волковъ. Учрежденіе Совѣта мотивировалось желаніемъ, чтобы „намѣренія, принятыя къ пользѣ и славѣ Имперіи и къ благополучію вѣрныхъ подданныхъ, наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли“.

Указы Совѣта по важнѣйшимъ дѣламъ должны

были подписываться самимъ Императоромъ, а по обыкновеннымъ—одними членами Совѣта. Военная и Адмиралтействъ-Коллегія были освобождены изъ подъ зависимости отъ Сената. Доклады изъ нихъ идутъ прямо къ Императору, минуя Сенатъ.

Судебная дѣятельность Сената, затемненная до нѣкоторой степени въ предшествующее царствованіе обширными административными правами Сената, выдвигается теперь на первый планъ: въ Сенатѣ учреждается новый апелляціонный департаментъ „для скорѣйшаго рѣшенія юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ апелляціонныхъ дѣлъ". В. М. Грибовскій [149]) полагаетъ, что этимъ подчеркивалось именно судебное значеніе Сената, ибо и съ замѣной Конференціи Совѣтомъ онъ въ общемъ своемъ значеніи проигралъ.—Въ Конференціи присутствовала болѣе или менѣе значительная часть сенаторовъ, въ новый Совѣтъ ихъ попало только двое: гр. Воронцовъ и кн. Трубецкой. Закрытіе Тайной Канцеляріи также должно было сократить компетенцію Сената въ виду того, что секретныя дѣла, хотя и передавались въ Сенатъ, но лишь для помѣщенія за печатями въ архивъ для вѣчнаго храненія[150]). Впрочемъ, Сенатъ при Петрѣ III, конечно, занимается рѣшеніемъ дѣлъ внутренняго управленія. Такъ онъ обсуждаетъ вопросы объ управленіи церковными имѣніями, о раскольникахъ, о состояніи государственныхъ финансовъ и пр....

Что касается до самого Петра Третьяго, то онъ былъ весьма мало самостоятеленъ въ своихъ указахъ и въ его повелѣніяхъ трудно усмотрѣть какую либо систему. Внутренней политикѣ онъ предпочиталъ внѣш-

нюю, въ которой былъ, въ свою очередь, чрезмѣрно одностороннимъ.

Онъ хочетъ уничтожить Конференцію, но сейчасъ же, по подсказкѣ другихъ, создаетъ Совѣтъ.— Лица, желающія придать царствованію Петра III особый блескъ, направляютъ волю Императора въ нужную сторону; они руководятся въ этомъ, можетъ быть, собственнымъ разсчетомъ.

Для характеристики дѣятельности Императора особенно поучителенъ примѣръ съ указомъ о вольности дворянской.

Присутствуя 17-го Января въ Сенатѣ, Петръ III подписывалъ разные указы, приказалъ Сенату имѣть по разнымъ предметамъ разсужденія. Въ заключеніе онъ объявилъ свое рѣшеніе, чтобы „дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ“.— Намѣреніе было высказано ясно, Сенатъ на другой же день пожелалъ въ благодарность воздвигнуть Императору золотую статую...—Но почему же тогда указъ, который долженъ былъ стать для дворянъ „краеугольнымъ камнемъ и понынѣ возрастающаго ихъ блаженства“ [151]), былъ опубликованъ лишь черезъ мѣсяцъ спустя,— 18-го Февраля? [152]) Дѣло въ томъ, что въ данномъ замедленіи ясно выражалось то невниманіе, или вниманіе, крайне поверхностное, которое Петръ III удѣлялъ внутреннимъ дѣламъ своего государства. Высказавшись въ Сенатѣ, онъ не сдѣлалъ никакого иного распоряженія для дальнѣйшаго движенія дѣла. Оно осталось въ прежнемъ положеніи, что разумѣется, не могло понравиться лицамъ, окружавшимъ Императора и, вѣроятно, подсказавшимъ его слова. Они начали

прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы начатое было доведено до желаемаго конца. Однако, и тутъ рѣшила все простая случайность: Петръ III подписалъ манифестъ, содержаніе котораго ему было заранѣе безразлично [153]). Вниманіе Императора, когда онъ занимался дѣлами Россіи, было приковано къ другому вопросу.

Мы уже упоминали о финансовыхъ затрудненіяхъ, разрѣшеніе которыхъ озабочивало Сенатъ. Теперь будетъ умѣстнымъ сказать относительно нихъ, что дефицитъ въ 1.152.023 рубля происходилъ не изъ за чего другого, какъ изъ за содержанія арміи заграницей. Этого расхода Петръ Третій не думалъ избѣгать, наоборотъ. Онъ велъ усиленныя военныя приготовленія. Противъ кого же? Во имя какихъ интересовъ готовилась Россія къ новой войнѣ?

Императоръ со стороны внѣшней политики былъ занятъ поспѣшнымъ отступленіемъ отъ принциповъ славной дѣятельности своей Предшественницы на Россійскомъ Престолѣ. При Елисаветѣ мы чеканили въ Москвѣ и Кенигсбергѣ гульдены съ изображеніемъ Русской Императрицы [154]),—при Петрѣ Третьемъ у насъ у самихъ стали господствовать голштинцы, вмѣстѣ съ Императоромъ насмѣхаясь надо всѣмъ русскимъ. Эти голштинцы возбуждали всеобщую ненависть къ себѣ и, если вельможи были очарованы ласковостью Екатерины, если народъ ее любилъ, а духовенство возлагало на Императрицу свои надежды,—съ другой стороны всѣ были нерасположены къ Петру III, который высказывалъ слишкомъ большое пристрастіе къ недавнимъ и незабытымъ русскимъ врагамъ, къ прусской арміи и ея вождю. Почитаніе это дошло до того,

что Русскій Императоръ принялъ должность въ войскахъ Фридриха и называлъ его своимъ генераломъ...— Радостная вѣсть о взятіи Берлина опечалила его еще когда онъ былъ Великимъ Княземъ и онъ проклиналъ храбрость русскихъ войскъ [155]).

Не столько Императоръ, сколько голштинскій принцъ на Русскомъ Престолѣ, Петръ Феодоровичъ хотѣлъ интересы своей любимой Голштиніи защитить силою русскихъ войскъ. Этимъ его планамъ не суждено было сбыться. 29-го Іюня 1762 года уже началось другое время, началось самодержавіе Екатерины Второй,— „Второй послѣ Перваго Петра".

Царствованіе Петра Феодоровича оказалось чрезвычайно кратковременнымъ и при немъ физіономія, какъ лицъ, такъ и учрежденій, въ корнѣ всетаки ни въ чемъ не успѣла перемѣниться, поэтому елисаветинская эпоха какъ бы непосредственно переходитъ въ екатерининскую, ей передавая свое наслѣдіе въ области внутренняго государственнаго устройства [156]).

Мало того, что правленіе Петра Третьяго было недолгимъ, оно осталось еще въ своемъ родѣ и одинокимъ, прервавшись, какъ нѣчто неожиданное и по своему направленію Россіи не свойственное, между двухъ великихъ и славныхъ царствованій. Оно шло по своему духу вразрѣзъ съ правленіемъ Елисаветы, а для того, чтобы поддержать рѣзкую перемѣну общей политики, Петръ Третій не унаслѣдовалъ достаточно силы и дѣятельности отъ Великаго Петра, правленіе котораго во всякомъ случаѣ всегда было національнымъ.

Преобладаніе
Судебной Дѣятельности Сената.

IX.

(28 Іюня 1762 года — 6 Ноября 1796 года).

Время Екатерины Второй.

— „*Стало быть этотъ петербургскій кабинетъ, находящійся теперь на волнахъ Днѣпра, кажется весьма значительнымъ, если такъ тревожитъ другіе*“?

(Екатерина II).

— „*Точно такъ, Государыня,—а между тѣмъ я не знаю ни одного, который бы былъ такъ малъ: онъ и весь то въ нѣсколько дюймовъ, потому что простирается отъ одного виска до другого и отъ переносицы до волосъ*“.

(Де-Линь).

Воцареніе Екатерины. Ея отношеніе къ Сенату. Безпорядки въ управленіи и борьба съ ними Екатерины. Проектъ Панина, его замѣчанія о раздѣленіи Сената на департаменты и критика работы сенаторовъ. Вопросъ объ устройствѣ Сената въ особомъ совѣщаніи. Департаменты. Генералъ-прокуроръ и „Секретнѣйшее Наставленіе“. Роль екатерининскаго генералъ-прокурора. Судебное значеніе Сената и надзоръ. Генералъ-рекетмейстеръ. Паденіе законодательнаго значенія Сената. Государственный Совѣтъ. Его вѣдомство и составъ. Екатерининскій Сенатъ. Екатерина Великая.

Новое царствованіе принесло глубокія реформы верховному мѣсту Имперіи.

Екатерина Вторая такъ сильно была непохожа на Елисавету Петровну, что въ управленіи, какъ и во всемъ, должно было сказаться иное направленіе, иная дѣйствительная воля.

Разслабленный въ своемъ всемогуществѣ, центральный, верховный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, часто совершенно безсильный передъ грудою нераспредѣленной всероссійской работы,—елисаветинскій Сенатъ въ новое время долженъ былъ найти себѣ другое мѣсто. Постепенно онъ мѣняетъ свое положеніе въ системѣ государственнаго устройства, но отъ этого онъ имѣетъ передъ собою только болѣе ясную задачу, болѣе твердую почву подъ собою.

И перемѣна совершается вполнѣ естественно.

Вступаетъ на Престолъ Екатерина и не считаетъ нужнымъ унижать Сенатъ. Никакимъ закономъ, ничѣмъ его положеніе не умаляется. Его власть всячески подтверждается. Сенатъ все то же верховное мѣсто, какъ и ранѣе...

Его высокое положеніе видно уже при воцареніи Императрицы. Она оказываетъ тотчасъ же Сенату такое довѣріе, которое ставитъ его въ глазахъ всѣхъ на совершенно особенное мѣсто, подобное бывшему за нимъ въ предыдущія эпохи его величія, въ эпоху Петра Великаго и его Коронованной Дочери.

Въ переворотѣ, низведшемъ Петра Третьяго, Сенатъ также принимаетъ участіе и присутствуетъ во дворцѣ при составленіи манифеста о новомъ царствованіи.

Объ отношеніяхъ Екатерины къ Сенату свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, отправляясь въ Петер-

гофъ во главѣ войскъ, она послала сенаторамъ указъ слѣдующаго содержанія:

„Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить Престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полной довѣренностью подъ стражу: отечество, народъ и сына моего“ [157]).

Сенатъ, слѣдовательно, долженъ былъ во всемъ замѣнить Императрицу и, засѣдая день и ночь, принимать всѣ необходимыя мѣры, соотвѣтствовавшія тогдашнему положенію вещей. Екатерина же, давъ Сенату такое важное и широкое порученіе, не оставляетъ его безъ извѣстій и, тѣмъ подтверждая свое довѣріе, во время „марша“ на Петергофъ посылаетъ сенаторамъ увѣдомленія и извѣщенія о результатахъ похода. Это особенно важно „верховному правительству“ потому, что на него возлагается на время отсутствія Императрицы обязанность охраненія столицы отъ безпорядковъ и отъ возможности вступленія въ Петербургъ скоро уже свергнутаго Императора.

Такъ началось для Сената новое царствованіе.

По возвращеніи своемъ и утвержденіи Престола Екатерина осталась внимательной къ Сенату и отвела для его засѣданій Лѣтній Дворецъ. Она начала принимать дѣятельное участіе въ работахъ высшаго правительственнаго мѣста и уже на четвертый день по своемъ воцареніи присутствуетъ въ Сенатѣ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ Императрица бывала тамъ среднимъ числомъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю [158]).

Молодая Государыня застала полный безпорядокъ въ управленіи.

Состояніе финансовъ, а также всей финансовой администраціи и монетнаго дѣла было весьма плохое; кредита почти не было; въ провинціяхъ замѣчался упадокъ авторитета власти и тамъ, по словамъ Императрицы, худо исполнялись указы самого Сената. Не обманывая себя, она говоритъ, что „флотъ въ упущеніи, армія въ разстройствѣ, крѣпости въ развалинахъ"; даже „въ Сенатѣ за излишество почитали государственныя дѣла слушать и отъ того сдѣлалось, что иногда сами не знали, о чемъ судятъ". Такимъ представлялось управленіе Россіи во второй половинѣ 1762 года съ его печальными результатами. Энергичная и не терпящая попустительствъ Императрица, конечно, тотчасъ же должна была вступить въ борьбу со зломъ и прежде всего не могла не обратить свое вниманіе на тѣхъ, которые имѣли служить ей помощниками — на верховное мѣсто, облеченное вначалѣ ея такимъ сильнымъ довѣріемъ,—на Сенатъ и сенаторовъ.

Екатерина искренно желала воспользоваться высшимъ правительственнымъ установленіемъ Россіи для блага милліоновъ подданныхъ и славы Имперіи. Она считала, что можетъ имъ воспользоваться несмотря на его недостатки. Послѣдніе не были для нея скрыты уже потому, что съ устройствомъ своего будущаго государства Екатерина хорошо познакомилась будучи Великой Княгиней. Но вотъ теперь она стоитъ къ нему несомнѣнно ближе и должна убѣдиться, что надеждамъ ея сбыться едва ли суждено.

Личный характеръ молодой Императрицы, взгляды, почерпнутые ею изъ теоретическаго изученія государственныхъ наукъ подъ вліяніемъ западно-европейской

философіи, препятствовали помириться вполнѣ съ Сенатомъ, такъ часто напоминавшемъ старую Боярскую Думу своимъ полупатріархальнымъ отношеніемъ къ дѣламъ. Екатерину должна была поразить отсталость взглядовъ сенаторовъ, а иногда и ихъ невѣжество. Тогда какъ Елисавета предпочитала удовольствія частной жизни, она обладала жаждой дѣятельности, притомъ съ ясно выраженными наклонностями къ личному управленію, и стремилась къ работѣ. Но какихъ помощниковъ должна была встрѣтить Екатерина на первыхъ же порахъ... — Узнавъ ихъ, могла ли она быть ими довольна?

Скорѣе нѣтъ, наоборотъ.

Немудрено, поэтому, что и значительная доля недостатковъ прежняго царствованія была поставлена на счетъ Сенату, хотя и не всегда основательно, ибо множество непорядковъ произошло отъ того, что о реформѣ мѣстнаго управленія никто не думалъ со времени Петра Великаго. Созданныя имъ учрежденія были измѣнены или искажены, вслѣдствіе чего Сенатъ не имѣлъ хорошей мѣстной администраціи. Въ дѣятельности своей онъ былъ такимъ образомъ въ значительной степени парализованъ.

Если Екатерина и считала возможнымъ несмотря на недостатки Сената воспользоваться имъ для достиженія благихъ результатовъ съ помощью указовъ,—то начала она съ того, что обновила составъ сенаторовъ и умалила значеніе сенаторовъ прежней, такъ сказать „елисаветинской закваски“. Затѣмъ, такъ какъ на первомъ планѣ сенатскихъ недостатковъ стояла медленность въ рѣшеніи дѣлъ, мы видимъ, что Ека-

терина борется съ нею, подобно своимъ предшественникамъ. Она издаетъ нѣсколько постановленій для ускоренія дѣлопроизводства. Уже въ 1762 году указывается вмѣсто подписыванія протоколовъ восемью сенаторами — ограничиваться, даже по важнымъ дѣламъ (государственнымъ и апелляціоннымъ), подписаніемъ четырехъ. За этимъ повелѣніемъ слѣдуетъ другое о подписаніи протоколовъ только секретарями. О самихъ протоколахъ сказано, что писать ихъ нужно какъ можно болѣе кратко, со внесеніемъ нѣсколькихъ маловажныхъ дѣлъ въ одинъ. Одновременно запрещается разсматривать уже рѣшенныя дѣла.

Въ Сентябрѣ того же (1762) года предписывается сенаторамъ быть въ засѣданіяхъ съ $8^1/_2$ до $12^1/_2$ часовъ дня и въ присутственное время имъ надлежитъ „стороннихъ рѣчей отнюдь не говорить".

Въ данномъ направленіи это были первые шаги Императрицы, но по нимъ видно, насколько твердо рѣшилась она бороться съ прежними и доселѣ неискорененными недостатками Сената. Между прочимъ, она требуетъ доставленія себѣ ежедневныхъ рапортовъ о рѣшенныхъ дѣлахъ, предполагая тѣмъ ускорить производство — но подобныя мѣры оказываются недѣйствительными. Онѣ цѣли не достигаютъ;—онѣ могутъ быть только временными. Требуется болѣе полное преобразованіе Сената, коренная реформа. Вѣсти о приближеніи ея начинаютъ проникать въ общество.

Все сдѣланное до сихъ поръ было только переходнымъ средствомъ и Императрица сознаетъ необходимость болѣе глубокихъ преобразованій. Ея мнѣніе раздѣляютъ нѣкоторые приближенные, и одинъ изъ нихъ,

уже вскорѣ послѣ воцаренія Екатерины, представляетъ ей проектъ учрежденія постояннаго Императорскаго Совѣта. Онъ же предлагаетъ раздѣлить Сенатъ на департаменты.

Авторъ проекта—гр. Панинъ. Ему было поручено составить предначертанія тѣхъ „государственныхъ установленій", объ узаконеніи которыхъ было торжественно объявлено въ манифестѣ о восшествіи на Престолъ.

Набрасывая планъ предполагаемыхъ государственныхъ преобразованій, Панинъ не постѣснился прямо указать на недостатки Сената прошлаго царствованія и на то, что ему, по мысли его существованія, подобаетъ быть только подзаконнымъ мѣстомъ въ области суда, надзора и администраціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ говоритъ, что за всѣми судебными, по его выраженію, мѣстами—коллегіями, конторами и канцеляріями наблюдаетъ Сенатъ. Онъ ихъ всѣхъ „имѣетъ подъ управленіемъ, яко центръ, у котораго все стекается".—„Но онъ подъ государевою державною властью не можетъ имѣть права законодавца", его обязанность только согласовать дѣйствіе всѣхъ находящихся подъ его наблюденіемъ мѣстъ съ существующими уже законами. По мнѣнію Панина „(если можно осмѣлиться сказать), Сенатъ часто опредѣляетъ и рѣшаетъ вредныя дѣла по законамъ, разновременно изданнымъ, иногда скоропостижно, иногда неосмотрительно, иногда и пристрастно... часто не соображая, что по перемѣнамъ положенія въ государствѣ и по приключающимся обстоятельствамъ одно другому иногда можетъ дѣлать, а иногда и дѣйствительно дѣлаетъ подрывы".

Панинъ замѣтилъ черты существенной важности. Вотъ что онъ говоритъ далѣе: „Если же сіе безпрестанно наблюдать, то не только что, какъ изъ предписаннаго видно, Сенатъ выйдетъ изъ своей границы, но и теченіе дѣлъ въ правленіи государства часто будетъ останавливаться, и вмѣсто скорыхъ резолюцій будутъ нескончаемыя разсужденія и споры о новыхъ законахъ, а умалчивая, что физической и моральной резоны не дозволяютъ трактовать о законоданіи, а только оное разсматривать въ такомъ людномъ собраніи, которое однако же по другимъ резонамъ, какъ ниже будетъ сказано, тѣмъ не менѣе нужно и полезно".

Такимъ образомъ Панинъ напираетъ на подзаконность Сената и на главную его обязанность наблюдать за подчиненными мѣстами. Иначе говоря, онъ высказывается противъ тѣхъ фактическихъ привилегій, которыми Сенатъ обладалъ при Елисаветѣ Петровнѣ и которыя въ принципѣ у него оставались пока, въ первые мѣсяцы царствованія Екатерины.

Для функціи законодательства Панинъ считалъ необходимымъ установить „формою государственною верховное мѣсто лежисляціи, изъ котораго, яко отъ единаго Государя и изъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе, все ожитворяющее, оградить самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя".

Что же касается раздѣленія Сената на департаменты, то тутъ, по мнѣнію составителя доклада, „представляется штатскій политическій резонъ, еще важнѣйшій для Имперіи". Сверху политическое значеніе Сената подавлялось бы проектируемымъ Совѣтомъ, вну-

три — солидарность разбивалась бы многолюдствомъ общаго сенатскаго собранія и дробленіемъ его въ департаментахъ, приспособленныхъ къ серьезной служебной работѣ.

Екатерина, разсмотрѣвъ проектъ Панина, медлила осуществленіемъ общаго преобразованія управленія. Она давала проектъ на прочтеніе разнымъ лицамъ, сама дѣлала въ немъ безконечныя поправки и тѣмъ оттягивала время. Часть проекта, связанную съ раздѣленіемъ Сената на департаменты, необходимость заставила, однако, разсмотрѣть независимо отъ учрежденія Совѣта, и, рѣшившись на реформу, въ основаніе ея Императрица положила панинскій докладъ.

По предположеніямъ Панина Сенатъ надлежало раздѣлить на шесть департаментовъ [159]) и каждый былъ бы изъ пяти сенаторовъ. При первомъ департаментѣ оставался бы генералъ-прокуроръ, при остальныхъ по оберъ-прокурору. Сенатская Контора сохранялась, но принимала видъ департамента. Оберъ-прокуроры должны были руководиться генералъ-прокурорской инструкціей, потому что каждый департаментъ въ отношеніи приговора получалъ права Сената въ цѣломъ. Разъ въ недѣлю, по меньшей мѣрѣ, Сенатъ долженъ былъ собираться въ полное собраніе для обсужденія всякихъ новыхъ, въ департаментахъ еще не разсмотрѣнныхъ дѣлъ.

Въ своей запискѣ Панинъ дѣлаетъ попутно любопытную характеристику того, какъ относятся сенаторы къ дѣламъ: „каждый почитаетъ должность своего званія довольно исполненною, когда въ надлежащіе дни бываетъ въ присутствіи, гдѣ онъ въ должности

прокуроровъ и секретарей имѣетъ довольное знаніе и объясненіе законовъ, по которымъ онъ долженъ судить. На собственное же разсмотрѣніе законовъ, указовъ и дѣлъ такой судебный чинъ ни часа особливаго въ сутки не употребляетъ. Сенаторъ пріѣзжаетъ въ засѣданіе, какъ гость на обѣдъ, который еще не знаетъ не только вкуса кушанія, но и блюдъ, коими его будутъ потчивать".

Сурово критикуетъ Панинъ сенаторовъ и онъ увѣренъ, что со стороны Екатерины онъ долженъ встрѣтить только поддержку.

Но проектъ, хотя и проводилъ полезную реформу, грѣшилъ однимъ кореннымъ недостаткомъ, на который справедливо указываетъ Грибовскій [160]).—Въ объяснительной запискѣ къ проекту авторъ его указываетъ, что сенаторы являются въ засѣданія, какъ „гости, которымъ неизвѣстно, чѣмъ ихъ будутъ угощать". — Кто будетъ угощать? Конечно, — канцелярія. Между тѣмъ и при рекомендуемомъ новомъ устройствѣ Сената ничего не говорится объ участіи, хотя бы частичномъ, сенаторовъ въ подготовкѣ дѣла къ докладу.

Мнѣніе Панина о Сенатѣ должно было подтверждаться наблюденіями самой Императрицы. Интересно поэтому знать, въ какой мѣрѣ она воспользовалась представленнымъ ей планомъ преобразованій.

О проектированномъ Панинымъ Императорскомъ Совѣтѣ скажемъ лишь пока то, что, несмотря на колебанія Екатерины, соотвѣтственный манифестъ былъ всетаки подписанъ [161]). Онъ не имѣлъ дѣйствительныхъ послѣдствій, потому что былъ самою же Императрицею вскорѣ надорванъ. Теперь этотъ манифестъ [162]) вмѣстѣ

съ двумя черновыми проектами (существованіе которыхъ доказываетъ особое вниманіе Императрицы) хранится въ Государственномъ Архивѣ.

Въ 1762 году, такимъ образомъ, панинскій проектъ Совѣта принятъ не былъ. Какъ рѣшила поступить Императрица и окончательно ли она отвергла возможность созданія Государственнаго Совѣта, — объ этомъ скажемъ впослѣдствіи.

Въ Апрѣлѣ 1763 года именнымъ указомъ поручалось особому собранію, которое занималось уже обсужденіемъ вопроса о вольности дворянской, разсмотрѣть также и предположенія о раздѣленіи Сената на департаменты. „Мы не сомнѣваемся", писала по этому поводу Императрица, „что Сенатъ крайне прилагаетъ тщаніе и трудъ, чтобы оныя (дѣла) не запускать въ умноженіе, но число ихъ такъ велико, что одно дѣло другому препятствуетъ, и, по разнообразію ихъ матерій, въ замѣшательство и продолженіе приходитъ". Поэтому Императрица находила бы полезнымъ распредѣлить все число сенаторовъ по разнымъ департаментамъ, „дабы тѣмъ способомъ не одно дѣло въ Сенатѣ въ одинъ день трактовалось".

Собранію были предложены слѣдующіе вопросы:

1. Какой бы разборъ дѣламъ сдѣлать въ государствѣ Нашемъ текущимъ;

2. Сколько и какихъ департаментовъ въ Сенатѣ изъ господъ сенаторовъ учредить;

3. Коликому числу въ каждомъ департаментѣ сенаторовъ быть и прочихъ служителей и какого званія;

4. Какимъ порядкомъ въ каждомъ департаментѣ опредѣленныя дѣла производить;

5. Какой союзъ или общеніе всѣмъ департаментамъ между собою имѣть;

6. Какую силу каждый департаментъ имѣть долженъ, и въ какихъ случаяхъ всѣ въ полное собраніе собираться имѣютъ.

Панинскій проектъ служилъ трудамъ коммиссіи только въ качествѣ матеріала, потому что о немъ и другихъ Императрица говорила въ именномъ указѣ такъ: „а какіе къ сему же дѣлу старые и новые у насъ проекты нашлись, мы оные въ собраніе при семъ отсылаемъ, которые къ совѣтамъ служить могутъ нѣкоторымъ поводомъ". Сама коммиссія также приняла панинскій проектъ не какъ нѣчто обязательное, а, оставаясь самостоятельной по отношенію къ вопросу, внесла въ него измѣненія. 15 Декабря 1763 года появился манифестъ о раздѣленіи Сената на департаменты (и одновременно другой, связанный съ первымъ, о пополненіи судебныхъ мѣстъ достойными людьми).

Въ общемъ, совѣщаніе осталось вѣрнымъ проекту Панина. Было достигнуто только болѣе систематичности въ распредѣленіи дѣлъ по департаментамъ, при сохраненіи предложеннаго проектомъ числа ихъ [163]).

Первые четыре департамента должны были дѣйствовать въ Петербургѣ, два другихъ замѣнить Сенатскую Контору въ Москвѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы пятый департаментъ соотвѣтствовалъ первому петербургскому, а шестой — второму. При первомъ деп., какъ и по проекту Панина, долженъ былъ состоять генералъ-прокуроръ, въ другихъ департаментахъ оберъ-прокуроры, по одному, съ правами генералъ-прокурора. Рѣшенія департамента имѣли силу рѣшеній Сената въ

общемъ собраніи. Разногласіе въ департаментахъ обязывало генералъ-прокурора, по докладу оберъ-прокуроровъ, переносить дѣло въ общее собраніе. Значеніе канцеляріи оставалось прежнимъ.

Всѣхъ сенаторовъ было 28.—Въ первомъ департаментѣ: Бестужевъ, Неплюевъ, Олсуфьевъ и Кн. Я. П. Шаховской; во второмъ: Козловскій, Трубецкой, Суворовъ, Скавронскій, Ушаковъ и оберъ-прокуроръ Всеволожскій; въ третьемъ: Бутурлинъ, Корфъ, Муравьевъ, Н. И. Панинъ, Чернышевъ и оберъ-прокуроръ Соймоновъ; въ четвертомъ: Р. Л. Воронцовъ, Волконскій, Милославскій, Разумовскій, Шереметевъ и оберъ-прокуроръ Ф. Орловъ; въ пятомъ: Ададуровъ, И. Воронцовъ, Салтыковъ, Ф. И. Соймоновъ и оберъ-прокуроръ Камынинъ; въ шестомъ: Брылкинъ, Желябужскій, Одоевскій, Протасовъ.

Новые сенаторы и оберъ-прокуроры были назначены оффиціально 23 Января 1764 года, а черезъ мѣсяцъ послѣ нихъ и генералъ-прокуроръ — кн. Вяземскій. Послѣднему суждено было играть крупную роль и вотъ почему.— Въ началѣ царствованія Императрица часто лично присутствуетъ на засѣданіяхъ Сената, но потомъ, съ переустройствомъ его, она сносится съ высшей коллегіей (въ началѣ по преимуществу, а затѣмъ почти исключительно) черезъ генералъ-прокурора, который сталъ посредствующимъ звеномъ между Императрицею и Сенатомъ.

Обличенный въ злоупотребленіяхъ, прежній генералъ-прокуроръ Глѣбовъ былъ смѣщенъ. Новый заслужилъ репутацію честнаго и способнаго человѣка. Онъ 29 лѣтъ занималъ свою должность и въ лицѣ

его екатерининскій генералъ-прокуроръ пріобрѣлъ особое значеніе въ дѣлахъ высшаго управленія, какъ ближайшій къ Монарху совѣтникъ.

Передъ вступленіемъ въ исполненіе своихъ обязанностей кн. Вяземскій получилъ отъ Екатерины особое „Секретнѣйшее Наставленіе“, въ которомъ она высказывала свои взгляды на его должность. Екатерина говорила между прочимъ такъ: „а вреднѣе для общества ничего быть не можетъ, какъ генералъ-прокуроръ такой, который къ своему Государю совершеннаго чистосердечія и откровенности не имѣетъ; такъ какъ и для него хуже всего неимѣть отъ Государя совершенной довѣренности, понеже онъ, по должности своей обязанъ сопротивляться наисильнѣйшимъ людямъ, и слѣдовательно власть государская одна его подпора“.

Объясняя затѣмъ генералъ-прокурору сущность его должности, Екатерина не скрываетъ отъ него непріятныхъ сторонъ его будущей дѣятельности. Хотя она обезопасила старыхъ сенаторовъ (елисаветинскихъ), размѣстивъ ихъ по разнымъ департаментамъ и назначивъ новыхъ своихъ, но, тѣмъ не менѣе, въ общемъ собраніи старые сенаторы могутъ составить сплоченную партію и имѣть вліяніе на другихъ [164]). Поэтому на генералъ-прокурора возлагается щекотливая обязанность предупреждать подобныя явленія, соотвѣтственно чему Екатерина говоритъ далѣе въ своей инструкціи:— „Въ Сенатѣ найдете вы двѣ партіи, но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныя отнюдь не уважать, дабы имъ чрезъ то не подать твердости и онѣ бы скорѣе тѣмъ исчезли, а только смотрѣла я

за ними недреманнымъ окомъ, людей же употребляла по ихъ способности къ тому или другому дѣлу. Обѣ партіи стараться будутъ нынѣ васъ уловить въ свою сторону. Вы въ одной найдете людей честныхъ нравовъ, хотя и недальновидныхъ разумомъ; въ другой, думаю, что виды далѣе простираются, но не ясно, всегда ли оныя полезны".

Далѣе Императрица рекомендуетъ генералъ-прокурору быть „бездѣльникамъ въ страхъ, а честнымъ людямъ въ покровительствѣ" и предаетъ порицанію то время, когда бездѣльники играли въ государствѣ господствующую роль. Она критикуетъ елисаветинское управленіе и елисаветинскій Сенатъ, который, „вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ".

Такъ какъ непосредственно послѣ указанія на недостатки елисаветинскаго Сената Екатерина говоритъ о допустимости только самодержавной формы правленія для Россіи, то это наводитъ В. М. Грибовскаго [165]) на мысль, что въ этой части „Наставленія" Императрица просто отвѣчала на собственный ходъ мыслей, вызываемый попытками ограниченія ея власти, которыя были произведены, но не сторонниками Сената (его чрезмѣрная власть происходила отъ „неприлежанія къ дѣламъ нѣкоторыхъ предковъ"), а со стороны Панина съ единомышленниками, стремившимися учредить Императорскій Совѣтъ на правовыхъ основаніяхъ въ противовѣсъ вліяніямъ „припадочныхъ людей".

Отъ проницательности Екатерины не укрылся и прежній вопросъ о канцеляріи: „Труднѣе вамъ всего

будетъ", говоритъ она Вяземскому, „править канцеляріею сенатскою и не быть подчиненными обмануту".

Итакъ, мы видимъ, что Императрица серьезно смотритъ на обязанности генералъ-прокурора и придаетъ имъ большое значеніе, не боясь открывать передъ довѣреннымъ лицомъ внутреннихъ ранъ Сената, не стѣсняясь критиковать громко предыдущее правленіе. Въ общемъ инструкція кн. Вяземскому представляетъ собою не только непосредственный дѣловой наказъ должностному лицу, но какъ бы и исповѣданіе вѣры Екатерины, которое она считала необходимымъ сообщить помощнику.

Наставленіе вводитъ генералъ-прокурора въ „наисекретнѣйшія матеріи" касательно финансовъ, направленія законодательства и внутренней политики въ отношеніи нѣкоторыхъ окраинъ. „Великая нужда", говоритъ оно, „состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ, а у насъ по счетамъ монетнаго департамента не болѣе 80.000.000 серебра въ народѣ, если не менѣе"... „законы наши требуютъ исправленія; первое, чтобы ввести въ одну систему, которой и держаться, другое, чтобы отрѣшить тѣхъ, которые оной прекословятъ; третье, чтобы раздѣлить временные и на персонъ данные отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ"... „Малая Россія, Лифляндія, Финляндія, суть провинціи... называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на таковомъ основаніи, есть большая нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупостью".

Генералъ-прокуроръ при Екатеринѣ не око Государево, — онъ становится двигателемъ всего управленія; фактически онъ министръ юстиціи, финансовъ,

онъ государственный казначей и государственный контролеръ. Въ качествѣ начальника сенатской канцеляріи и всѣхъ оберъ-прокуроровъ онъ имѣетъ преобладающее значеніе въ Сенатѣ, но кромѣ того онъ дѣлается и единственнымъ посредникомъ между Сенатомъ и верховною властью. Нѣкоторыя части управленія переходятъ въ его непосредственное завѣдываніе. Таковы соляная промышленность, ассигнаціонный банкъ, впослѣдствіи почтовое управленіе и т. д.

Положеніе генералъ-прокурора имѣло вліяніе и на извѣстное возвышеніе перваго департамента надъ другими [166]). Главнымъ образомъ только первый и второй, несмотря на равенство съ остальными, получили дѣйствительное значеніе. Въ третьемъ и четвертомъ сосредоточивались такія дѣла, которыя имѣли отдѣльныхъ представителей, пользовавшихся правомъ непосредственнаго доклада Императрицѣ.—Во главѣ народнаго просвѣщенія стоялъ Бецкій, полиція имѣла генералъ-полиціймейстера, академія — президентовъ; Военная и Адмиралтействъ Коллегіи не были въ прямомъ подчиненіи Сенату. Для улучшенія различныхъ частей управленія начали создаваться спеціальныя коммиссіи. Надзоръ за всѣми таможенными сборами былъ порученъ Миниху; Камеръ-Коллегія была подъ начальствомъ кн. Куракина, а онъ по служебнымъ преимуществамъ былъ приравненъ къ сенаторамъ. Привилегію прямого обращенія къ Императрицѣ имѣла и Межевая Экспедиція, возникшая на правахъ сенатскаго департамента (1794).

Съ момента реформъ Сенатъ становится главнымъ образомъ учрежденіемъ административно-судебнымъ,

высшимъ органомъ суда и надзора, хотя это объединеніе судебныхъ дѣлъ въ Сенатѣ и желаніе создать изъ него по преимуществу учрежденіе судебное и контролирующее не было явленіемъ новымъ. Уже ранѣе дѣлались весьма существенные шаги къ тому, чтобы поставить Сенатъ прежде всего во главѣ суда.

Какъ способъ надзора за подчиненнымъ управленіемъ было принято доставленіе въ Сенатъ послужныхъ списковъ (1763) и губернскія донесенія. Конечно, Сенатъ располагалъ и прежними средствами: донесеніями подчиненныхъ мѣстъ и прокуратуры. Теперь съ прокурорами начали конкурировать губернаторы.

Генералъ-прокуроръ являлся прямымъ представителемъ прокурорскаго надзора только въ общемъ собраніи и, по причинѣ своего особеннаго положенія, потерялъ прежнюю крѣпкую связь съ Сенатомъ. Но если его надзоръ нѣсколько умалился, то продолжалъ развиваться надзоръ прокуроровъ въ коллегіяхъ и губерніяхъ. Законодательство о нихъ идетъ безостановочно впередъ и обязанности ихъ неоднократно подтверждаются. Прокурорамъ попрежнему предписано помнить, чтобы не на столѣ судейскомъ только дѣла вершились, но чтобы „вездѣ все безъ отлагательства исполняемо было“.

Въ 1767 году прокурорскій надзоръ распространенъ на всѣ департаменты коллегій и Суднаго Приказа, причемъ коллежскія и иныя канцеляріи поступали въ подчиненіе къ прокурорамъ. Въ томъ же году сенатскій указъ опредѣлилъ, что недѣйствительны всѣ тѣ постановленія присутственныхъ мѣстъ, на которыя прокуроръ не выскажетъ согласія.

Контроль прокуратуры распространился и на отдѣльныя конторы и провинціальныя канцеляріи.

Такъ усилилась одна сторона надзора. Но для полнаго обезпеченія законности требовалось слѣдить за исполненіемъ своихъ обязанностей и Сенатомъ. Въ этомъ направленіи также дѣлаются шаги.

Помимо того, что введеніе оберъ-прокуроровъ усилило контроль надъ Сенатомъ въ шесть разъ, Императрица могла узнавать о дѣятельности верховной коллегіи еще по жалобамъ, представленіе которыхъ по важнѣйшимъ дѣламъ допускалось.

Но это было не все. Кромѣ надзора прокурорскаго и просительскаго, до извѣстной степени существовалъ надзоръ коллегій.—Въ 1765 году было подтверждено постановленіе генеральнаго регламента о томъ, что коллегія, усмотрѣвъ въ сенатскихъ указахъ что-нибудь несоотвѣтствующее государственнымъ пользамъ, должна письменно представлять Сенату. Если Сенатъ подтверждалъ свое приказаніе, — коллегія его исполняла, но доводила обо всемъ до свѣдѣнія Монарха. Къ этому правилу при Екатеринѣ была присоединена еще обязанность коллегій, при обнаруженіи двухъ противорѣчивыхъ сенатскихъ рѣшеній по одному и тому же дѣлу, ихъ въ исполненіе не приводить, а немедленно докладывать о томъ Сенату; послѣдній долженъ былъ разъяснять недоразумѣніе.

Въ екатерининское царствованіе вводятся улучшенія и въ сенатскомъ обиходѣ: вернулись (1764) къ порядку подписанія протоколовъ не только секретарями, но и присутствующими сенаторами. Въ 1766 году точнѣе опредѣляются обязанности оберъ-секретарей и весь

секретаріатъ подчиняется прокуратурѣ, причемъ косвенно Сенатъ подпадаетъ оберъ-секретарскому надзору.

Съ усиленіемъ надзора вообще находилось въ полномъ соотвѣтствіи возвышеніе генералъ-рекетмейстерской должности. Вводя безапелляціонность Сената, Петръ I думалъ чѣмъ нибудь обезпечить правоту сенатскаго рѣшенія и само принятіе челобитной на разсмотрѣніе. Средствомъ достиженія этого, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, явилось подписаніе Царемъ челобитной. Затѣмъ, однако, Преобразователь замѣнилъ себя „персоной знатной", на обязанность которой возложилъ просмотръ челобитныхъ и докладъ о нихъ Сенату.

Существо должности, занимаемой „персоной знатной", уже разсмотрѣно (гл. I), положеніе рекетмейстера въ различныя царствованія также извѣстно.—Возстановленная Елисаветой на петровскихъ основаніяхъ, должность эта изъ органа контроля надъ Сенатомъ превращается въ подготовительный органъ апелляціонныхъ дѣлъ. Генералъ-рекетмейстеръ елисаветинскаго царствованія уже лицо какъ бы косвенно подчиненное Сенату, получающее отъ него приказы и предписанія. Чтобы настаивать на прежнихъ правахъ онъ не чувствуетъ себѣ достаточной опоры.—Не то во время Екатерины. Генералъ-рекетмейстеры, находя поддержку въ энергичной Императрицѣ, не въ примѣръ своимъ предшественникамъ выказываютъ себя усиленной дѣятельностью. Они руководятся при исполненіи своихъ обязанностей петровской инструкціей.

Сенатскій судъ екатерининскаго времени не ограничивался одними дѣлами апелляціоннаго характера, но

захватывалъ также постановленіе рѣшеній въ первой инстанціи. Это были попрежнему дѣла о важнѣйшихъ государственныхъ преступленіяхъ, которыя подлежали разсмотрѣнію Сената въ усиленномъ составѣ, съ присоединеніемъ представителей высшаго подчиненнаго управленія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ измѣнилось положеніе Сената въ царствованіе Екатерины II. Занимая ранѣе, при Елисаветѣ, мѣсто совершенно исключительное, онъ въ новое царствованіе лишился прежняго значенія. И учрежденіе о губерніяхъ не проходитъ для него незамѣтно.—Сенатъ остается безъ непосредственнаго вліянія на дѣла мѣстнаго управленія. Учреждается сильная должность Государева Намѣстника, и она тоже находится лишь подъ номинальнымъ сенатскимъ контролемъ, ибо Намѣстники сносятся по преимуществу непосредственно съ верховной властью...

Такъ падало значеніе Сената.

Скоро онъ совершенно устраняется отъ законодательныхъ работъ; наиболѣе крупныя изъ нихъ идутъ помимо него. Сенатъ не принимаетъ участія въ трудахъ большой коммиссіи, въ которой присутствуетъ только одинъ, избранный имъ, депутатъ. Сенатъ становится лишь высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, но даже и на его судебныя рѣшенія приносятся жалобы Императрицѣ. Многія дѣла онъ принужденъ разсматривать вновь.

Послѣ выдѣленія Военной и Морской Коллегій изъ ряда другихъ, послѣ губернской реформы и учрежденія должности Намѣстниковъ и генералъ-губернаторовъ отъ стараго петровскаго Сената остается только тѣнь.

Обратимся теперь къ судьбѣ предположеній объ учрежденіи Совѣта.

Несмотря на то, что Совѣтъ не былъ образованъ въ 1762 году, Екатерина сознавала его необходимость. Даже пока шли разсужденія о проектѣ Панина она созываетъ собраніе „большого Государственнаго Совѣта“ [167]).

Когда проектъ затѣмъ принятъ не былъ, толки объ устройствѣ Совѣта продолжаются. Прусскій посланникъ гр. Сольмсъ въ депешѣ отъ 6-го (17) Января 1763 года сообщаетъ дошедшій до него слухъ, что Императрица рѣшилась „избрать пять или шесть человѣкъ, которые будутъ, со званіемъ статсъ-секретарей, управлять коллегіями; они будутъ собираться въ кабинетъ Императрицы, докладывать ей каждый по своей отрасли и получать отъ нея приказанія“. Гр. Сольмсъ прибавляетъ, что „всѣ распоряженія уже сдѣланы и вскорѣ будутъ приведены въ исполненіе“ [168]).

Австрійскій посланникъ гр. Мерси д'Аржанто доноситъ гр. Кауницу въ Декабрѣ 1762 года (27-го): „Кромѣ того, русская Императрица рѣшилась ввести во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ совершенно новое устройство и въ особенности учредить постоянный Государственный Совѣтъ изъ восьми лицъ“ [169])... Въ Февралѣ 1763 года тотъ же дипломатъ доноситъ своему правительству, что такое предположеніе хотя и было, теперь однако совершенно оставлено, ибо по вопросу о назначеніи членовъ Совѣта и способѣ созданія этого учрежденія между знатнѣйшими лицами русской націи, спеціально созванными, обнаружилось большое несогласіе [170]).

Изъ послѣднихъ словъ австрійскаго посланника слѣдуетъ, что всякая мысль о новомъ учрежденіи откинута, но уже 18-го Октября 1763 года тотъ же Мерси д'Аржанто пишетъ: „На дняхъ рѣшено собираться еженедѣльно два раза Государственному Совѣту, въ составъ котораго вошли гр. Бестужевъ, Панинъ, вице-канцлеръ кн. Голицынъ и д. т. с. Неплюевъ". О собраніяхъ Государственнаго Совѣта Мерси д'Аржанто упоминаетъ затѣмъ не разъ и, слѣдовательно, названный Совѣтъ фактически существовалъ въ первые годы царствованія Екатерины Второй, хотя, конечно, не въ полномъ и опредѣленномъ видѣ.

Установленный при началѣ первой турецкой войны и ближайшимъ образомъ для обсужденія всѣхъ дѣлъ, относящихся къ веденію этой войны, Совѣтъ имѣлъ видъ чрезвычайнаго собранія, въ которомъ предсѣдательствовала сама Императрица и своими устными и письменными предложеніями назначала предметы для разсужденія [171]). Его вѣдомству подлежали:

а) планы войны;
б) планы военныхъ операцій;
в) сверхштатныя пропитанія;
г) сверхштатныя издержки;
д) сношенія съ подлежащими департаментами;
е) проекты, относящіеся до предыдущаго;
ж) мирные договоры.

Членами Совѣта были знаменитѣйшіе сподвижники Екатерины. При первомъ его образованіи въ составъ Совѣта вошли: фельдмаршалъ гр. Кир. Разумовскій, гр. Никита Ив. Панинъ, кн. Александръ Мих. Голицынъ, кн. Михаилъ Никитичъ Волконскій, гр. Григ.

Зах. Чернышевъ, гр. Петръ Ив. Панинъ, гр. Гр. Григ. Орловъ, кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и вице-канцлеръ кн. Алексѣй Мих. Голицынъ. Со временемъ составъ этотъ значительно дополнялся.

Кромѣ постоянныхъ членовъ, къ присутствованію были приглашаемы разныя лица, спеціально знакомыя съ дѣлами, подлежавшими обсужденію Совѣта. Сохранилась на этотъ случай прежняя формула: „Впущенъ былъ въ Совѣтъ такой-то".

Для дачи свѣдѣній были призываемы: члены Адмиралтейской Коллегіи и командующіе флотами адмиралы, генералъ-кригсъ-коммиссаръ, инженеры, директоръ банка и др.

Имя Совѣта, хотя въ немъ разсуждали о всѣхъ вообще важныхъ дѣлахъ, ни при какомъ случаѣ не упоминалось.

Въ дальнѣйшемъ, уже въ Январѣ 1769 года, Совѣтъ мѣняетъ свой характеръ чрезвычайной коммиссіи, созванной для рѣшенія спеціальныхъ задачъ. Онъ получаетъ видъ постояннаго установленія, въ которое вносятся постепенно не только одни дѣла, касающіяся войны и мира.

Мало по малу кругъ его вѣдомства расширяется и вскорѣ онъ уже регулярно занимается всѣми дѣлами государственнаго управленія, но не самостоятельно, безъ всякой собственной власти. Въ Совѣтъ идутъ всеподданнѣйшіе доклады, реляціи и другія бумаги о событіяхъ особенной важности въ предѣлахъ Россіи, а также вопросы по части финансовъ и вообще по внутреннему, какъ военному, такъ и гражданскому управленію. Равнымъ образомъ Совѣту были предъяв-

ляемы манифесты и указы Императрицы, которыми возвѣщались важныя преобразованія или призывались къ жизни новыя разнообразныя учрежденія, составившія славу Екатерининскаго царствованія.

Извѣстно, что Императрица, по введеніи въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ, думала о преобразованіи Сената, согласно новымъ потребностямъ управленія. Департаменты его должны были соотвѣтствовать разнымъ частямъ и установленіямъ новой губернской администраціи:

1-й департаментъ—губернскому правленію,

2-й деп.—казенной палатѣ и т. д.,

но это предположеніе осталось безъ послѣдствій.

Сводя во едино все сказанное о Сенатѣ во время царствованія Екатерины Второй, мы придемъ къ тому конечному выводу, что въ сферѣ высшаго управленія за этотъ періодъ произошли многочисленныя реформы, отчасти подсказанныя предыдущими царствованіями, отчасти вызванныя еще стародавними недостатками петровскаго управленія. Теперь три главныя функціи поручены различнымъ учрежденіямъ. Законодательство отошло къ Совѣту. Управленіе отдавалось генералъ-прокурору и другимъ отдѣльнымъ лицамъ съ правами министровъ. Сенатъ сдѣлался высшимъ судебнымъ учрежденіемъ въ государствѣ.

И послѣднее преобразованіе произошло не столько какъ послѣдствіе крутого и неожиданнаго перелома внутренней политики, а какъ совершенно мирная спеціализація дѣятельности.

Значенія своего Сенатъ не потерялъ, но сталъ подзаконнымъ учрежденіемъ. Онъ не обладалъ прежней своею всеобъемлющей силой времени елисаветинскаго царствованія, но не падалъ такъ рѣзко, какъ въ эпоху Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета.

Для возрожденія послѣднихъ съ „самодержавной" силой (по выраженію тестамента Екатерины Первой), возникло непреодолимое препятствіе въ лицѣ Екатерины Второй, достойной наслѣдницы Петра Великаго.

Она не поручитъ политическаго управленія особымъ „Совѣтамъ" и не уступитъ его, подобно Елисаветѣ, Сенату. Ей не нужно облегчать бремя правленія,—она хочетъ и можетъ сама его нести [172]). Она не оставитъ въ рукахъ Сената законодательной власти, ибо учрежденіе, подобное петровскому „Управительному Сенату", не нашло бы себѣ мѣста въ системѣ новыхъ учрежденій, задуманныхъ Императрицею.

Въ этомъ объясненіе судьбы панинскаго проекта 1762 года. Онъ былъ построенъ на основаніи опыта елисаветинскаго времени, и затѣмъ предложенъ Екатеринѣ, правленіе которой само должно было создать эпоху въ русской исторіи.

Замыслы Панина не удались...

То, чего Императрица желала,—она проводила въ жизнь тѣмъ болѣе свободно, что ея неослабѣвающая воля, слегка поколебавшаяся только въ послѣдніе годы царствованія, твердо держала бразды правленія.—Только съ Екатериной Великой мы встрѣчаемъ опять одно господствующее направленіе, одну руково-

дящую волю, которой не видно было съ самой кончины Петра, замѣчаетъ вполнѣ справедливо С. Ешевскій [173]).

„Есть Государи", говоритъ составитель одного историческаго сборника (1806 г.), „въ коихъ нечего похвалить, кромѣ нѣкоторыхъ безполезныхъ добродѣтелей. Для Царей не довольно быть добродѣтельными; надобно, чтобъ они имѣли умъ, науками украшенный: такой Государь представляетъ прекраснѣйшее зрѣлище. Такова безсмертная Екатерина, достойно нами прославляемая".

„О Россія, любезное мое отечество!—говоритъ она, ты ввѣрила Мнѣ скипетръ! Я оправдаю твое избраніе; всѣ минуты жизни моей употреблю на содѣланіе тебя щастливою; даю тебѣ въ томъ торжественный обѣтъ" [174]).

Могъ ли Петръ Третій быть сколько нибудь серьезнымъ противникомъ Екатерины, которую мы видимъ столь исторически знаменательной?—На это онъ отвѣтилъ самъ, на это отвѣтилъ народъ, радостно привѣтствовавшій Екатерину.

Ею онъ былъ сразу разгаданъ,—это былъ ея народъ... На него она опирается.

Поэтому то она такъ просто и естественно говоритъ въ письмѣ къ Понятовскому слѣдующія слова [175]): „Sachez que tout se fait par le principe de la haine contre les étrangers; que Pierre III passe lui même pour tel" [176]). Она то уже не иностранка...

„Я Русская Императрица, а не Лифляндская принцесса", сказала однажды Екатерина и была потому

права, что слова свои оправдала. Она могла бы сказать: „Я и настоящая Русская Императрица“, а потомство за нее прибавило бы слова недавней Ангальтъ-Цербстской принцессы:

„Вторая послѣ Перваго Петра“,—ВЕЛИКАЯ.

X.

(6 Ноября 1796 года—11 Марта 1801 года).

Время Павла Петровича.

Одна изъ характеристикъ царствованія Екатерины Второй. Планъ реформъ Павла Перваго. Высочайшій Совѣтъ. Нерѣшенныя дѣла. Медленность въ дѣлопроизводствѣ Сената и причины ея.

Прекрасно охарактеризовано царствованіе Екатерины Второй у Андреева: „Екатерина любила распространять добро и счастіе вокругъ себя, и желавшихъ этого добра и счастія столпилось столько сотенъ тысячъ вокругъ нея, что милліоны, стоявшіе позади ихъ, вовсе не видали лучей этого солнца, свѣтившаго немногимъ, а Екатерина не была настолько геніальна, чтобы возвыситься надъ уровнемъ окружавшей ее толпы, и дать солнцу ея добрыхъ намѣреній и гуманности свѣтить всѣмъ“ [177]).

Случилось такъ, что не видѣлъ лучей и свѣта материнскаго солнца самъ сынъ Императрицы, будущій Императоръ Павелъ Петровичъ. Когда пришло его время, онъ, до тѣхъ поръ устраняемый отъ участія

въ управленіи, проявилъ необычайное рвеніе къ занятіямъ государственными дѣлами и къ преобразованію всего строя,—преобразованію, которое было направлено большею частью къ отмѣнѣ учрежденій Екатерины Второй.

До насъ дошли двѣ собственноручныя записки Павла I, дающія понятіе о планѣ государственныхъ реформъ, которыя онъ предполагалъ осуществить въ свое царствованіе. Государь хотѣлъ обратить Сенатъ въ исключительно судебное мѣсто, которое состояло бы изъ двухъ департаментовъ: уголовнаго и гражданскаго. Генералъ-прокуроръ завѣдывалъ бы, въ качествѣ министра Юстиціи, только Юстицъ- и Вотчинной Коллегіями. Весь проектъ въ цѣломъ указывалъ на стремленіе Государя сосредоточить въ своихъ рукахъ управленіе государствомъ. Изъ проекта замѣтно также было, что отъ вниманія Императора не ускользнуло развившееся исторически судебное значеніе Сената.

Дальнѣйшее показало, насколько удалось задуманное провести въ жизнь.

Занятіе Павла Петровича правительственными дѣлами привело къ тому, что Сенатъ сталъ въ собственномъ смыслѣ слова судебнымъ учрежденіемъ, хотя черезъ него проходятъ дѣла и чисто правительственнаго свойства. Такъ, напримѣръ, Сенату принадлежитъ извѣстная доля труда при составленіи Межевой Инструкціи, Сенатъ составляетъ Карантинный Уставъ, принимаетъ мѣры къ развитію въ Россіи шелководства; Сенату было поручено разсмотрѣть вмѣстѣ съ Синодомъ новое устройство быта духовенства.

Совѣтъ при Павлѣ Петровичѣ назывался „Совѣ-

томъ Его Императорскаго Величества и Высочайшимъ Совѣтомъ". Онъ состоялъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ Имперіи и обязанности его первоначально были велики. Въ 1796—1797 г.г. въ Совѣтѣ рѣшалось множество важныхъ вопросовъ. Къ концу царствованія онъ занимается большей частью дѣлами сравнительно ничтожной важности (напр. цензурою иностранныхъ книгъ). Но даже и въ ту пору уменьшенія своей дѣятельности онъ обсуждаетъ нѣкоторые законодательные вопросы. Эта отрасль, — законодательство, — вообще выдѣлилась какъ главный предметъ занятій Совѣта; во внутреннемъ управленіи и судѣ онъ принимаетъ самое незначительное участіе.—Послѣдняя область цѣликомъ отводится Сенату и значеніе его, какъ высшаго судебнаго учрежденія Имперіи, весьма усиливается при Павлѣ Петровичѣ.

Отъ предыдущаго царствованія, благодаря отчасти злоупотребленіямъ властью со стороны генералъ-прокурора, осталось множество нерѣшенныхъ дѣлъ. Количество ихъ достигало 11.476, и для того, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшему ихъ накопленію, надлежало прежде всего усилить дѣлопроизводство въ Сенатѣ. Павелъ Петровичъ принялъ рѣшительныя мѣры: для исполненія именныхъ указовъ, требующихъ скорыхъ распоряженій, Сенату предписывалось засѣдать въ полномъ составѣ и во всякое время; рѣшенія Сената приводились въ исполненіе, когда были подписаны тремя сенаторами; если же рѣшеніе было подписано только двумя лицами, то проектъ носили на подписаніе одному сенатору на домъ. На Высочайшее усмотрѣніе дѣла восходили исключительно при равенствѣ

голосовъ, въ остальныхъ же случаяхъ, когда несогласіе выражали одинъ-два сенатора, дѣла рѣшались по мнѣнію большинства.

Съ цѣлью ускоренія движенія судебныхъ дѣлъ въ Сенатѣ, уголовныя и слѣдственныя дѣла были переданы изъ второго департамента, обремененнаго ими, въ четвертый административный департаментъ и пятый—межевой. Дѣла послѣдняго были обращены въ первый департаментъ и, кромѣ того, образовано три новыхъ временныхъ департамента, при усиленіи состава сенатской канцеляріи. Слѣдствіемъ этихъ распоряженій было то, что почти всѣ департаменты Сената, не исключая и перваго, которому были переданы дѣла о ссыльныхъ, занялись разсмотрѣніемъ судебныхъ дѣлъ.

И всетаки быстрота рѣшенія дѣлъ замедлялась весьма существенно.

Этому содѣйствовало, напримѣръ, то, что въ Сенатъ переносились всѣ дѣла изъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ, которыя должны были до постановленія Сенатомъ рѣшенія своихъ резолюцій не исполнять. Число дѣлъ увеличивалось еще и отъ того, что было позволено подавать Государю жалобы на рѣшенія Сената.

По жалобамъ на постановленія общаго собранія докладывалъ Государю сначала генералъ-рекетмейстеръ въ присутствіи генералъ-прокурора, а потомъ эти дѣла стали восходить къ Императору прямо черезъ генералъ-прокурора. Послѣдній являлся центромъ всего внутренняго управленія. Онъ докладывалъ Государю по всѣмъ дѣламъ Сената и коллегій. Въ дальнѣйшемъ кругъ его дѣятельности постепенно расширялся, охва-

тивъ дѣла Ассигнаціоннаго Банка, Тайной Экспедиціи и коммиссіи о сочиненіи новаго Уложенія. Въ концѣ царствованія Павла Петровича генералъ-прокуроръ имѣетъ доклады по всѣмъ финансовымъ и контрольнымъ дѣламъ.

Укажемъ еще на нѣкоторыя особенныя причины медленности сенатскаго дѣлопроизводства. — Всѣ тяжебныя дѣла о казенныхъ интересахъ рѣшались въ губернскихъ судебныхъ палатахъ при участіи казенныхъ палатъ, а затѣмъ переходили въ общее собраніе Сената, откуда поступали во всякомъ случаѣ на Высочайшее усмотрѣніе. Затѣмъ, на быстроту рѣшенія дѣлъ вліяло и то, что уклоненія отъ обычныхъ правилъ бывали весьма весьма не рѣдки. Иногда тяжебное дѣло получало рѣшеніе въ пользу пропустившаго двѣ давности; другое переходило изъ первой инстанціи, минуя среднюю, прямо въ Сенатъ. Бывали случаи, когда только что заслушанное дѣло въ Сенатѣ останавливалось и рѣшалось самимъ Государемъ по словамъ только одного участника. Всѣми этими изъятіями массы судебныхъ дѣлъ изъ общаго порядка затруднялся сильно ходъ дѣлопроизводства и увеличивалась медленность. Кромѣ того, несмотря на явно выразившееся исключительно-судебное значеніе Сената и на признаніе этого значенія, ему продолжаютъ отдаваться въ вѣдомство административныя дѣла, причемъ это дѣлается не на какой либо отдѣльный случай, а съ вполнѣ обдуманной цѣлью поручить часть управленія. При Сенатѣ существовала экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домо-

водства. Затѣмъ при немъ образуется новая экспедиція государственныхъ конскихъ заводовъ.

Въ Сенатѣ при Павлѣ Петровичѣ соединялась вмѣстѣ съ судебной функціей и административная, хотя, въ то же время, почти все управленіе перешло къ генералъ-прокурору и новоучрежденнымъ министерствамъ.

Краткимъ разсмотрѣніемъ времени Императора Павла заканчиваемъ мы „Первый Вѣкъ Сената". Остается сказать лишь нѣсколько заключительныхъ словъ.

Возникнувъ въ дни укрѣпленія дѣйствительно направляющаго и творческаго всероссійскаго единодержавія, Сенатъ зародился въ качествѣ важнѣйшаго органа самодержавной власти и даже, въ извѣстныхъ предѣлахъ, обладалъ ея правами. На всемъ протяженіи своего существованія онъ подвергался измѣненіямъ и часто они его настигали въ связи съ тѣмъ, насколько верховная власть была могущественна и сама себя сознавала.

Въ годы упадка, при правителяхъ слабыхъ, передававшихъ свою власть случайнымъ посредникамъ, Сенатъ все же жилъ, и эти тяжелыя для него времена говорятъ, что всегда онъ былъ несомнѣнною, хотя и часто отрицаемою необходимостью. Необходимъ, въ своемъ значеніи дѣйствительно правительствующаго, онъ былъ въ сущности и тогда, когда Верховный Тайный Совѣтъ расхищалъ его права и права Монарха. Необходимъ онъ былъ и тогда, когда Кабинетъ заслонялъ собою Государя отъ государства и государство

отъ Государя. Необходимымъ въ своей роли дѣйствительно правительствующаго онъ былъ до самаго возникновенія министерствъ и александровскаго Государственнаго Совѣта. И, съ тѣхъ поръ, сохранившись въ качествѣ высшаго судебнаго учрежденія съ опредѣленными административными функціями, онъ оставляетъ за собою именно то первое мѣсто, которое ему должно принадлежать при наличности нынѣшнихъ высшихъ учрежденій.

Исторія Сената нераздѣльно связана съ исторіей Россіи за время его существованія.

На его исторіи отражается власть, на ней отражается жизнь.

Сенатъ не является незыблемымъ, неподвижнымъ установленіемъ. Находясь не въ сторонѣ, а въ центрѣ историческихъ движеній, онъ первый ощущаетъ на себѣ толчки, вызываемые этими движеніями. Онъ то выдвигается впередъ, то затирается, но ни разу не отрывается отъ своего корня. Неоднократно замиралъ онъ, но не умеръ, былъ побѣждаемъ, но не уничтоженъ.

Въ сутолокѣ событій дорога его часто суживалась и какъ бы искривлялась, но не затерялась. Она привела Сенатъ къ его логическому и законному мѣсту.

Примѣчанія.

I.

1. Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго. Изд. 2, М. 1838, т. 4, — 324.

2. Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи. Изд. 2, Спб. 1905,—421.—Поповъ. Татищевъ и его время. М. 1861,—20. — О проектахъ коллегій см. также: Бар. Люберасъ и его записка объ устройствѣ коллегій въ Россіи. Э. Берендтсъ. Спб. 1891.

3. Государственное хозяйство, тамъ же.

4. Мнѣніе С. Петровскаго. О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. М. 1875.

5. П. С. З. № 2321. Иначе смотритъ на учрежденіе Сената Валишевскій.— Pierre le Grand. 6 ed. P. 1905. p. 532—533.

6. П. С. З. № 2328.

7. П. С. З. № 2330.

8. О прежнемъ Разрядномъ Приказѣ см.: Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Изд. 3, Спб. 1884,—98.

9. П. С. З. № 2331.

10. Персидской торгъ умножить, и армянъ, какъ можно припаскать и облегчить, въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзду.

11. Петровскій. О Сенатѣ,—31.

12. П. С. З. № 2331.

13. П. С. З. № 2330, п. 9.

14. Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. Н. Муравьевъ. М. 1889,—247.

15. П. С. З. № 2786.

16. П. С. З. № 3479.

17. Прокурорскій надзоръ, — 248. Тамъ же, — 249:

Нигдѣ въ другихъ источникахъ объ этихъ земскихъ фискалахъ не упоминается, и если принять весьма вѣроятное мнѣніе г. Петровскаго, считающаго эту „инструкцію“ за одинъ изъ проектовъ-переводовъ съ шведскаго, написанныхъ Фикомъ, то слѣдуетъ предположить, что она просто содержитъ въ себѣ изложеніе особыхъ „земскихъ“ обязанностей, которыя исполнялись ординарными фискалами.

18. П. С. З. № 4698.

19. П. С. З. № 2339.

20. П. С. З. № 2342.

21. Государственное хозяйство, изд. 2, — 307.

22. П. С. З. № 3264.

23. П. С. З. № 3877.

24. О Сенатѣ, — 249. — См. Грибовскій. Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины II. Спб. 1901, — 7.

25. Петровскій, — 250. — Грибовскій, — 7.

26. Грибовскій, — 8.

27. П. С. З. № 2787.

28. Грибовскій, — 9.

29. П. С. З. № 3900.

30. П. С. З. № 3896.

31. Прокурорскій надзоръ, — 249: Петръ долго колебался въ выборѣ этого важнаго сановника и даже открытымъ признаніемъ своихъ затрудненій мотивировалъ временную мѣру — назначеніе перемѣннаго дежурства штабъ-офицеровъ гвардіи для исполненія фискальныхъ обязанностей при Сенатѣ.

П. С. З. № 3721: Понеже государственнаго фискала выбрать не можемъ, того ради пока оный учиненъ будетъ опредѣляемъ по одному изъ штабъ-офицеровъ гвардіи быть при Сенатѣ.

32. П. С. З. № 3979, п. 11.

33. Градовскій. Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры. Спб. 1866, — 116.

34. О Сенатѣ, — 184.

35. Прокурорскій надзоръ, — 288.

36. См. Грибовскій, — 24.

37. Тамъ же.

38. Тамъ же.

39. П. С. З. № 3877.

40. Никитенко. Похвальное Слово Петру Великому. Спб. 1838.

II.

41. Разсказъ Ѳеофана Прокоповича. Записки о Россіи при Петрѣ Великомъ, извлеч. изъ бум. гр. Бассевича. Пер. съ франц. Аммона. М. 1866, стр. 183.

Въ залъ засѣданія вошли также еще и гвардейскіе офицеры, которые громко высказывались, что они всѣ за Екатерину. Это одно уже сильно вліяло на совѣщавшихся. Въ то же время никто изъ нихъ не посмѣлъ спросить офицеровъ, зачѣмъ и по какому праву они явились.

42. Вилліамсъ, К. Записки о Петрѣ Великомъ. Переводъ Олина. Спб. 1835, — 219.

43. Интересно съ этимъ сопоставить слова одного изданія середины XVIII столѣтія:

„По кончинѣ сего безсмертной славы достойнаго Государя и Монарха Імператора ПЕТРА Великаго, и *посилѣ завѣщанія* Его Величества, вступила на Всероссійскій престолъ новокоронованная Его высокоупомянутая супруга и Імператрица Великая Государыня, ЕКАТЕРІНА АЛЕКСІЕВНА, самодержица Всероссійская...“; — Введеніе въ Генеральную ІСТОРІЮ, изданное на Нѣмецкомъ языкѣ отъ ГІЛЬМАРА КУРАСА, а на россійской языкъ переведено Канцеляріи Академіи Наукъ Секретаремъ Сергѣемъ Волчковымъ. При Имп. Ак. Наукъ, Спб. 1747, — 180.

44. Поповъ, Н. Татищевъ и его время, — 90.

45. Высшая Администрація, — 137.

46. Тамъ же.

47. Сборникъ И. Р. И. О. т. 64, стр. (тома) 253.

48. Государственное Хозяйство. Изд. 1-е, — 564.

49. П. С. З. № 4830.

50. Waliszewski, K. L'Héritage de Pierre Le Grand. 3-me ed. Paris 1900; p. 25. Срв. Вяземскій, Б. Л. Кн. —

Верховный Тайный Совѣтъ. Спб. 1909,—18.

51. Опредѣленіе В. Т. Совѣта отъ 8-го Февраля.

52. Филипповъ, А. Исторія Сената въ Правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Часть I. Сенатъ въ Правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Отд. отт. изъ „Учен. Записокъ И. Ю. Университета". Юрьевъ, 1895,—148.

53. Тамъ же,—149.

54. Тамъ же,—150.

55. Тамъ же,—151.

56. См. тамъ же,—156. Срв. Алексѣевъ. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины 1. Отд. отт. изъ журн. „Русское Обозрѣніе". М. 1896,—99.

57. „Какъ денегъ, такъ и товаровъ и другихъ вещей безъ Нашего указу за собственноручнымъ Нашимъ или всего Великаго Тайнаго Совѣта подписаніемъ, кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ ни въ какіе чрезвычайные расходы отнюдь не отпускать". П. С. З. № 4930.

58. Возстановленіе это должно было совершиться еще 7-го Іюля 1725 г. по указу Екатерины, который остался мертвой буквой. Указъ „о должности" Сената постановилъ: „Ревизіонъ-контору имѣть счетомъ въ полномъ вѣдѣніи Сената". Измѣненій въ положеніи отъ такого повторенія, однако, не произошло и въ Октябрѣ 1726 года Сенатъ самъ проситъ возстановить Ревизіонъ-Коллегію, напоминаетъ безполезный указъ 7-го Іюля и говоритъ, что Ревизіонъ-контора все еще не существуетъ... Вопросъ, наконецъ, разсматривается въ Совѣтѣ, который, не высказываясь принципіально, предлагаетъ своего кандидата въ предсѣдатели. Только 24-го Февраля издается возстановляющій коллегію указъ.

59. Филипповъ. Исторія Сената,—211.

60. Оберъ-прокуроръ, замѣняя генералъ-прокурора.

61. П. С. З. № 4698.

62. П. С. З. № 4738.

III.

63. Филипповъ, Исторія Сената,—211.

64. П. С. З. № 5078.

IV.

65. De Manstein. Memoires sur la Russie. Leipzig 1771, 29—30.

66. Соловьевъ. Исторія Россіи. Изд. Тов. „Обществ. Польза". Спб. т. XIX, гл. 3 (4,—1145).

67. Le Clerc, Histoire, 42.

68. О самихъ пунктахъ см.: Соловьевъ, т. XIX, гл. 3 (4, 1150).—Карновичъ. Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 г. Отечеств. Записки Спб. 1872 г. т. CXCX,—489, а также и 500.—Милюковъ. Верховники и шляхетство. Ростовъ н/Д. 1905. Изд. „Донская Рѣчь",—13.

69. Manstein, 34.—„Надо бы намъ себѣ полегчить, такъ полегчить, чтобы воли прибавить".

70. Настоящая причина, говоритъ Манштейнъ, по которой герцогинѣ Курляндской было оказано предпочтеніе, заключается въ томъ, что она была въ Митавѣ и что ея отдаленіе давало время утвердить республиканскую систему, которую придумали. Manstein, 35.

71. Исторія Россіи. Т. XIX, гл. 3 (4' 1153).

72. Корсаковъ. Воцареніе Импера-

трицы Анны Іоанновны. Казань, 1880,—77.

73. Тамъ же,—9.

74. Загоскинъ. Верховники и шляхетство 1730 года. Казань, 1881,—2.

75. Въ приложен. къ зап. Дюка Лирійскаго и Бервикскаго. Спб. 1845,—186.

76. Соловьевъ, т. XIX, гл. 3 (4, 1150).

77. Карновичъ (стр. 507) говоритъ, что Императрица очень хорошо понимала, что дѣйствительная сила заключается не въ партіи верховниковъ и челобитчиковъ, не въ дворянствѣ или массѣ народа, а въ войскѣ, которому она и старалась угодить.

78. Въ прилож. къ зап. Дюка Лирійскаго, 216—217.

79. Тогда Казанскій губернаторъ. Исторія Россіи, т. XIX, гл. 3 (4, 1151). Щегловъ. Государственный Совѣтъ въ Россіи. Ярославль. 1892,—608.

80. Въ В. Т. Совѣтѣ послѣ смерти Петра II находились, за исключеніемъ иностранца Остермана, извѣстнаго своею „правительственною значительностью“ (Арсеньевъ. Царствованіе Петра II, Спб. 1839), все именитые русскіе люди. Одинъ Головкинъ принадлежалъ къ среднему дворянству. Впрочемъ, и онъ, и Остерманъ, не принадлежа къ старинной русской знати, вступили всетаки въ свойство съ извѣстными фамиліями, первый—черезъ женитьбу сына на Ек. Ив. Ромодановской, второй — самъ женившись на М. Ив. Стрѣшневой.

81. Маркизъ Де-Ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 гг. Изд. Пекарскаго. Спб. 1862,—20.

82. Записки гр. Сегюра о пребываніи его въ Россіи въ царствованіе Екатерины II (1785—1789). Спб. 1865,—187.

83. Биронъ (Bühren)—„человѣкъ совершенно ничтожный по способностямъ и безнравственный по натурѣ“ (Платоновъ. Лекціи по Русской Исторіи. Спб. 1901, 474), интригами достигъ значительнаго положенія при дворѣ герцогини Курляндской. Послѣ напрасныхъ попытокъ быть принятымъ къ петербургскому двору, онъ заручился расположеніемъ Бестужева, гофмаршала двора герцогини. Затѣмъ онъ добился его немилости и самъ сталъ довѣреннымъ человѣкомъ Анны Іоанновны. Дворянство относилось къ нему съ презрѣніемъ.

Роль Бирона, какъ фаворита, была столь значительна, что однажды министры времени Петра II отвѣтили на просьбу объ увеличеніи содержанія герцогини, что они согласны все сдѣлать для нея, но не желали бы, чтобы Биронъ распоряжался финансами по своему усмотрѣнію.

84. Исторія Россіи, т. XIX, гл. 3 (4, 1216).

V.

85. П. С. З. № 5510.

86. Пощаженные вначалѣ фельдмаршалъ Долгорукій и его братъ были заключены одинъ въ Новгородѣ, другой въ Шлиссельбургѣ. Позднѣе, черезъ восемь лѣтъ, они были казнены.

87. Срв. Филипповъ, А. Кабинетъ Министровъ и Правительствующій Сенатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ (1731—1741 гг.). Сборникъ Правовѣдѣнія и Общественныхъ Знаній. М. 1897, т. VII, стр. 7.

88. Срв. тамъ же,—10.

89. См. тамъ же.

90. Тамъ же.

91. П. С. З. № 5869.

92. Срв. Сборникъ Правовѣдѣнія,—13.

93. Кромѣ уже ранѣе упомянутыхъ: Въ 1732 г. о доставленіи К. мнѣній флагмановъ флота о мѣрахъ къ его развитію; о подчиненіи вѣд. К. Медицинской Канц., — подобно Солян. Конт., подчиненной личному Кабинету; о представленіи на смотръ К. недорослей и отставныхъ офицеровъ; о подчиненіи К. двухъ счетныхъ комм. военнаго вѣдомства. Въ 1733 г. приказано представлять „Намъ самимъ въ Кабинетѣ Нашемъ" назначенныхъ С. воеводъ; представить въ К. списки офицеровъ. Въ 1734 г. подчинена К. Гл. Полиціймейстерская Канцелярія, но отмѣненъ указъ о представленіи воеводъ; повелѣно представлять донесенія по управленію малороссійскимъ краемъ по важнымъ дѣламъ въ К., по прочимъ въ С. Въ 1735 г., до 9 Іюня, повелѣно представлять кандидатовъ „на упалыя мѣста" малоросс. старшинъ и т. п.

94. Срв. Сб. Правов.,—18.

95. П. С. З. № 6745.

96. Съ указами Тайной Канц. возникло недоразумѣніе, т. к. завѣдывавшій ею А. Ушаковъ заявилъ, что въ К-ріи имѣются указы секретные, которые и С. объявить нельзя. Поэтому рѣшено было не требовать оттуда именныхъ указовъ.

97. Срв. Сборн. Правов.,—38.

98. Минихъ о Кабинетѣ: „Учрежденіе К. было нѣчто новое въ Россіи и не пріятное для всѣхъ (pas du gout de tout le monde), тѣмъ болѣе, что Остерманъ считался двоедушнымъ, а Черкасскій очень лѣнивымъ; тогда говорили, что Черкасскій былъ тѣломъ К., а Остерманъ душою, но не слишкомъ честною (peu integre)". Записки Миниха. Спб. 1874,—46.

99. И въ смыслѣ указа 4-го Марта.

100. Троцина. Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи. Спб. 1851,—213.

101. Князю Я. П. Шаховскому Волынскій сказалъ, что „оный еще большимъ числомъ достойныхъ людей есть намѣреніе наполнить". Записки Шаховского. Спб. 1872,—10.

VI.

102. Срв. Сборн. Правов.,—55.

103. Le Clerc,—107.

104. Кромѣ того въ С. былъ выработанъ Уставъ о Банкротахъ (П. С. З. № 8300) и онъ же продолжалъ дѣло составленія новаго Уложенія.

105. П. С. З. № 8288.

106. П. С. З. № 8293.

107. См. П. С. З. № 8289.

108. П. С. З. № 8294.—2-го Дек.

109. Высшая Администрація,—158.

110. Внутренній бытъ Русскаго Государства съ 17 Октября 1740 г. по 25 Ноября 1741 г. Т. II,—44.

111. Возстановленіе должности ген.-прокурора отразилось, въ общемъ, благотворно на положеніи С.—Ген.-прок. по прежнему былъ начальникомъ сен. канцеляріи. Черезъ него, уже не черезъ об.-прокурора, проходятъ наиболѣе важныя дѣла.—Это вліяетъ на отношенія К. къ С., ибо ген.-прокуроръ, какъ и раньше, весьма значительное лицо. Срв. Сбор. Правов.,—56.

112. Сборн. Правов.,—57.

113. Тамъ же.

114. Докладъ Имп. Елисаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти Прав. Сената. Журн. М. Н. Просв., Февр. 1897,—247.

115. Подписали докладъ кн. Ив. Трубецкой, Peter Comte de Lacy, кн.

Алексѣй Черкасскій, Григ. Чернышевъ, А. Ушаковъ, В. Левашевъ, Головинъ, кн. Куракинъ (А), Ал. Бестужевъ-Рюминъ, кн. Н. Трубецкой и Ал. Нарышкинъ.

116. Баронъ Менгденъ, камергеръ и президентъ Коммерцъ-Коллегіи, содержался по воцареніи Елисаветы въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ былъ сосланъ. Та же участь постигла и оберъ-гофмаршала гр. Левенвольда, ст. д. с. члена Коллегіи Экономіи Темирязева, гр. Остермана, бывшаго фельдмаршала Миниха, гр. Головкина и Кабинетскаго секретаря А. Яковлева.

117. Костомаровъ. Изъ посмертныхъ записокъ. Императрица Елисавета Петровна. Вѣстникъ Европы. Спб. 1887, т. I,—70.

118. Тамъ же,—74. Принятіе титула Императрицы было, какъ говоритъ М. Семевскій (Русское Слово, Спб. 1858,—260) назначено на 7-е Декабря, день рожденія правительницы.

119. Де-Ла-Шетарди послалъ къ Левенгаупту курьера съ проектомъ манифеста. Левенгауптъ послушался совѣта. Костомаровъ, тамъ же,—73.

VII.

120. П. С. З. № 8480.

121. Костомаровъ. „В. Евр.“, 1887, т. II,—6.

122. Исторія Россіи, т. XXIII, гл. 4 (5,—786).

123. 13 Мая. П. С. З. № 10235.

124. П. С. З. № 11037.

125. Маркизъ Де-Ла-Шетарди.

126. „В. Евр.“ 1887, II, 69—74.

127. П. С. З. № 8492.

128. „В. Евр.“ 1887, II,—6.

129. Соловьевъ, Т. XXI, гл. 2 (5,—154).

130. Тамъ же, гл. 3 (204).

131. Тамъ же, гл. 4 (258).

132. „В. Евр.“ 1887, II, 11.

133. Соловьевъ, т. XXII, гл. 4 (5,—503).

134. П. С. З. № 11092.

135. Соловьевъ, т. XXI, гл. 2 (5,—144).

136. 22 Янв. П. С. З. № 10686.

137. 1755 г. Янв. 24. П. С. З. № 10346.

138. 1757 г. Нояб. 6. П. С. З. № 10776.

139. 1758 г. 21 Іюля. П. С. З. № 10860.

140. Высшая Администрація,—194.

141. Соловьевъ, т. XXI, гл. 4 (5,—254).

142. Тамъ же, т. XXII, гл. 3 (5,—450).

143. П. С. З. № 8480.

144. Докладъ гр. Панина Екатеринѣ II (Р. Ар., 1871,—1417).

145. „Секретнѣйшее Наставленіе“ Кн. Вяземскому.

VIII.

146. Грибовскій,—94.

147. 28 Янв. П. С. З. № 11418.

148. 18 Мая. П. С. З. № 11538.

149. Грибовскій,—95.

150. „Для вѣчнаго забвенія“. П. С. З. № 11445.

151. Сумароковъ. Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія. Спб. 1832,—24.

152. П. С. З. № 11444.

153. Интересный разсказъ объ этомъ у Соловьева, т. XXV, гл. I (5,—1249).

154. П. С. З. № 11245. — См. №№ 11183, 11188, 11207.

155. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, т. I, Спб. 1890,—399.—Екатерина, супруга Великаго Князя, писала въ то же время канцлеру Бестужеву

такъ:—„Я прошу васъ рекомендовать нашему общему другу, фельдмаршалу Апраксину, чтобы онъ, побивъ короля прусскаго, ограничилъ его старыми предѣлами“... (тамъ же, 316).

156. Грибовскій,—95.

IX.

157. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II, т. 2, Берлинъ.—38.

158. Грибовскій,—97.

159. Первый деп. долженъ былъ вѣдать государствен. внутреннія политическія дѣла, имѣть свѣдѣнія о числѣ народа, о государственныхъ доходахъ и расходахъ. Ему же подлежали дѣла по Синоду съ подчинен. мѣстами, по Иностранной Колл., по Камеръ-и Ревизіонъ-Коллегіямъ, по Штатсъ-и Соляной Конторамъ, Секретной и Тайной Экспедиціямъ и Приказному столу, а также дѣла о штатахъ и ревизіяхъ; второму деп. подлежали дѣла по рекетмейстерской конторѣ и герольдмейстерскія; 3-му отходили дѣла Бергъ,-Мануфактуръ-и Коммерцъ-Коллегій, Главнаго Магистрата и дѣла о путяхъ сообщенія и т. п. 4-му отдавались дѣла Юстицъ-и Вотчинной Коллегій, Суднаго и Сыскного Приказовъ, дѣла по Приказу Сибирскому, по генеральному межеванію и др. 5-му—дѣла Военной и Адмиралтействъ Коллегій, по Главному Коммиссаріатству, Инженерной, Провіантской Канцеляріямъ и др. 6-му отходили дѣла малороссійскія, лифляндскія, по Новой Сербіи, Выборгской губ. и г. Нарвѣ.

160. См. Грибовскій,—154.

161. 28 Дек. 1762 г.

162. Въ немъ говорится и о реформѣ Сената.

163. Первый деп. получилъ значеніе правительственнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, 2-й принималъ значеніе судебнаго. 3-му подлежали дѣла Малороссіи, лифляндскія и эстляндскія, о путяхъ сообщенія, народномъ просвѣщеніи, дѣла дворцоваго вѣд., полиціи. Къ этому же деп. было отнесено управл. Ак. Наукъ, Университетомъ, Ак. Художествъ и пр. 4-му поручались дѣла по Военной и Адмиралтейской Коллегіямъ съ зависящими установленіями.

164. Изъ елисаветинскихъ сенаторовъ — канцлеръ Воронцовъ былъ въ первомъ деп., Трубецкой во второмъ, Бутурлинъ въ третьемъ, Р. Л. Воронцовъ въ 4-мъ, кн. Одоевскій въ 6.

165. Грибовскій, — 169.

166. Не по вопросамъ суда и надзора, которые по преимуществу объединились во второмъ деп.

167. Изъ дон. гр. Мерси д'Аржанто.

168. С. И. Р. И. О. т. XXII, 20—21. См. Проектъ Императорскаго совѣта. Чечулинъ. Спб. 1894,—5.

169. С. И. Р. И. О. т. 46, — 322.

170. С. И. Р. И. О. т. 46, — 377.

171. См. Чистовичъ. Историч. Зап. о Совѣтѣ въ царств. Екатерины II. Спб. 1870,—5.

172. 6 Ноября 1790 года. Екатерина писала принцу де-Лиль: „Не бойтесь: я не прировняю никогда писемъ вашихъ къ письмамъ нѣкоторыхъ моихъ сосѣдовъ. Ваши дѣлаютъ Мнѣ всегда удовольствіе, а другіе нерѣдко скучаютъ. Для того отдаю ихъ какъ можно скорѣе на глубокомысленное разсмотрѣніе Моего совѣта, съ которымъ я всегда согласна, когда онъ одного мнѣнія со Мною...“.

„Подлинные анекдоты“ Императрицы Екатерины Великой. М. 1806, — 169.

173. Ешевскій, соч. ч. II. Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны. М. 1870.

174. „Подлинные анекдоты". Предисловіе.

175. 2 Августа 1762 г.

176. Бильбасовъ, т. 2, — 517.

X.

177. Андреевъ. Представители власти, Спб. 1870, — 236.

Оглавленіе.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ 5

УЧРЕЖДЕНІЕ СЕНАТА.

I. (22 Февраля 1711 года — 28 Января 1725 года).

Время Петра Великаго.

Дума Княжеская и Царская. Почему Петръ Великій не преобразовалъ Царскую Думу. „Коллегіи". Консилія бояръ въ Ближней Канцеляріи. Прутскій походъ. Сенатъ. Инструкція Сенату. Кругъ дѣятельности Сената. Указъ 5-го Марта. Фискалы. Коммиссары. Власть Сената. Его недостатки. Канцелярія. Реформы. 1722 годъ. Сенатскій судъ. Генералъ-рекетмейстеръ. Герольдмейстеръ. Недостатки фискальнаго надзора. Надзоръ прокурорскій и фискальный. Генералъ-прокуроръ. Петровскій Сенатъ. 11

ВЕРХОВНЫЙ ТАЙНЫЙ СОВѢТЪ.

II. (28 Января 1725 года — 6 Мая 1727 года).

Время Екатерины Первой.

Восшествіе на Престолъ Екатерины Первой. Какую роль въ этомъ событіи игралъ Сенатъ. Верховный Тайный Совѣтъ. Было ли неожиданностью его установленіе. „Мнѣніе не въ указъ". „Высокій" Сенатъ. Протесты Сената. Его подчиненное положеніе. Права въ области финансовыхъ дѣлъ. Уничтоженіе должности генералъ-прокурора и прокуратура. Судьба должности генералъ-рекетмейстера. Положеніе оберъ-прокурора Сената и его роль. Фискалатъ. Сенатъ при Екатеринѣ Первой. 49

III. (6 Мая 1727 года — 18/19 Января 1730 года).

Время Петра Второго.

Верховный Тайный Совѣтъ. Петръ Второй. Отношеніе В. Т. Совѣта къ Сенату. Измѣненія компетенціи послѣдняго. Фискалатъ. Прокуратура. Положеніе надзора. Сенатъ при первыхъ преемникахъ Петра Великаго. 72

IV. (18/19 Января 1730 года — 4 Марта 1730 года).

Послѣдніе дни Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Кончина Петра Второго. Выступленіе В. Т. Совѣта. „Кондиціи". Недовольство, вызванное дѣйствіями В. Т. Совѣта. Отвѣтъ Анны Іоанновны и продолженіе броженія. Пріѣздъ Императрицы и отношеніе ея къ „кондиціямъ". Прошеніе дворянства. Крушеніе „кондицій" и судьба В. Т. Совѣта. Нѣмецкая олигархія. . 80

КАБИНЕТЪ.

V. (4 Марта 1730 года — 17 Октября 1740 года).

Время Анны Іоанновны.

Блестящій Сенатъ. Удаленіе изъ него прежнихъ дѣятелей. Возстановленіе должности генералъ-прокурора и удаленіе затѣмъ Ягужинскаго. Возникновеніе Кабинета. Указы. Компетенція Сената. Кабинетъ и Сенатъ. Сенатъ времени Анны Іоанновны. Его паденіе. Сближеніе съ Кабинетомъ. Организація послѣдняго. Предѣлы вѣдомства Кабинета и Сената. 93

VI. (17 Октября 1740 года — 8 Ноября 1740 года — 25 Ноября 1741 года).

Время Іоанна Антоновича.

Правленіе Бирона и Анны Леопольдовны.

Общая неопредѣленность положенія. Стремленія Бирона. Положеніе Сената въ правленіе Анны Леопольдовны. Рекетмейстеръ. Волокита въ дѣлахъ. Прокуратура. Компетенція Сената.

Сенатъ при Кабинетѣ. Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ. Отношеніе къ Кабинету русскихъ современниковъ. Нѣмцы. Возвращеніе къ петровскимъ идеаламъ. 112

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ СЕНАТА.

VII. (25 Ноября 1741 года — 25 Декабря 1761 года).

Время Елисаветы Петровны.

Возвращеніе прежнихъ правъ Сенату. Указъ 12 Декабря 1741 года. Подтвержденіе прежнихъ указовъ въ руководство Сенату. Власть Сената. Заботы объ Уложеніи. Чрезвычайное развитіе дѣятельности Сената. Администрація. Внутреннее управленіе. Финансы. Перепись. Соляное дѣло; промышленность; винокуреніе; мѣры противъ голода и т. д. Военное дѣло. Полиція. Крестьянскіе бунты. Тайная Канцелярія. Гуманитарная дѣятельность Сената. Судъ. Народное образованіе. Сенатъ и генералъ-прокуроръ. Елисаветинскій Сенатъ—Сенатъ по мысли Петра I. Волокита въ коллегіяхъ. Проектъ Кабинета. Конференція. Елисаветинскій Сенатъ. 125

VIII. (25 Декабря 1761 года — 28 Іюня 1762 года).

Время Петра Третьяго.

Конференція. Совѣтъ при Высочайшемъ Дворѣ. Судебное значеніе Сената. Петръ III. Его отношеніе къ дѣламъ. 150

ПРЕОБЛАДАНІЕ СУДЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СЕНАТА.

IX. (28 Іюня 1762 года — 6 Ноября 1796 года).

Время Екатерины Второй.

Воцареніе Екатерины. Ея отношеніе къ Сенату. Безпорядки въ управленіи и борьба съ ними Екатерины. Проектъ Панина, его замѣчанія о раздѣленіи Сената на департаменты и критика работы сенаторовъ. Вопросъ объ устройствѣ Сената въ особомъ совѣщаніи. Департаменты. Генералъ-прокуроръ и „Секретнѣйшее Наставленіе“. Роль екатерининскаго генералъ-прокурора. Судебное значеніе Сената и надзоръ. Генералъ-рекетмейстеръ. Паденіе законодательнаго значенія Сената. Государственный Совѣтъ. Его вѣдомство и составъ. Екатерининскій Сенатъ. Екатерина Великая. . 159

X. (6 Ноября 1796 года — 11 Марта 1801 года).

Время Павла Петровича.

Одна изъ характеристикъ Екатерины Второй. Планъ реформъ Павла Перваго. Высочайшій Совѣтъ. Нерѣшенныя дѣла. Медленность въ дѣлопроизводствѣ Сената и причины ея. 187

ПРИМѢЧАНІЯ. 195